

Сара Уотерс — автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову.

Daily Mail

Дорогие Гости

18+

САРА
УОТЕРС

Большой роман

Сара Уотерс
Дорогие гости

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уотерс С.

Дорогие гости / С. Уотерс — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-15586-2

Сара Уотерс – современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (Daily Mail). О данном романе газета Financial Times писала: «Своими предыдущими книгами, три из которых попадали в Букеровский шорт-лист, Сара Уотерс поставила планку качества очень высоко. И даже на таком фоне „Дорогие гости“ – это апофеоз ее таланта». Итак, познакомьтесь с Фрэнсис Рэй и ее матерью. В Лондоне, еще не оправившемся от Великой войны, они остались совершенно одни в большом ветшающем доме: отца и братьев нет в живых, держать прислугу не позволяют средства. Отчаявшись, Фрэнсис и миссис Рэй сдают полдома совершенно незнакомым людям – молодым супругам Барбер, Леонарду и Лилиане, из «класса клерков». И вся жизнь семейства Рэй меняется, но совершенно не так, как они рассчитывали. «Это книга о старом капризном бойлере, фарфоровых чашках и прогнивших половицах. Это книга о любви и страсти, потрясающей до основания и сводящей с ума. И еще это настоящий детектив, с трупом, полицией и нагнетанием атмосферы в духе Достоевского» (Fem_books). Впервые на русском.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15586-2

© Уотерс С., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Часть I	7
1	7
2	24
3	39
4	55
5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сара Уотерс Дорогие гости

Sarah Waters

The Paying Guests

© М. Куренная, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство ИНОСТРАНКА ®

*Посвящается Джудит Мюррей,
с любовью и благодарностью*

Часть I

1

Барберы обещали приехать к трем.

«Маемся, как перед дальней дорогой», – подумала Фрэнсис. С самого утра они с матерью ежеминутно поглядывали на часы, ничего не могли с собой поделывать. В половине третьего она в смутной тоске обошла дом, точно в последний раз. После этого нервное напряжение сначала возросло, потом сменилось апатией, и сейчас, в пять без малого, Фрэнсис снова прислушивалась к эху собственных шагов, не испытывая ни малейшей любви к скупо обставленным комнатам и страстно желая лишь одного: чтобы чета Барберов поскорее прибыла, вселилась – и дело с концом.

Она остановилась у окна самой большой комнаты, до недавних пор служившей материнской спальней, а теперь переделанной в гостиную для Барберов, и задумчиво уставилась на улицу. Вечер был солнечный, но пыльный. Порывы ветра взметывали клубы пыли с мостовой и тротуаров. Особняки напротив выглядели по-воскресному пустыми – впрочем, как и в любой другой день недели. Прямо за углом находился большой отель, и время от времени по улице проезжали автомобили и таксомоторы, направлявшиеся туда или оттуда. Изредка мимо неспешным прогулочным шагом проходили люди. Но в целом Чемпион-Хилл казался тихим и сонным. Огромные сады, густые деревья. «Даже и не подумаешь, – мелькнуло у Фрэнсис в уме, – что грязный Камберуэлл совсем рядом. Даже и не представить, что всего в миле-другой к северу отсюда – Лондон, жизнь, блеск и все такое».

Услышав шум мотора, она повернула голову. К дому приближался торговый автофургон. Неужели они? Да нет, быть не может. Фрэнсис ожидала, что они придут на грузовой подводе, ну или даже пешком, – но да, фургон, резко скрежеща тормозами, останавливался у обочины тротуара, и теперь она различала лица в кабине, чуть наклоненные вперед и пристально смотрящие на нее: водитель, мистер Барбер – и миссис Барбер между ними. Чувствуя себя как в ловушке, в окне у них на виду, Фрэнсис приветственно подняла руку и улыбнулась.

«Так вот, значит, как, – сказала себе она, продолжая улыбаться. – На самом деле похоже не на начало путешествия, а на самый конец долгого пути, когда не хочется выходить из поезда». Она отошла от окна и, спустившись в холл, по возможности веселее крикнула в гостиную:

– Мам, они приехали!

Ко времени, когда Фрэнсис открыла входную дверь и вышла на крыльцо, Барберы уже выгружали вещи из фургона. Им помогал водитель, молодой парень в почти таком же, как у мистера Барбера, спортивном пиджаке с полосатым галстуком, такой же узколицый и с такими же свободно растрепанными волосами – Фрэнсис не сразу и поняла, кто из них двоих мистер Барбер. Прежде она видела чету Барберов всего один раз, почти две недели назад, дождливым апрельским вечером. Муж тогда приехал прямо со службы, в макинтоше и котелке.

Но теперь она вспомнила эти рыжеватые усы и темно-золотистые волосы. У водителя волосы посветлее. Жена, тогда одетая строго и довольно безлико, сейчас была в юбке с бахромой, на добрых шесть дюймов выше щиколоток, и малиновом свитере – длинном и просторном, под которым тем не менее ясно угадывались все изгибы тела. Как и мужчины, она была с непокрытой головой. Коротко стриженные темные волосы вольно вились у щек, но плотно облегали затылок подобием черной шапочки.

И какими же юными все они казались! Мужчины выглядели ну просто мальчишками, хотя при первой встрече Фрэнсис решила, что мистеру Барберу лет двадцать шесть-двадцать

семь, то есть как ей примерно, а миссис Барбер где-то двадцать три. Но сейчас она усомнилась. Шагая по вымощенной дорожке через палисадник, она слышала возбужденные, несдержанные голоса. Молодые люди вытащили из фургона дорожный сундук и кое-как опустили наземь, при этом мистеру Барберу, похоже, придавило пальцы. «Вот только смеяться не надо!» – комически-жалостно возопил он, обращаясь к жене, и Фрэнсис вспомнился показательно-изысканный тон, каким они с ней разговаривали в прошлую встречу.

Миссис Барбер взяла его руку:

– Дай-ка посмотрю... Да ну, ничего страшного.

Он вырвал руку:

– Это *пока* ничего страшного. А ты погоди маленько. Ой, больно-то как!

Водитель потер нос:

– Эй, вы там... это...

Он заметил Фрэнсис у садовой калитки.

Барберы обернулись и поздоровались сквозь смех – и она отчего-то тоже рассмеялась, хотя и несколько неловко.

– Ну вот и вы, – сказала она, выходя к ним на тротуар.

– Ага, вот и мы, – откликнулся мистер Барбер, все еще хихикая. – Уже портим репутацию вашей улицы, как видите.

– О, мы с матерью только этим и занимаемся!

– Извините за опоздание, мисс Рэй, – заговорила миссис Барбер, более серьезно. – Время ведь летит – не замечаешь. Надеюсь, мы не заставили вас ждать? Можно подумать, мы добились из Джон-о'Гротс¹ или откуда-нибудь вроде.

Они приехали из Пекхам-Рая, что находился милях в двух отсюда.

– Самый короткий путь – иногда самый долгий, верно? – сказала Фрэнсис.

– А в случае с Лирианой – всегда, – кивнул мистер Барбер. – Мы с мистером Уисмутом уже в час были готовы выехать. Это мой друг Чарльз Уисмут, который любезно разрешил нам воспользоваться для переезда фургоном своего отца.

– Да ничего подобного! – возмутилась миссис Барбер, в то время как мистер Уисмут с улыбкой шагнул вперед и пожал Фрэнсис руку. – Не были они готовы, мисс Рэй, честное слово!

– Были-были! Сидели ждали, пока ты там возилась со своими шляпками.

– Так или иначе, теперь вы здесь.

Вероятно, голос Фрэнсис прозвучал суховато. Трое молодых людей заметно смутились, и мистер Барбер, коротко взглянув на свои ушибленные костяшки, вернулся к задней дверце фургона. Поверх его плеча Фрэнсис мельком увидела, что там внутри: куча битком набитых чемоданов, беспорядочная груда столов и стульев, бесчисленные тюки с постельным бельем и коврами, патефон, плетеная птичья клетка, псевдобронзовая напольная пепельница на псевдомраморной подставке... При мысли, что все эти вещи сейчас перетащат в ее дом и что чета Барберов – которые оказались не совсем такими, как она помнила, а моложе и нахальнее – разместит их там по своему усмотрению и беспардонно совет среди них свое гнездо... при одной этой мысли Фрэнсис испытала приступ паники. Господи, да что же она натворила? У нее внезапно возникло ощущение, будто она впускает в свой дом грабителей и захватчиков.

Но если она хочет сохранить дом, ничего другого просто не остается. С решительной улыбкой Фрэнсис подошла к фургону, намереваясь помочь с разгрузкой.

Мужчины не позволили.

– Не беспокойтесь, мисс Рэй. Правда не беспокойтесь, – сказала миссис Барбер. – Лен и Чарльз сами справятся. Здесь вещей-то всего ничего.

¹ Джон-о'Гротс – деревня, расположенная на самой северной оконечности Шотландии. (Здесь и далее – примеч. перев.)

Похлопывая пальцами по губам, она задумчиво обвела взглядом тюки, чемоданы и предметы мебели, постепенно скапливающиеся вокруг нее на тротуаре.

Теперь Фрэнсис вспомнила эти губы – вывернутые наружу, как она для себя сформулировала. В отличие от прошлого раза, сегодня они подведены помадой, и брови у миссис Барбер выщипаны в ниточку по последней моде. Эти стильные штрихи образа, наряду со всем прочим, заставили Фрэнсис почувствовать неловкость, заставили осознать, что она выглядит настоящей старой девой со своими заколотыми в пучок волосами, со своей угловатой худобой, в своей старомодной блузке, заправленной в юбку с высоким поясом, как носили во время войны, которая закончилась уже четыре года назад. Увидев, как миссис Барбер берет поддон с комнатными растениями и одновременно неуклюже пытается подцепить на запястье ротанговый портплед, она воскликнула:

– Позвольте мне взять сумку, по крайней мере!

– Ах, не стоит, право слово!

– Нет, я все-таки должна взять хоть что-нибудь!

Наконец, когда мистер Уисмут в очередной раз высунулся из фургона, она выхватила у него из рук кошмарную напольную пепельницу и пошла с ней через сад, чтобы настежь открыть дверь дома. Миссис Барбер, осторожно ступая, поднялась вслед за ней на крыльцо.

У самого порога, однако, она нерешительно остановилась и заглянула в холл поверх своих папоротников:

– Очень мило! В точности как я помню!

Фрэнсис резко обернулась:

– Правда?

Сама она видела здесь сплошной обман: повсюду потертости, царапины и дыры, кое-как покрашенные, замазанные или залатанные; зияющая брешь на месте высоких стоячих часов, которые пришлось продать полгода назад; отполированный до блеска обеденный гонг, в который уже давным-давно не звонили.

Миссис Барбер все еще топталась на крыльце, не осмеливаясь войти.

– Ну же, входите, – пригласила Фрэнсис. – Теперь это и ваш дом тоже.

Миссис Барбер приподняла плечи, закусила губу и вскинула брови, всем своим видом выражая восторг. И осторожно вступила в холл, где сразу попала каблуком на шаткую плитку черно-белого пола и смущенно хихикнула:

– Ой, мамочки!

Из двери гостиной тотчас появилась мать Фрэнсис. Вероятно, она давно уже стояла за ней, настраиваясь на подобающий радостный лад.

– Добро пожаловать, миссис Барбер! – Она с лучезарной улыбкой двинулась навстречу. – Ах, какой чудесный папоротник! Кроличья лапка, да?

Миссис Барбер произвела некоторые маневры с подносом и портпледом, чтобы протянуть руку для пожатия.

– Честно сказать, понятия не имею.

– Она самая, наверняка. Кроличья лапка, это ж прелесть какая! Надеюсь, вы до нас добрались без проблем?

– Да, но извините, что мы так опоздали.

– Ничего страшного. Комнаты никуда не убегут. Надо напоить вас чаем!

– О, не стоит беспокоиться.

– Но вы непременно должны выпить чаю. Когда переезжаешь на новое место, всегда первым делом хочешь выпить чаю – и никогда не находишь чайника. Сейчас я все приготовлю, а моя дочь тем временем проводит вас вверх. – Она с сомнением посмотрела на громоздкую пепельницу. – Ты ведь поможешь нашим гостям, да, Фрэнсис?

– Не стоять же в стороне, когда миссис Барбер вон как нагружена.

– О, вы вовсе не обязаны нам помогать, – сказала миссис Барбер и, снова хихикнув, добавила: – Мы и не рассчитываем.

«Какой у нее смех...» – подумала Фрэнсис, поднимаясь по лестнице впереди постоялицы.

Они остановились на широкой лестничной площадке. Дверь слева была закрыта – она вела в спальню Фрэнсис, единственную верхнюю комнату, остававшуюся в их с матерью распоряжении, – а две другие двери были распахнуты, и предвечернее солнце, густо-желтое, как яичный желток, лило в фасадные комнаты лучи, почти достигавшие лестницы. Яркий свет беспощадно обнажал прорехи в коврах, но заставлял сверкать паркет эпохи Регентства, который Фрэнсис, выбиваясь из сил, натирала по утрам несколько последних дней, доводя до темно-шоколадного блеска. Миссис Барбер не пожелала идти по паркету на каблуках.

– Ничего страшного, – сказала Фрэнсис. – Он все равно скоро потускнеет.

– Нет, не хочу поцарапать, – твердо ответила миссис Барбер и, поставив на пол поддон с растениями и сумку, сняла туфли.

Она оставляла на мастике маленькие влажные следы. На ней были темные чулки с черными пяткой и носком, где уплотненный шелк имел вид причудливых рубчатых вставок. Фрэнсис держалась позади и наблюдала, как миссис Барбер вошла в большую из комнат, оглядываясь вокруг столь же внимательно и восхищенно, как недавно в холле, и улыбаясь каждой старинной детали обстановки.

– Какая чудесная комната. Она даже больше, чем мне показалось в прошлый раз. Мы с Леном здесь просто потеряемся. Когда мы жили у его родителей, своя у нас была только спальня. И их дом... ну совсем не похож на ваш. – Она подошла к окну слева (тому самому, у которого стояла Фрэнсис десять минут назад) и приставила ладонь козырьком ко лбу. – Надо же, какое солнце! Когда мы приезжали сюда в прошлый раз, было пасмурно.

Фрэнсис наконец приблизилась к ней:

– Да, это самая солнечная комната. Боюсь, вид отсюда так себе, хотя мы почти на самой вершине холма.

– О, все же кое-что видно там, между домами!

– Между домами – да, пожалуй. А если вы посмотрите на юг – вон туда, – показала она пальцем, – то при старании различите башни Хрустального дворца². Только нужно придвинуться поближе к окну... Видите?

Несколько мгновений они стояли голова к голове. Лицо миссис Барбер было всего в дюйме от стекла, чуть запотевшего от дыхания. Глаза с черными ресницами поискали вдали башни – и быстро нашли.

– Ой, да! – восторженно воскликнула она.

Затем миссис Барбер отодвинулась от окна и перевела взгляд на мужчин у фургона. Тон у нее переменялся на снисходительный.

– Вы только посмотрите на Лена! Опять чем-то недоволен! Вот же слабак!

Она постучала по стеклу и прокричала, энергично жестикулируя:

– Пусть Чарли возьмет это! Иди сюда, посмотри, какое солнце! *Солнце!* Видишь, нет? *Солнце!* – Она уронила руки. – Не слышит. Ну и ладно. До чего же забавно, однако, выглядят отсюда наши вещи, выставленные вот так, на тротуаре. Убожество какое-то! Блошиный рынок, да и только. Что подумают ваши соседи, мисс Рэй!

Действительно – что? Фрэнсис уже заметила в доме напротив остроглазую миссис Доусон, которая старательно делала вид, будто возится с оконным шпингалетом. А теперь еще мистер Лэмб с соседней Хай-Крофт-стрит, проходя мимо, остановился и с любопытством уставился на набитые чемоданы, обшарпанные жестяные сундучки, сумки, корзины и скатанные

² *Хрустальный дворец* – выставочный павильон, построенный в Гайд-парке к Всемирной выставке 1851 г., а впоследствии разобранный и перенесенный в лондонское предместье Сиднем-Хилл.

ковры, которые мистер Барбер и мистер Уисмут для удобства складывали на низкую кирпичную ограду сада.

Она увидела, как двое мужчин приветственно кивнули мистеру Лэмбу, и расслышала их голоса:

– Здравствуйте!

– Добрый вечер!

Пожилой джентльмен немного смешался, не в силах определить общественный статус молодых людей – вероятно, сбитый с толку полосатыми «клубными» галстуками.

– Надо бы выйти помочь, – сказала Фрэнсис.

– Да, сейчас спущусь к ним! – живо отозвалась миссис Барбер.

Однако, покинув большую комнату, она забрела в соседнюю спальню, а оттуда прошла в последнюю комнату – маленькую заднюю, расположенную через площадку напротив спальни Фрэнсис. Фрэнсис с матерью по-прежнему называли ее «комнатой Нелли и Мейбел», хотя у них не было ни Нелли, ни Мейбел, ни других домашних слуг с тех пор, как в 1916 году всех их переманили военные заводы. Комнату переоборудовали в кухню – с буфетом, раковиной, газовым освещением, газовой плитой и счетчиком-автоматом. Фрэнсис самолично покрыла лаком обои и покрасила пол морилкой, решив не воцить. Буфет и стол с алюминиевой столешницей она перетащила наверх из судомойни, пока матери не было дома.

Фрэнсис постаралась устроить все в лучшем виде. Но сейчас, глядя на миссис Барбер, вступающую во владение комнатами, мысленно расставляющую в них свои вещи, она вдруг почувствовала себя лишней – словно превратилась в собственный призрак.

– Ну, если я вам больше не нужна, – неловко проговорила она, – пойду посмотрю, как там ваш чай. Если что-нибудь понадобится, я буду внизу. Вам лучше обращаться ко мне, а не к моей матери, и... Ах да! – Она остановилась и запустила руку в карман. – Вот, возьмите, пока я не забыла.

Фрэнсис достала ключи от дома – два комплекта, каждый на своем шнурке. Ей потребовалось известное усилие, чтобы отдать их, вложить в ладонь этой молодой женщины, почти девочки, совершенно незнакомой, которую она призвала в свою жизнь, поместив объявление в «Саут-Лондон-пресс». Миссис Барбер приняла ключи с величайшей серьезностью, наклоном головы показав, что понимает важность момента. С неожиданной деликатностью она сказала:

– Спасибо, мисс Рэй. Спасибо, что так замечательно все обустроили. Уверена, мы с Леонардом будем здесь счастливы. Нимало не сомневаюсь. Разумеется, у меня тоже есть кое-что для вас, – добавила она, убирая ключи в портплед и вынимая оттуда измятый коричневый конверт.

Плата за две недели. Пятьдесят восемь шиллингов. Фрэнсис услышала хруст банкнот и позвякивание монет. Постаравшись придать лицу деловое выражение, она взяла у миссис Барбер конверт и небрежно сунула в карман – как будто, подумалось ей, кто-нибудь поверит, что деньги для нее пустая формальность, а не самая суть, постыдная подоплека всего дела.

Внизу мужчины, пыхтя, тащили через холл ножную швейную машину. Фрэнсис проскользнула мимо них в гостиную, чтобы одним глазком взглянуть на деньги. Она распечатала конверт – да, вот они! Самые что ни на есть настоящие, *ее* собственные! Ей захотелось поднести купюры к губам и поцеловать. Она сунула конверт обратно в карман и едва ли не вприпрыжку бросилась через холл и по коридору в кухню.

Мать как раз снимала с плиты чайник, со слегка растерянным и встревоженным видом, какой всегда принимала, оставаясь на кухне одна. Она походила на пассажира тонущего лайнера, которого втолкнули в машинное отделение и велели встать к приборам. Она передала чайник в более твердые руки Фрэнсис, а сама стала доставать чайную посуду, молочник, сахарницу. Поставила на поднос три чашки с блюдцами для Барберов и мистера Уисмута, затем взяла еще два блюдца и заколебалась.

– Как думаешь, нам выпить чаю с ними? – шепотом спросила она.

Фрэнсис тоже на миг заколебалась. А как вообще принято?

Ай, не все ли равно? Деньги-то уже у них. Она выхватила у матери блюдца:

– Нет, давай даже начинать не будем. Стоит начать – так и потянется. Мы сядем в гостиной, а они пускай пьют наверху. Я подам им печенья к чаю.

Фрэнсис открыла жестяную банку, запустила туда руку – и снова засомневалась. А так ли уж необходимо печенье? Она положила на тарелку три штуки, поставила тарелку на поднос рядом с чайником, потом передумала и убрала.

Но тут же вспомнила, как милая миссис Барбер сняла туфли, чтобы не поцарапать натертый паркет, вспомнила необычные рубчатые пятки ее шелковых чулков – и вернула тарелку с печеньями на поднос.

Мужчины еще с полчаса ходили вверх-вниз по лестнице, потом какое-то время было слышно, как наверху передвигают ящики и коробки, переставляют мебель, весело перекликаются из разных комнат. Один раз вдруг загремел патефон, и Фрэнсис с матерью в ужасе переглянулись.

Но в шесть мистер Уисмут ушел, предварительно постучавшись в гостиную и вежливо попрощавшись, и в доме стало тише.

Однако дом определенно был уже не тот, что два часа назад. Фрэнсис с матерью уселись с книгами у французских окон, собираясь с толком использовать остатки дневного света: в последние годы они привыкли на всем экономить по мелочам. Но прямо над гостиной – красивой длинной комнатой, разделенной двойными дверями, которые весной и летом оставляли открытыми, – находились спальня и кухня Барберов, и Фрэнсис, переворачивая страницы, постоянно думала о паре наверху, чье чужеродное присутствие ощущалось, как соринка в глазу. Какое-то время оба сновали взад-вперед по спальне, со стуком открывая и закрывая выдвижные ящики. А вот кто-то из них вошел в кухню, остановился, и после продолжительной паузы раздался странный резкий звук, похожий на глоток железного механического чудовища. Один глоток, второй, третий, четвертый... Фрэнсис недоуменно уставилась в потолок и лишь через несколько секунд сообразила, что там просто кидают шиллинги в счетчик. Чуть погодя пустили воду из крана, а затем послышался другой странный шум, вроде глухой пульсации или частого пыхтения, – вероятно, заработал счетчик, когда по трубе пошел газ. Должно быть, миссис Барбер поставила кипятиться чайник. Теперь к ней присоединился муж. Сверху донеслись веселые голоса, смех... Фрэнсис поймала себя на мысли, что гости явно чувствуют себя как дома.

Потом осознала весь смысл этих слов, и сердце у нее защемило.

Пока она собирала в кухне холодный воскресный ужин, Барберы спустились и постучались в дверь, сначала жена, потом муж: туалет располагался на заднем дворе, и чтобы туда попасть, нужно было проходить через кухню. Оба состроили извиняющуюся мину; Фрэнсис тоже извинилась перед обоими. Она думала, что такое положение дел доставит квартирантам не меньше неудобства, чем ей самой, но теперь засомневалась. Даже пятьдесят восемь шиллингов у нее в кармане начали утрачивать свою магическую силу: до Фрэнсис постепенно стало доходить, насколько трудно будет отработать полученные деньги. Она даже не предполагала, до чего странно и неприятно будет слышать и видеть, как молодые супруги по-хозяйски расхаживают по дому. Когда мистер Барбер, вернувшись со двора, направился обратно в верхние комнаты, Фрэнсис услышала, что в холле он остановился. Гадая, что же его там задержало, она отважилась выглянуть в коридор. Молодой человек разглядывал картины на стенах, словно посетитель художественной галереи. Подавшись вперед, чтобы получше рассмотреть гравюру с изображением Рипонского собора, он выудил из кармана спичку и принялся ленивоковыряться в зубах.

С матерью Фрэнсис своими чувствами не поделилась. Придерживаясь обычного вечернего распорядка, они спокойно поужинали вдвоем, сыграли пару партий в нарды, без четверти десять выпили по чашке слабого какао, а потом занялись рутинными делами, которыми всегда завершали день: навели порядок в гостиной, прикрутили газовые рожки, взбили диванные подушки, заперли окна.

Мать первой пожелала доброй ночи и ушла к себе. Фрэнсис задержалась в кухне, чтобы убраться и вычистить печь. Она сходила в туалет, накрыла стол к завтраку, вынесла в палисадник молочный бидон и повесила рядом с калиткой. А когда вернулась в дом и стала прикручивать газовую лампу в холле – заметила свет под дверью материнной спальни. Вообще-то, Фрэнсис не имела обыкновения заглядывать туда после того, как мать уходила спать, но сегодня эта полоска света словно поманила. Фрэнсис приблизилась к двери и постучала:

– Можно?

Мать сидела в кровати. Волосы, прежде заколотые в пучок, она распустила и заплела в тощие косицы, похожие на измочаленные веревки. До войны волосы у нее были каштановые, рыжевато-каштановые, как у Фрэнсис, но за последние несколько лет поседели, поредели, стали жесткими и ломкими. Сейчас, в свои пятьдесят пять, она была совсем седая, как старуха; темными оставались только брови, резко очерченные над красивыми карими глазами. На коленях у нее лежала книжонка из разряда вагонной макулатуры, «Ребусы и головоломки», и она подбирала слова в акростих.

Когда Фрэнсис вошла, мать внимательно посмотрела на нее поверх очков для чтения:

– Случилось чего, Фрэнсис?

– Нет. Просто решила заглянуть. Разгадывай дальше свою головоломку.

– Да это пустяки, вместо снотворного.

Однако затем она снова сосредоточенно уставилась в страницу и, похоже, нашла наконец нужное слово: проверяла, подходит ли оно, вода по буквам карандашом и шевеля губами. Свободная половина кровати была плоской, как гладильная доска. Фрэнсис скинула тапочки, забралась в кровать и легла на спину, руки за голову.

Еще месяц назад эта комната служила столовой. Фрэнсис покрасила старые красные обои и перевесила картины, но, как и в случае с новой кухней наверху, результат получился не ахти. Немногочисленные предметы мебели из бывшей материнской спальни стояли как-то неловко, точно непрошенные гости, явно тоскуя по своим родным вмятинам в полу верхней комнаты. Часть столовой мебели пришлось оставить здесь же, за неимением другого места, и душная теснота обстановки отдавала старостью и немного, самую малость, – больничной палатой. Подобные комнаты Фрэнсис видела в детстве, когда навещала хворых двоюродных бабушек. «Не хватает только запаха ночного горшка, – подумала она, – да прикроватного колокольчика, чтобы вызывать усатую великовозрастную дочь, так и оставшуюся в старых девах».

Она поспешно прогнала образ, возникший перед глазами. Наверху кто-то из Барберов прошел через гостиную – мистер Барбер, судя по тяжести и частоте шагов; миссис Барбер ступает легче и ходит медленнее. Фрэнсис провела взглядом по потолку, следуя за звуком.

Мать тоже посмотрела вверх.

– День больших перемен, – вздохнула она. – Они что, еще не все вещи распаковали? Взволованы, наверное, страшно. Мы с твоим отцом были в таком же состоянии, когда только въехали сюда. Мне кажется, дом им понравился – ты как думаешь? – Она понизила голос. – Он ведь просто нечто, правда?

Фрэнсис ответила таким же приглушенным тоном:

– Во всяком случае, *ей* понравился. У нее такой вид, будто она не верит своему счастью. А вот насчет него я не уверена.

– Ну, это чудесный старый дом. И собственное жилье, что немаловажно для молодых.

– Так Барберы вроде не молодожены. Разве они не говорили, что женаты уже три года? Поженились сразу после войны, насколько я поняла. Но детей нет.

– Нет, – повторила мать с ноткой осуждения, а потом, перейдя к следующей мысли, добавила: – Жаль, что в наше время все молодые женщины считают нужным малеваться.

Фрэнсис развернула к себе книжку и принялась изучать акростих, чувствуя строгий взгляд матери.

– И не говори. Даже по воскресеньям!

– Не воображай, будто я не понимаю, когда ты надо мной подшучиваешь, Фрэнсис.

Наверху рассмеялась миссис Барбер. Какой-то легкий предмет, уроненный или брошенный, со стуком упал и покатился по полу. Фрэнсис оставила попытки решить головоломку.

– Как по-твоему, из каких она?

Мать закрыла книжку и положила на тумбочку.

– Кто?

Фрэнсис показала подбородком на потолок:

– Миссис Би. Мне думается, отец у нее руководитель филиала какой-нибудь фирмы. Мать из довольно «приличной» семьи. «Индийская любовная песня» на патефоне, – возможно, брат успешно служит в торговом флоте. Уроки фортепиано для девочек. Походы в Королевскую академию раз в год. – Она широко зевнула и, прикрыв рот тыльной стороной ладони, продолжила сквозь зевок: – В том, что наши постояльцы так молоды, есть один несомненный плюс: они могут нас сравнивать только с родителями мистера Барбера. Им невдомек, что мы понятия не имеем, как себя вести с ними. Покуда мы будем разыгрывать роль домовладелиц достаточно усердно, мы для них таковыми и останемся.

Мать страдальчески поморщилась:

– Ох, ну зачем называть все своими именами? Ты прямо как миссис Сивью из Уортинга.

– В наше время быть домовладелицей не зазорно. Лично я намерена наслаждаться своим статусом домовладелицы.

– Да хватит уже повторять это слово!

Фрэнсис улыbnулась. Но мать сидела с совершенно уже несчастным выражением лица, теребя шелковую кайму одеяла. Еще чуть-чуть, поняла Фрэнсис, и она скажет: «Ах, это разбило бы сердце твоего отца!» А поскольку даже сейчас, почти четыре года спустя после его смерти, при одной мысли о нем у Фрэнсис неизменно возникало желание заскрежетать зубами, выругаться, вскочить и грохнуть что-нибудь об пол, она поспешно перевела разговор на другую тему. Мать входила в правление местной благотворительной организации, и Фрэнсис спросила, чем там сейчас занимаются. Они немного поговорили о предстоящей ярмарке.

Когда лицо матери прояснилось, став просто усталым лицом пожилой женщины, Фрэнсис поднялась с кровати:

– Тебе принести чего-нибудь? Может, печенья пожевать перед сном?

Мать начала устраиваться в постели:

– Нет, не хочу печенья. Потуши свет, пожалуйста.

Она откинула косицы с плеч и поудобнее положила голову на подушку. На переносице у нее остались вмятины от очков, похожие на синяки. Когда Фрэнсис потянулась к лампе, наверху опять послышались шаги, и она снова вскинула глаза к потолку:

– Как будто там Ноэль или Джон-Артур... – пробормотала она, гася свет.

«Да, действительно, как будто они», – подумала Фрэнсис несколькими секундами позже, стоя в темном холле. Ибо теперь ощутила запах табачного дыма, услышала невнятный мужской голос на лестничной площадке и глухой стук мужских домашних туфель. Сердце у нее вдруг зашло, дыхание мучительно перехватило, как бывает, когда неудачно ударишься локтем или коленом. Как неожиданно накатывает горе, до сих пор! Фрэнсис помедлила у подножия лестницы, пережидая приступ боли. «Если бы только, – впервые за долгое время подумала она,

поднимаясь по ступенькам, – ах, если бы только я могла сейчас, свернув с лестницы, увидеть на площадке кого-нибудь из братьев – Джона-Артура, например; худого, вечно серьезного, как все книгочеи, похожего на чудаковатого монаха в своем коричневом егеровском халате³ и сандалиях из „Гарден-Сити“...»

Но там оказался всего лишь мистер Барбер, с сигаретой в углу рта, без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Он возился с какой-то мерзкой штуковиной, которую, очевидно, только что повесил на стену: помесь барометра и платяной щетки, покрытая ядовито-оранжевым лаком. И пятна ядовитого цвета теперь повсюду, удрученно отметила Фрэнсис. Будто какой-то великан, сосавший целый мешок разноцветных леденцов, прошелся языком по дому. Поверх выгоревшего старинного ковра в бывшей материнной спальне расстелены кричащие псевдоперсидские ковры. Прекрасное трюмо наискось завешено индийской шалью с бахромой. На стене эстамп с античными обнаженными фигурами, в стиле лорда Лейтона⁴. Плетеная клетка медленно вращалась на шнуре, привязанном к крюку, вкрученному в потолок. В клетке, на жердочке из папье-маше, сидел попугай из шелка и перьев.

Газовые рожки на лестничной площадке, отвернутые до предела, яростно шипели. «Интересно, – подумала Фрэнсис, – помнят ли жильцы, что за газ платим мы с матерью?»

Встретившись взглядом с мистером Барбером, она сказала фальшиво-жизнерадостным тоном под стать новой обстановке:

– Обустроиваетесь, да?

Мистер Барбер вынул изо рта сигарету и подавил зевок:

– На сегодня с меня хватит, мисс Рэй. Я внес свою лепту, перетаскав сюда все чертовы ящики. А вот порядок пусть наводит Лиλιана. Она такое любит. Дай ей волю, навела бы порядок во всей Англии.

До сих пор Фрэнсис не рассматривала мужчину толком, отметила лишь лейтмотив поведения – шутивную ворчливость, – но и все, ничего более вещественного. Теперь же, в ровном газовом свете, она увидела безупречную опрятность всего облика, свойственную клеркам. Без ботинок он был всего на дюйм-два выше ее. «Слабак», – назвала его жена, но для слабака в нем слишком много жизни. Рыжеватая щетина, крохотные рябинки от прыщей на щеках, узкий подбородок, скученные зубы, белесые, почти невидимые ресницы. Но вот глаза, ярко-голубые, почти синие глаза делали его прямо красавцем, ну или почти, – во всяком случае, мужчиной куда более привлекательным, чем ей показалось поначалу.

Фрэнсис отвела взгляд:

– Ладно, пойду спать.

Он подавил очередной зевок:

– Счастливица вы! А мне еще ждать и ждать, пока Лили украшает спальню.

– Я потушила свет внизу. С каменной сеткой в холле есть небольшая хитрость, так что я решила сама погасить. Надо будет показать вам, как с ней управляться.

– Покажите сейчас, если хотите, – услужливо предложил он.

– Мать уже легла спать. Ее комната внизу, прямо у лестницы.

– А. Тогда завтра покажете.

– Обязательно. Боюсь, правда, если вам или миссис Барбер понадобится выйти во двор ночью, внизу будет темно.

– О, мы найдем дорогу.

– Можете взять лампу.

³ «Егер» (Jaeger) – британская компания, выпускающая одежду из натуральных волокон (шерсти и т. п.); учреждена в 1884 г.

⁴ *Фредерик Лейтон* (1830–1896) – английский художник, яркий представитель викторианского академизма.

– Да, точно, отличная мысль. Или знаете что? – Молодой человек улыбнулся. – Я отправлю Лили вниз на веревке. Если что не так, она мне подержит.

Он говорил шутливым тоном, пристально глядя на Фрэнсис. Но чувствовалось в нем что-то такое, от чего ей стало немножко не по себе. Она замешкалась с ответом, а мистер Барбер, по-прежнему не сводя с нее своих ярко-голубых глаз, поднес к губам сигарету, глубоко затянулся и скривил рот, чтобы выпустить дым в сторону.

В следующий миг выражение его лица изменилось. Дверь спальни открылась, и появилась миссис Барбер. В руках она держала какой-то эстамп – не иначе еще одна голая натура авторства лорда Лейтона, заподозрила Фрэнсис, – и при виде него мистер Барбер возопил шутливо-страдальческим тоном:

– Черт побери, женщина! Ты все никак не угомонишься?

Она улыбнулась Фрэнсис:

– Просто навожу красоту.

– Бедная мисс Рэй хочет спать. Она пришла пожаловаться на шум.

У миссис Барбер вытянулось лицо.

– Ох, мисс Рэй, прошу прощения!

– Вы вовсе не шумели, – поспешно сказала Фрэнсис. – Мистер Барбер шутит.

– Я собиралась доделать все завтра. Но стоило начать – и вот, никак не остановиться.

Лестничная площадка казалась Фрэнсис страшно тесной, когда они стояли здесь все вместе. Неужели им троим придется каждый вечер сталкиваться тут и обмениваться любезностями?

– Занимайтесь своими делами, сколько вам нужно, – сказала она с наигранной бодростью. – Только... – Она было двинулась к своей двери, но остановилась. – Вы ведь не забудете, что в комнате под вами спит моя мать?

– О, ни в коем случае! – заверила миссис Барбер.

– Разумеется, не забудем, – эхом подхватил муж с самым серьезным видом.

Фрэнсис пожалела, что упомянула про мать. Смущенно пробормотав: «Ну, доброй вам ночи», она прошла в свою комнату и оставила дверь приоткрытой, пока зажигала свечу. Вернувшись к двери, она увидела мистера Барбера, который смотрел на нее, попыхивая сигаретой. Потом он улыбнулся и ушел.

Закрыв дверь и тихо повернув ключ в замке, Фрэнсис облегченно вздохнула. Она скинула тапочки, сняла блузку, нижнее белье и чулки – и наконец, словно тучная матрона, распустившая шнурки корсета, снова стала самой собой. Широко потянувшись, она обвела глазами полутемную комнату, восхитительно пустую и спокойную. На каминной полке лишь два серебряных подсвечника, и ничего больше. Книжный шкаф набит битком, но книги стоят аккуратными рядами; на полу темнеет единственный ковер. Светлые стены: обои она содрала, а штукатурку покрасила белой темперой. Даже гравюры в рамках выглядят совершенно ненавязчиво: японский интерьер и пейзаж Фридриха, еле различимый в свечном свете, – гряда оснеженных гор, растворяющихся в фиолетовой дали.

Зевнув, Фрэнсис нащупала шпильки в волосах и вытащила одну за другой. Она налила воды в умывальный тазик, протерла фланелькой лицо, шею и под мышками. Почистила зубы, смазала вазелином щеки и руки, огрубевшие от работы. А потом, поскольку ей не давал покоя запах сигареты мистера Барбера, до сих пор витавший в воздухе, она достала из прикроватной тумбочки пачку курительной бумаги и коробочку табака. Ловко скрутив сигаретку и прикурив от свечи, она забралась в кровать и задула свечу. Фрэнсис любила курить так, голой в прохладной постели, в крошечной темноте, где алеет лишь уголек сигареты, освещая ее пальцы.

Сегодня, правда, в комнате не совсем темно: с лестничной площадки просачивается свет, тонкая яркая полоска под дверью. Чем они там сейчас занимаются? До нее доносились приглушенные неразборчивые голоса. Обсуждают, куда повесить дрянную картинку? Если они нач-

нут стучать молотком, придется встать и сказать что-нибудь. Если они оставят светильники на площадке гореть в полную силу, тоже придется сказать что-нибудь. Фрэнсис принялась подбирать в уме фразы.

Извините, что приходится поднимать эту тему... Помните, мы договаривались?... Наверное, мы могли бы...

Было бы лучше, если бы...

Боюсь, я совершила ошибку.

Нет, не надо об этом думать! Слишком поздно. Давно уже стало слишком поздно.

В конечном счете спала Фрэнсис хорошо. Она проснулась в шесть, когда вдали завыл первый фабричный гудок, почти сразу опять задремала и через час очнулась, вырванная из путаного сна резким сверлящим звуком непонятной природы. «Это будильник у Барберов зазвонил», – смутно сообразила она чуть погодя. Казалось, всего минуту назад она лежала здесь и прислушивалась к затихающему бормотанию постояльцев, укладывающихся спать. Теперь же все происходило в обратной последовательности: Барберы вышли из спальни, зевая и перешептываясь, тихо спустились по лестнице и сбегали во двор, потом загремели посудой в своей кухне, заваривая чай, жаря завтрак. Фрэнсис старательно подмечала каждый звук: бульканье закипающего чайника, скворчание ветчины на сковороде, легкий стук бритвы о раковину. Она должна привыкнуть, приладиться к такому вот новому началу своего дня.

Фрэнсис вспомнила про пятьдесят восемь шиллингов. Пока мистер Барбер собирался на службу, она встала и неторопливо оделась. Он вышел из дома в восемь без малого, когда его жена уже вернулась из кухни в спальню. Фрэнсис еще немного помедлила, чтобы не сложилось впечатления, будто она только и ждала ухода мистера Барбера, а потом отперла дверь и быстро спустилась вниз. Она выгребла золу из печи и разожгла огонь. Сходила во двор, вернулась в дом и пожелала доброго утра матери, приготовила чай, сварила яйца. Но все время, пока она хлопотала по хозяйству, голова у нее была занята подсчетами. Как только они с матерью позавтракали и убрали со стола, она уселась за бюро с расходной книгой и просмотрела пачку счетов, скопившихся за последние полгода.

Мяснику и рыбнику нужно сразу отдать крупные суммы. От прачки, пекаря и угольщиков можно отделаться малыми выплатами. Налоговые уведомления придут через пару недель, вместе с квартальным счетом за газ, который будет больше обычного, поскольку в него войдет стоимость кухонной плиты, счетчика и труб, установленных наверху. Надо расплатиться и за все остальное, что потребовалось для подготовки комнат к приезду Барберов, – за лак, краску, мастику и тому подобное. Только через три-четыре месяца – в августе или сентябре, не раньше – арендные деньги начнут откладываться на семейном банковском счете в виде чистой прибыли.

Но в августе или сентябре все же лучше, чем никогда, гораздо лучше, – и Фрэнсис в приподнятом настроении отложила расходную книгу. Пришел подручный пекаря, а за ним следом разносчик из мясной лавки. В кои-то веки она взяла хлеб и мясо с чувством полного своего права, а не с таким ощущением, будто скупает краденое. Мясо – баранью шейку – можно будет потушить с овощами. Еда Фрэнсис не интересовала – нистряпня, ни самый процесс поглощения пищи, – но за годы войны она поневоле приобрела некоторые кулинарные навыки, и ей нравилось решать чисто практические задачи: например, как из одного дешевого куска мяса приготовить несколько разных блюд. Такое же отношение было у нее и к работе по дому: она с куда большей охотой бралась за дела необычные – начистить лестничные ковродержатели или до блеска отдраить плиту, – которые требовали планирования, стратегического подхода, правильного выбора химикатов и вспомогательных средств.

Но в большинстве своем хозяйственные обязанности неизбежно носили рутинный характер. Дом изобиловал всевозможными неудобствами вроде затейливой лепнины, настенных

реек для картин и резных плинтусов, с которых приходилось обметать пыль почти каждый день. Вся мебель – разных сортов темного дерева – тоже нужно было регулярно протирать. Отец Фрэнсис питал страсть к «английской старине», совершенно не учитывая особенности регентского стиля самого особняка, и в каждом углу дома стояли вычурные кресла и комоды яковинской эпохи⁵. При жизни отца эти предметы обстановки уважительно назывались «папиной коллекцией», а через год после его смерти Фрэнсис пригласила оценщика – и все они оказались викторианскими подделками. Перекупщик, приобретший напольные часы, предложил ей три фунта за все. Она была бы рада положить в карман деньги и избавиться от чертова хлама, но мать решительно воспротивилась.

– Подлинные они или нет, – заявила она, – но в них душа твоего отца.

«Скорее, его глупость», – мысленно ответила Фрэнсис.

Так что мебель осталась, а значит, три-четыре раза в неделю Фрэнсис приходилось по-крабьи шустро сновать по комнатам, смахивая метелкой пыль с крученых ножек шатких столиков и рельефных завитков да ромбиков, украшающих грубо вытесанные кресла.

Самую тяжелую домашнюю работу Фрэнсис оставляла на дни, когда мать отлучалась из дома. Поскольку сегодня понедельник, планы у нее обширные. По утрам в понедельник мать обсуждает приходские дела с местным викарием, и в ее отсутствие Фрэнсис успеет «сделать» весь первый этаж.

Как только передняя дверь захлопнулась, Фрэнсис засучила рукава, надела фартук и повязала волосы косынкой. Она начала с материнной спальни, затем перешла в гостиную, чтобы подмести там пол и вытереть пыль, – господи, а пыли-то сколько! Откуда она вообще берется? Такое впечатление, будто сам дом порождает ее, как тело источает пот. Сколько ни встрясай, сколько ни выколачивай ковер или диванную подушку, пыль все равно сейчас же снова появится. В гостиной стоял шкафчик-горка со стеклянными дверцами, всегда плотно закрытыми, но и в нем все предметы за день-другой покрывались пылью, и их приходилось протирать опять и опять. Порой у Фрэнсис возникало желание переколотить все фарфоровые чашечки и блюдца к чертовой матери. Однажды, в припадке раздражения, она отломала голову у одной из розовощеких стаффордширских статуэток – и голова, наспех приклеенная обратно, теперь сидела на плечах кривовато.

Сегодня, впрочем, Фрэнсис не испытывала обычного недовольства. Работала споро и толково: из гостиной переместилась наверх лестницы, с тазиком и щеткой, и спустилась вниз, тщательно вычищая каждую ступеньку. Набрала воды в ведро, принесла подколенный коврик и начала мыть пол в холле. Пользовалась она только уксусом. Мыло оставляет разводы на темных плитках. Сначала мокрой тряпкой размачиваешь и оттираешь грязь, а потом, уже досуха выжатой, проходишься по полу одним широким плавным движением... Ну вот! Как блестят плитки, любо-дорого смотреть! Конечно, блеск исчезнет через пять минут, когда влага испарится, – ну так и все на свете недолговечно. Важно уметь наслаждаться яркими мгновениями. Какой смысл сосредотачиваться на шероховатостях жизни? Она молода, неглупа, здорова. У нее есть... а что у нее есть? Да вот такие маленькие радости. Маленькие успехи на кухне. Сигаретка на сон грядущий. Походы в кинематограф с матерью по средам. Регулярные вылазки в город. Да, периодически накачивает известного рода возбуждение, так ведь это с каждым бывает. Томление, чувственное желание... Но Фрэнсис, не скованная предрассудками прошлого века, умела справиться с подобными состояниями. Удивительно, подумала она, передвигая коврик, ведро и принимаясь за следующий участок пола; поистине удивительно, до чего просто удовлетворить такую потребность, даже среди бела дня, даже когда мать дома, всего лишь незаметно отлучившись в свою спальню на пару минут, в перерыве между чисткой пастернака и заправкой супа или пока ждешь, когда поднимется тесто...

⁵ Яковинская эпоха (1567–1625) – период правления короля Якова VI Шотландского, он же Яков I Английский.

Услышав шаги наверху, Фрэнсис вздрогнула. Она совсем забыла про постояльцев. Она вскинула глаза и сквозь лестничные балясины увидела миссис Барбер, неуверенно спускавшуюся вниз.

Фрэнсис залилась краской, будто пойманная за чем-то неприличным. Но миссис Барбер тоже покраснела. Хотя время шло к одиннадцати, она все еще была в ночной рубашке, поверх которой накинула атласный японский халат (кажется, такие называются «кимоно», подумала Фрэнсис), и в турецких шлепанцах на босу ногу. В руках постоялица держала полотенце и мешочек с банными принадлежностями. Поздоровавшись с Фрэнсис, она заправила за ухо локон, примятый со сна, и застенчиво сказала:

– Я бы хотела принять ванну.

– О, конечно!

– Если вас не затруднит. После ухода Лена я снова заснула и...

Фрэнсис поднялась на ноги:

– Нисколько не затруднит. Мне надо зажечь для вас колонку, вот и все. Днем мы с матерью обычно ее не зажигаем. Следовало предупредить вас вчера. Сможете тут пройти? Придется перепрыгнуть. – Она передвинула ведро. – Вот сухое место.

Миссис Барбер, продолжавшая спускаться по ступенькам, ничего не ответила и покраснела еще сильнее. Она оторопело смотрела на косынку Фрэнсис, на закатанные рукава, красные руки, поломойный коврик, все еще с вмятинами от коленей. Фрэнсис хорошо знала это выражение лица, уже до тошноты ей надоевшее, если честно, поскольку она видела его постоянно: у соседей, торговцев, материных подруг – людей, которые пережили самую страшную войну в истории человечества, но почему-то впадали в замешательство при виде женщины «из приличных», выполняющей черную работу по дому.

– Помните, я говорила, что у нас нет помощников? Я не преувеличивала, как видите. Единственное, чему я говорю твердое «нет», – это стирка. Мы по-прежнему почти все отсылаем в прачечную. Но вся остальная работа на мне. «Генералки», «повседневки» – да, я знаю жаргонные словечки!

Миссис Барбер наконец улыбнулась. Но потом, взглянув на еще не вымытый пол позади Фрэнсис, снова смутилась, теперь по-другому.

– Боюсь, мы с Леном страшно натоптали вчера. Я как-то не подумала...

– О, эта плитка пачкается сама собой. Как и все в доме.

– Я сейчас переоденусь и домою тут.

– Даже не думайте. У вас есть где убираться. Вы же обходитесь без горничной – а чем я лучше вас? Кроме того, вы даже не представляете, как лихо я орудую шваброй. Ну-ка, давайте помогу вам...

Миссис Барбер уже стояла на нижней ступеньке и явно не знала, куда шагнуть. После минутного колебания она оперлась на протянутую руку Фрэнсис и перепрыгнула через вымытые плитки. При приземлении кимоно у нее распахнулось, открыв ночную рубашку, под которой волнующе колыхнулись налитые, ничем не стесненные груди.

Женщины прошли через кухню в судомойню. Там, рядом с раковиной, стояла ванна, накрытая побелевшей от времени деревянной крышкой, которую Фрэнсис использовала как сушильную доску. Одним ловким, отработанным движением она подняла крышку и прислонила к стене. Ванна была древней, ее уже не однажды эмалировали заново – в последний раз это делала сама Фрэнсис, и не сказать, чтобы она осталась вполне довольна результатом. Эмаль легла пузырями и походила на изъеденную проказой кожу, что сегодня бросалось в глаза особенно резко. Газовая колонка фирмы «Вулкан» тоже имела устрашающий вид: грязно-зеленый клепаный цилиндр на трех изогнутых ножках. В семидесятых годах прошлого века она, несомненно, была наивысшим достижением производителя, но сейчас выглядела как космический аппарат, в котором мог бы полететь на Луну какой-нибудь герой Жюль Верна.

– Боюсь, она у нас с норовом, – сказала Фрэнсис, объясняя устройство колонки. – Нужно повернуть вот этот кран – но только не *этой*, иначе весь дом взлетит на воздух. Огонь загорается здесь. – Она чиркнула спичкой. – Лицо лучше отвернуть. Мой отец однажды спалил брови, включая колонку. Ну вот.

Пламя вспыхнуло и зашипело, пожирая газ. Железный цилиндр загудел и задрезжал. Фрэнсис нахмурилась и уперла руки в бока:

– Вот же чудище. Вы уж извините, миссис Барбер. – Она обвела взглядом помещение: каменная раковина, паровой котел в углу, кафельные стены, как в морге. – Хотелось бы, конечно, чтобы дом больше соответствовал современным требованиям.

Но миссис Барбер энергично потрясла головой:

– Ах, бросьте, пожалуйста! – Она снова заправила за ухо непослушный локон, и Фрэнсис увидела крохотную ямочку в мочке – прокол для сережки. – Мне нравится ваш дом таким, какой он есть. Сразу видно, дом с прошлым. Вещи... не все они должны быть современными. Иначе все будет совершенно безликое, без своего характера...

И вот опять, подумала Фрэнсис, эта благожелательность, эта доброта, эта милая деликатность.

– Ну, по части характера нашему дому нет равных, – рассмеялась она. Потом продолжила уже более серьезным тоном: – Я рада, что вам здесь нравится. Очень рада. Мне наш дом тоже нравится, хотя порой я об этом забываю... Так, теперь еще одно. Ни в коем случае нельзя, чтобы колонка нагревалась, когда через нее не идет вода, – иначе не станет ни дома, который нам нравится, ни нас, которым он нравится! Справитесь? Если вдруг огонь погаснет – а такое, увы, иногда случается, – крикните меня.

Миссис Барбер улыбнулась, показав ровные белые зубы:

– Хорошо. Спасибо, мисс Рэй.

Фрэнсис оставила ее одну, а сама вернулась в холл, к недомытому полу. Дверь судомойни затворилась, тихо шелкнула задвижка.

Но дверь между кухней и коридором стояла приоткрытой, и Фрэнсис, снова взявшись за тряпку, слышала, и очень отчетливо, как миссис Барбер готовится принять ванну: звякнула цепочка пробки, зашумела и забулькала вода. Казалось, она льется чересчур долго. Насчет того, что они с матерью пользуются колонкой, Фрэнсис наврала: они почти никогда ее не зажигали, слишком дорогое удовольствие, а горячую воду таскали из бойлера в старомодной кухонной плите. Мылись, как правило, раз в неделю, часто по очереди в одной воде. Если миссис Барбер вздумает принимать ванну ежедневно, счет за газ вырастет вдвое.

Наконец шум воды прекратился. Послышался плеск и глухой стук пяток о дно, когда миссис Барбер ступила в ванну, а потом громкое бултыхание, когда она села. Затем настала тишина, нарушаемая лишь редким, гулким шлепаньем капель из крана.

Звуки эти вызывали смутное беспокойство, такое же, какое Фрэнсис испытала при виде распахнувшегося кимоно. А сильнее всего беспокоила тишина. Еще совсем недавно, сидя за бюро, Фрэнсис мысленно представляла квартирантов в сугубо корыстном свете – чем-то вроде двух гигантских шиллингов, ковыляющих на коротких ножках. Но на самом деле постояльцы в твоём доме – это совсем другое, подумала она, переползая на коленях немного назад; это такое вот странное сожительство без близости, такие вот почти интимные моменты, как сейчас, когда от голой миссис Барбер ее отделяют лишь несколько футов кухни да тонкая дверь судомойни. Перед глазами у Фрэнсис неожиданно возникло видение: округлые налитые груди, алеющие от жара.

Она встала на коврик поудобнее и принялась яростно тереть пол.

Когда мать вернулась домой к обеду, на стенах судомойни еще не высохли капли водяного пара. Фрэнсис сообщила, что миссис Барбер принимала ванну.

– В десять утра? В халате? Ты шутишь?

– Нисколько. В атласном причем. Правда здорово, что это ты сидела у викария, а не он у нас?

Мать побледнела, но промолчала.

Они съели обед – цветную капусту под сыром, – после чего удобно расположились в гостиной. Миссис Рэй делала заметки для приходского бюллетеня. Фрэнсис чинила белье, доставая из корзины вещи одну за другой. На ручке кресла у нее лежала свежая «Таймс». Какие там последние новости?

Она неуклюже перелистала страницы, все еще пахнувшие типографской краской. Ничего интересного, обычная муть. Горацио Боттомли⁶ предстал перед судом Олд-Бейли по обвинению в мошенничестве на четверть миллиона фунтов. Какой-то член парламента требовал наказания плетью для торговцев кокаином. Французы стреляли в сирийцев, китайцы стреляли друг в друга, мирные переговоры в Дублине закончились ничем, в Белфасте произошли очередные убийства... Но принц Уэльский на фотографии с рыбалки в Японии выглядел вполне довольным жизнью, а маркиза Карисбрук устраивала благотворительный бал в пользу «Друзей Бедноты». Так что все в порядке, подумала Фрэнсис. Она не любила «Таймс», но денег на вторую, менее консервативную газету у них не было. В любом случае чтение новостей в последнее время неизменно приводило ее в уныние. В годы своей необычной военной молодости она деятельно отзывалась на каждую политическую новость: писала письма в разные комитеты, посещала собрания и митинги. Теперь же, казалось, мир стал настолько сложным, что никакие его проблемы не решить. Она видела в нем лишь хаос конфликтующих интересов и с горечью сознавала тщетность любых усилий. Фрэнсис отложила газету. Завтра она порвет ее на растопку.

По крайней мере, сейчас в доме стало тихо, стало почти как прежде. До недавнего времени сверху доносился глухой грохот и скрип: миссис Барбер передвигала мебель. Теперь она, наверное, в гостиной... чем занимается, интересно? В кимоно ли она по-прежнему? Почему-то Фрэнсис хотелось думать, что да.

Чем бы там постоялица ни занималась, в продолжение всего чаепития наверху стояла тишина. Миссис Барбер ожила незадолго до шести: сначала забегала взад-вперед, словно лихорадочно пытаясь навести порядок, потом загремела посудой в кухоньке. Через полчаса, готовя ужин в собственной кухне, Фрэнсис вдруг услышала скрежет ключа в замке входной двери и удивленно вскинула голову. Но тотчас сообразила: ну конечно, мистер Барбер вернулся с работы.

Он пошаркал ногами по коврику, в точности как отец в свое время. Устало поднялся по лестнице и шумно, со стоном, зевнул на самом верху. Но через пять минут, убирая со стола картофельные очистки, Фрэнсис услышала, как он спускается обратно. Раздался скрип шагов в коридорчике, потом голос:

– Тук-тук, мисс Рэй! – В приоткрытой двери показалось лицо мистера Барбера. – Не возражаете, если я пройду?

Сейчас, с набриолиненными, прилизанными волосами, он выглядел старше, чем вчера. На лбу у него осталась красная полоса от котелка.

Выйдя из туалета, молодой человек ненадолго задержался во дворе. Фрэнсис видела в окно, как он стоит в нерешительности, раздумывая, следует ли подойти и заговорить с ее матерью, которая срезала спаржу поодаль в саду. Решив не подходить, он вернулся к дому и остановился, разглядывая кирпичную кладку и оконные рамы, потом какую-то трещину или щербину в пороге.

⁶ Горацио Боттомли (1860–1933) – английский финансист, журналист, издатель и член парламента, в 1922 г. обвиненный в мошенничестве и приговоренный к семи годам тюремного заключения.

– Как поживаете, мисс Рэй? – спросил мистер Барбер, возвратившись в кухню.

Фрэнсис поняла, что беседы не избежать. Впрочем, пожалуй, не помешает узнать квартиранта получше.

– Прекрасно. А вы? Как прошел день?

Он подергал жесткий строгий воротничок:

– О, обычная веселуха.

– То есть неприятности?

– С таким начальником, как у меня, каждый день неприятности. Вам наверняка знаком такой типаж: вздорный малый, который дает вам сложить столбец цифр, а когда получившийся результат его не устраивает, винит во всем вас! – Он поднял подбородок и почесал горло, не сводя глаз с Фрэнсис. – Выпускник элитной частной школы, ясное дело. Я был лучшего мнения об этих ребятах, а вы?

К чему это он? Может, решил, что ее братья... да нет, конечно, ничего он о них не знает и знать не может, хотя и спит с женой в их бывшей комнате.

Фрэнсис ответила, пытаясь подстроиться под его тон:

– Я слышала, их сильно переоценивают. Вы работаете в страховой фирме, если я правильно помню?

– Да. За грехи мои тяжкие.

– А чем именно занимаетесь?

– Я эксперт по страхованию жизни. Наши агенты присылают заявки на страховые полисы, я их передаю нашему медику и на основании его заключения оцениваю жизнь, подлежащую страхованию: хороша она для нас, плоха или посредственна.

– Хороша, плоха или посредственна, – повторила Фрэнсис, пораженная такой классификацией. – Вы прямо как апостол Петр.

– Апостол Петр! – Он расхохотался. – Мне нравится. Очень остроумно, мисс Рэй. Надо будет опробовать вашу шутку на ребятах в «Перле».

Фрэнсис думала, что, отсмеявшись, мистер Барбер удалится, но короткий обмен репликами только привел его в более общительное настроение. Он бочком подошел к двери судомойни, прислонился к косяку и с видимым удовольствием стал наблюдать за Фрэнсис, занятой работой. Она чувствовала пристальный синий взгляд, изучающий ее во всех подробностях: кухонный фартук, закудрявившиеся от пара волосы, засученные рукава, красные костяшки пальцев.

Фрэнсис начала крошить мяту для соуса. Мистер Барбер поинтересовался, из своего ли сада мята.

– Да, – ответила она, а он кивнул в сторону окна.

– Я только что там стоял, его разглядывал. Ох и большущий же! Неужели вы с матерью одни за ним ухаживаете?

– Для тяжелой работы мы кого-нибудь нанимаем, когда... – «Когда можем себе позволить», – подумала она. – Когда возникает такая необходимость. Сын викария косит нам лужайку. А со всем остальным мы вполне справляемся сами.

Это было не совсем правдой. Мать в меру своих аристократических сил занималась подрезкой веток и прополкой. Фрэнсис же считала садоводство просто еще одной домашней работой, только на свежем воздухе, а у нее и других дел хватало. Как следствие, сад – прекрасный при жизни отца – с каждым годом все сильнее разрастался летом, становился все неопрятнее и запущеннее.

– Я буду рад помочь вам с ним – вы только прикажите, – сказал мистер Барбер. – Дома я всегда помогал отцу по саду. Он у нас даже не вдвое, а вчетверо, если не впятеро меньше вашего. Но мой старик разгулялся там вовсю. Даже огурцы в парнике выращивает. Красавцы

– вот такой длины! – Он расставил ладони, показывая размер. – Вы когда-нибудь думали об огурцах, мисс Рэй?

– Ну...

– О том, чтобы их выращивать, я имею в виду.

Это что, какой-то непристойный намек? Да нет, быть не может. Но глаза у него весело блестели, в точности как вчера вечером, и подобно тому как тогда что-то в его поведении смутило Фрэнсис, так и сейчас у нее возникло ощущение, будто он подшучивает над ней, пытается вогнать в краску.

Не отвечая, она повернулась прочь, чтобы взять уксус и сахар к мяте, а когда смешала соус и переложила в судок – достала из духовки котелок с рагу и потыкала ножом мясо, готово ли. Она стояла к нему спиной так долго, что он наконец понял намек и оттолкнулся плечом от косяка. Фрэнсис показалось, что, выходя из кухни, молодой человек улыбался. Едва оказавшись в коридоре, он принялся насвистывать, довольно неблагозвучно. Бойкая мелодийка из какого-то мюзикла – Фрэнсис не сразу узнала «Дай мне руку, шалунишка». По мере того как мистер Барбер поднимался по лестнице, свист доносился все слабее, а потом и вовсе стих, но через несколько минут Фрэнсис вдруг поймала себя на том, что и сама насвистывает песенку. Она тотчас же прекратила, но мистер Барбер словно бы оставил за собой стойкий запах: дурацкий мотивчик весь вечер вертелся у нее в голове, как она ни старалась от него отделаться.

2

Веселое насвистывание слышалось в доме и все последующие дни. И протяжные, со стоном, зевки наверху лестницы. И еще чихи – громкие мужские чихи, похожие на заглушенные ладонью короткие вопли, которые Фрэнсис помнила со времен, когда здесь жили братья. Чихи почему-то никогда не были одиночными, но выдавались целыми очередями, которые неизменно завершались трубным сморканием. И унитазное сиденье теперь вечно оставалось поднятым, а на ободке самого унитаза постоянно появлялись ярко-желтые брызги и налипали рыжеватые курчавые волоски. И наконец, каждый вечер ровно в половине одиннадцатого раздавался энергичный стук ложечки в стакане – мистер Барбер размешивал порошок от несварения, – а немного погодя следовала тихая отрыжка.

Впрочем, все это не особо раздражало. Можно и потерпеть, ради двадцати-то шиллингов в неделю. Фрэнсис надеялась, что со временем привыкнет к постояльцам, а постояльцы привыкнут к ней, что жизнь в доме войдет в обычную колею и все постепенно притрутся друг к другу – как, наверное, выразился бы мистер Барбер. Правда, Фрэнсис совершенно не представляла, чтобы они с ним смогли когда-нибудь притереться друг к другу, и она пережила несколько приступов тяжелейшего уныния, когда лежала в кровати с сигаретой, снова и снова задаваясь вопросами: ну что я натворила? на что обрекла дом? с чего вообще взяла, что овчинка стоит выделки?

Но по крайней мере, с присутствием миссис Барбер в доме Фрэнсис легко мирилась. Похоже, та ее утренняя ванна была случайной прихотью. Она почти все время оставалась в своих комнатах, продолжала «наводить марафет», как шутливо ворчал муж: украшала стены и каминные полки бисерными лентами, шнурами макраме, кружевной тесьмой, расставляла страусиные перья в вазах – Фрэнсис мельком видела все это великолепие каждый раз по пути в свою спальню или оттуда вниз. Однажды, проходя через лестничную площадку, она услышала звук, похожий на звяканье колокольчиков, глянула в открытую дверь гостиной и увидела там миссис Барбер с тамбурином в руке. С тамбурина свисали разноцветные ленточки, и вид он имел цыганский. Наряд миссис Барбер тоже походил на цыганский: длинная юбка с бахромой, турецкие туфли, красный шелковый шарф, повязанный на голове. Фрэнсис немного поколебалась, не желая ей мешать, а потом все-таки негромко спросила:

– Собираетесь плясать тарантеллу, миссис Барбер?

Миссис Барбер широко улыбнулась и подошла к двери:

– Да вот никак не соображу, что и как делать.

Фрэнсис кивком указала на тамбурин:

– Можно взглянуть поближе? – А когда он оказался у нее в руках, добавила: – Славная вещица!

Миссис Барбер сморщила носик:

– Да ну, у старьевщика купила. Хотя он настоящий итальянский.

– У вас экзотические вкусы, я вижу.

– Лен обзывает меня дикаркой. Говорит, мне следовало бы жить в джунглях. А мне просто нравятся разные диковинные вещи, из других стран.

«Ну и ладно, – подумала Фрэнсис, – что в этом плохого-то?»

Она потрясла тамбурин, постучала пальцами по кожаной мембране. Можно было бы помедлить, сказать еще что-нибудь, благо ситуация располагала. Но был вечер среды, а по вечерам в среду они с матерью ходили в кино. Совершив над собой некоторое усилие, Фрэнсис отдала тамбурин.

– Надеюсь, вы найдете для него подходящее место в своей гостиной.

Немногим позже, выходя с матерью из дома, она сказала:

– Может, стоило пригласить с нами миссис Барбер?

Мать с сомнением нахмурилась:

– Миссис Барбер? В кинематограф?

– Не стоило, по-твоему?

– Ну, может, как-нибудь впоследствии, когда узнаем ее получше. Но ведь пригласишь один раз – потом придется всегда приглашать. Иначе как-то неловко.

– Да, пожалуй, – поразмыслив, согласилась Фрэнсис.

Программа фильмов сегодня разочаровала: три первых комедийных – еще ничего, но драматический – полная пустышка, а в американском триллере сплошные дыры в сюжете. Фрэнсис с матерью тихонько выскользнули из зала еще до окончания сеанса, стараясь не привлекать внимания маленького оркестрика, и миссис Рэй, по обыкновению, посетовала на низкое эстетическое качество современных фильмов.

В фойе они столкнулись с миссис Хиллиард, своей соседкой. Она тоже уходила раньше, но не из партера, а из дорогой верхней ложи. Они вместе пошли по улице.

– Как ваши гости? – спросила миссис Хиллиард. Вежливость не позволяла ей называть их квартирантами. – Осваиваются? Я каждое утро вижу мужа, когда он уходит на службу. Приятный парень с виду и одетый со вкусом! Признаться, я вам завидую: у вас в доме снова появился мужчина. А вы, Фрэнсис, наверное, всегда рады пообщаться с молодыми людьми, с которыми можно подискутировать?

– О, времена, когда я любила подискутировать, давно остались в прошлом, – улыбнулась Фрэнсис.

– Да, разумеется. Уверена, ваша матушка очень этому рада.

В тот вечер на ужин были стейки из говяжьей пашины – Фрэнсис до седьмого пота отбивала жесткое мясо скалкой. На следующий день она среди всего прочего добрый час вычищала сажу из кухонного дымохода. Грязь забилась под ногти и в ладонные складки, и руки пришлось оттирать лимонным соком с солью.

А следующим утром, решив, что вполне заслужила пятничный отдых, Фрэнсис оставила для матери холодный обед, несколько кусков хлеба с маслом к чаю и отправилась в город.

Она выбиралась в город при каждой возможности – пройтись по магазинам, навестить старую подругу. В зависимости от погоды проделывала путь разными способами. Со дня приезда Барберов погода стояла ясная и теплая, так что можно было хорошенько прогуляться. Она добралась на автобусе до Воксхолла, а оттуда перешла по мосту через реку и неторопливо зашагала на север, выбирая улицы покрасивее.

Фрэнсис любила эти прогулки по Лондону. Она впитывала впечатления – каждую черточку, каждый штрих, – как сухая губка впитывает воду или разряженный аккумулятор – электричество. «Да, именно аккумулятор!» – подумала она, сворачивая на очередную улицу. Не наполнение текучей влагой, а легкое электрическое покалывание, возникающее словно бы от трения подошв о мостовую. Фрэнсис казалось, что в такие вот «наэлектризованные» моменты она становится собой настоящей – в те самые моменты, как ни парадоксально, когда она становится частью толпы, человеком без лица и имени. Но именно в анонимности и было все дело. Фрэнсис никогда не ощущала такой электрической подпитки, если шла по лондонским улицам не одна, а с кем-нибудь. Никогда не испытывала такого восторга, как сейчас, когда смотрела на тень от ограды, лежащую на истертых ступенях. Не глупо ли впадать в восторг при виде обычной тени? Не чудно ли? Всякого рода причуды Фрэнсис на дух не переносила. Но в причуду это обращалось лишь при попытке облечь впечатления в слова. Если взять и позволить себе просто почувствовать... Вот. Вот оно. Так туго натянутая струна, если ее тронуть, издает единственный чистый звук, ради которого и была создана. Как странно, что никто, кроме нее, этого не слышит! «Если бы я умерла сегодня, – подумала Фрэнсис, – и кто-нибудь стал вспоминать мою

жизнь, он бы даже не догадывался, что такие вот моменты – как здесь, на Хорсферри-роуд, между баптистской церковью и табачной лавкой, – были в ней самими главными».

Она пересекла улицу, размахивая сумкой. Высоко над головой кружилась пара чаек, издавая пронзительные крики, какие привычнее слышать у моря, а не в самом центре Лондона, – казалось, вот сейчас завернешь за угол, а там пирс и безбрежная морская гладь.

На рынке Страттон-Граунд Фрэнсис долго ходила от прилавка к прилавку, прицениваясь к распродажным товарам. В конце концов купила три катушки ниток, полдюжины пар бракованных шелковых чулков и коробочку канцелярских перьев. После прогулки от Воксхолла до Страттон-Граунда она проголодалась и теперь, уложив покупки в сумку, начала думать об обеде. Выбираясь в город, Фрэнсис часто перекусывала в Национальной галерее, музее Тейта и других подобных местах, где в буфетах всегда такая толчея, что можно заказать одного чаю, а потом незаметно достать принесенную с собой домашнюю булочку. Но так свойственно поступать старым девам, а сегодня Фрэнсис не хотелось чувствовать себя старой девой. Бог мой, ей ведь всего двадцать шесть! Она нашла уютное кафе с угловыми диванчиками и заказала горячий обед: яичницу с картошкой фри и хлеб с маслом – шиллинг и шесть пенсов за все, включая пенни на чай официантке. Фрэнсис преодолела искушение вытереть тарелку хлебной коркой, но пренебрегла приличиями настолько, что скрутила сигаретку. Неторопливо куря, она с удовлетворением прислушивалась к звону посуды и плеску воды, которые доносились из подвальной кухни: в кои-то веки ей не приходится мыть за собой посуду.

Затем Фрэнсис направилась к Букингемскому дворцу – не из сентиментальных чувств к королю и королеве, которых в общем и целом считала парочкой прирожденных кровопийц, а единственно ради удовольствия побыть там, в самой гуще городской жизни. По той же причине, побродив по Сент-Джеймскому парку, она пересекла Молл, поднялась по ступенькам и двинулась к Пиккадилли. Прогулялась по изогнутой дугой Риджент-стрит, останавливаясь поглазеть на ценники в нарядных витринах. Туфли по три гинеи, шляпки по четыре... В лавке на углу торговали персидским антиквариатом. Вон расписной кувшин, такой высокий и круглый, что в нем запросто спрячется вор. «Миссис Барбер понравился бы», – с улыбкой подумала Фрэнсис.

Сразу за Оксфорд-стрит дорогие магазины исчезли. Лондон сменил обличье – словно скинул богатый плащ. Превратился в беспорядочную мешанину обветшалых музыкальных лавок, итальянских бакалейных магазинчиков, дешевых гостиниц и пивнушек. Но Фрэнсис нравились названия улиц: Грейт-Касл, Грейт-Титчфилд, Райдинг-Хаус, Оугл, Клипстоун – на последней жила ее подруга Кристина, в двухкомнатной квартире на верхнем этаже уродливого дома сравнительно недавней постройки. Фрэнсис вошла в длинный холл, выложенный коричневой плиткой, поздоровалась с консьержем в кабинке, проследовала в открытый внутренний двор и начала долгое восхождение по лестнице. Подходя к двери Кристины, она услышала стрекот пишущей машинки, безостановочное лихорадочное «туки-тук-туки-тук». Она немного помедлила, переводя дыхание, надавила на кнопку звонка, и стук машинки тотчас прекратился. Через пару секунд Кристина открыла дверь и подставила для поцелуя бледное заостренное личико, беспомощно шурясь и моргая.

– Я тебя не вижу! Перед глазами только буквы, скачут как блохи! Я скоро ослепну, точно тебе говорю. погоди минутку, сейчас лоб смочу.

Проскользнув мимо Фрэнсис, она ополоснула руки в раковине на лестничной площадке и ненадолго прижала ладони ко лбу. Потом вернулась, потирая глаз мокрой костяшкой.

Дом находился в управлении общества, сдававшего квартиры работающим женщинам. Соседями Кристины были школьные учительницы, стенографистки, конторщицы. Сама она перебивалась перепечаткой рукописей и диссертаций для писателей и студентов, а от случая к случаю – секретарской или бухгалтерской работой. Сейчас, сообщила Кристина, проведя Фрэнсис в квартиру, она помогает одной новой политической газетке – набирает статистиче-

ские данные по «голоду в Поволжье»; и от бесконечной возни с выравниванием столбцов у нее уже голова раскалывается. Ну и сами цифры, конечно, удручают: сотни тысяч умирают от голода, сотни тысяч уже умерли. В общем, работка не из веселых.

– А самое ужасное, – виновато добавила Кристина, – мне от нее так есть захотелось! А в доме ни крошки.

Фрэнсис открыла сумку:

– Вауля! Я испекла тебе сдобу.

– Ах, Фрэнсис, не стоило!

– С изюмом. С утра таскаю с собой, а она весит добрую тонну.

Она вытащила коврижку, развязала бечевку и развернула бумагу. При виде блестящей коричневой корочки голубые глаза Кристины по-детски округлились, и она воскликнула:

– Такую булку непременно надо чуток поджарить!

Она поставила на конфорку чайник и полезла в буфет за электрическим обогревателем.

– Ты присядь, Фрэнсис, пока эта штуковина накаляется. Только окно приоткрой, пожалуйста, а то мы упаримся тут.

Чтобы поднять оконную раму, Фрэнсис пришлось убрать с подоконника дуршлаг.

Комната была просторная и светлая, оформленная в модных богемных цветах, но на полу кучами валялись книги и газеты, и все вещи лежали не на своих местах. Два карикатурно-викторианских кресла: одно – красное кожаное, изрядно потрепанное; другое – плюшевое, вытертое чуть не до дыр. На ручке плюшевого стоял поднос с посудой от завтрака на двоих: липкие пашотницы и грязные кружки. Фрэнсис передала поднос Кристине, которая все с него убрала, смахнула тряпкой крошки, а затем поставила на него чашки, блюда, тарелки, захватанную бутылку молока и отдала обратно. Толстостенные кружки, пашотницы, чашки, блюда были керамические, щедро облитые глазурью и довольно грубо обработанные, в умышленно «примитивной» манере. Кристина жила здесь с девушкой по имени Стиви. Стиви преподавала в Кэмденской женской школе, на художественном отделении, но пыталась приобрести известность как керамист.

Фрэнсис не то чтобы недолюбливала Стиви, но навещать подругу предпочитала в часы школьных занятий: все-таки она приходила повидаться с Крисси. Они с ней познакомились еще в середине войны. По иронии, когда наступил мир, они поссорились и расстались очень плохо, но судьба вновь свела их. Волею судьбы, случая или чего бы там ни было, как-то раз в прошлом сентябре Фрэнсис, спасаясь от ливня, забежала в Национальную галерею, побродила по фламандским залам, потом перешла в итальянские – и там натолкнулась на Кристину, тоже насквозь промокшую, которая со странным, смешанным выражением разглядывала «Аллегорию Венеры с Амуром». Отступать было поздно: пока Фрэнсис стояла в замешательстве, Кристина повернулась и встретилась с ней глазами. После первых минут неловкости обеим пришлось признать, что их встреча не простое стечение обстоятельств, и теперь они виделись два-три раза в месяц. Их дружба порой представлялась Фрэнсис подобием куска мыла – старого кухонного мыла, которое округло смылилось от долгого употребления и лежит в ладони удобно, но которое роняли на пол столь часто, что частицы золы въелись в него навечно.

Сегодня, например, Фрэнсис заметила, что Кристина изменила прическу. В прошлую встречу, две недели назад, волосы у нее были средней длины, но теперь затылок плотно острижен, лоб до середины закрывает прямая челка, а на щеки выступают гладкие заостренные пряди. Фрэнсис сочла прическу вызывающе эксцентричной. Таким же она сочла и платье подруги: вихрь грязно-розовых и серых оборок в тон стенам, декорированным в стиле Блумсбери. Собственно говоря, сами стены, да и всю неряшливую квартиру в целом, она оценивала точно так же. Фрэнсис каждый раз смотрела на этот беспорядок со смешанным чувством зависти и отчаяния, представляя, как чинно, строго и опрятно выглядели бы комнаты, принадлежи они ей.

Она ничего не сказала про стрижку. Она закрыла глаза на страшный беспорядок. Чайник закипел, и Кристина наполнила заварник. Тонко порезала сдобу, достала масло, ножи и две длинные медные вилки для поджаривания тостов.

– Давай сядем на пол и сделаем все как положено, – весело предложила она.

Они отодвинули кресла в сторону и удобно устроились на ковре. У Фрэнсис на ручке вилки была изображена Матушка Шиптон⁷, а у Кристины – кот со скрипкой. Серая решетка обогревателя порозовела, потом стала огненно-оранжевой, и в комнате сильно запахло горелой пылью.

Булка поджарилась быстро. Они осторожно перевернули кусочки, намазали маслом и стали есть, держа блюда под подбородком, чтобы масляные капли не падали на ковер.

– И ты только подумай о несчастных русских! – вздохнула Кристина, подбирая крошки.

После чего вспомнила о газетке, на которую сейчас работала, и принялась оживленно о ней рассказывать. У них офис в Кларкенуэлле, в подвале ветхого дома под снос. На этой неделе она провела там два дня, в ежеминутном страхе за свою жизнь. Он трещит и стонет, точно дом в «Крошке Доррит»! Платят гроши, конечно, но работа интересная. У газеты есть собственный печатный станок, и скоро Кристину научат набирать шрифты. Там каждый занимается всем понемногу, такой у них порядок. Она уже просто «Кристина» для двух молодых редакторов, а они для нее просто «Дэвид» и «Филип»...

Какая насыщенная жизнь, подумала Фрэнсис. У нее самой была лишь одна новость – про постояльцев. Фрэнсис часто воображала, как будет описывать Барберов подруге, мысленно вела с ней длинные искрометные разговоры про них. Но теперь, когда у Кристины новая модная стрижка, голод в Поволжье, Дэвид и Филип... Она молча доела свой тост. В конце концов сама Кристина, зевнув и по-балетному вытянув носочки босых ног, сказала:

– Что я все о себе да о себе! Расскажи, что новенького в Камберуэлле. Что-то же у вас происходит, правда? – Она похлопала пальцами по губам и вдруг на миг застыла. – Погодика! Кажется, в прошлый раз ты упоминала про квартирантов?

– У нас на Чемпион-Хилл мы называем их платными гостями.

– Так они уже вселились? А почему ты молчишь? Вот же скрытная какая! Ну? Как они тебе?

– О... – Все остроумные характеристики, придуманные заранее, куда-то улетучились. Фрэнсис напрягла память, но перед глазами всплыл лишь образ милой миссис Барбер с тамбурином в руке.

Наконец она ответила:

– Да ничего, нормально. Просто странно, что мы с матерью снова не одни в доме, вот и все.

– Стакан к стене приставляешь, а? Подслушиваешь?

– Нет, конечно.

– А я бы подслушивала. Я прилипаю ухом к полу каждый раз, когда соседка снизу тайком приводит своего кавалера. Это почти так же познавательно, как лекции Мэри Стоупс⁸. Если бы твой мистер и миссис... как их?

– Барберы. Леонард и Лилиана. Лен и Лил, так они друг друга называют.

– Лен и Лил из Пекхам-Рая!

– Откуда-то же они должны быть, правда?

– Так вот, если бы они жили здесь в соседней комнате, я бы к работе даже не притрагивалась.

⁷ Матушка Шиптон (Урсула Саутейл, 1488–1561) – легендарная английская провидица.

⁸ Мэри Стоупс (1880–1958) – английская писательница, ученый, активный борец за права женщин, автор первых популярных книг о сексуальных отношениях в браке.

– Все новое быстро приедается, уж поверь.

– Больно ты скупа на подробности... Как тебе муж?

Фрэнсис вспомнила синий взгляд, приводящий ее в смущение.

– Не знаю даже. Я еще его не раскусила. Самодовольный. Эдакий павлин в курятнике.

– А жена?

– О, гораздо приятнее. Симпатичная... фигуристая такая, как мужчинам нравится. Несколько романтична. Не знаю, право. Мы с ней сталкиваемся на лестнице. Встречаемся на лестничной площадке. Вообще, все происходит на лестничной площадке. Я и не представляла, что лестничные площадки могут быть таким оживленным местом. Наша превратилась в подобие Клэпэмского узла. Там непрерывное движение: кто-то проходит в одну сторону, кто-то в другую, а кто-то ждет на боковой ветке, когда путь освободится.

– А как твоя мать переносит все это?

– Держится молодцом.

– То есть она безропотно спит на обеденном столе – или какие там неудобства ей приходится терпеть? Признаться, не представляю, как твоя мать уживается с квартирантами! Она еще не вскрывала над паром письма?

На это Фрэнсис отвечать не стала. Но Кристина, похоже, и не ждала ответа. Она снова зевнула и потянулась, выпрямляя носочки ног на манер Лопоковой. Потом сказала:

– Чем жечь обогреватель впустую, давай поджарим еще тостов. В нас влезет добавка?

Они решили, что влезет, и насадили на вилки еще два куска сдобы.

Когда они ели по второму тосту, запивая чаем, на улице внизу вдруг заиграла шарманка. Обе склонили голову чуть набок и прислушались. Шарманка исторгала сумбурный поток звуков, в котором не сразу угадывалась мелодия. «Розы Пикардии»⁹, самый банальный мотивчик из всех мыслимых, но это была одна из песен их юности. Они переглянулись. Фрэнсис смущенно пробормотала:

– Надо же, старье какое.

Но Кристина проворно вскочила на ноги:

– Пойдем посмотрим!

Шарманщик стоял на тротуаре, прямо под ними. Фронтоник в солдатской полушинели и фуражке, с двумя медалями на груди. Шарманка была установлена на разболтанной, стянутой веревками четырехколесной раме от детской коляски. Звучал органчик столь резко и нестройно, что казалось, музыка не льется из него, а высыпается, как если бы ноты были некими материальными предметами из стекла или металла, которые с дребезгом падают к ногам мужчины.

Немного спустя он взглянул вверх, увидел двух девушек в окне и сдернул с головы фуражку. Фрэнсис пошла за своей сумочкой. Не найдя в ней ничего меньше шестипенсовика, она секунду поколебалась, но все-таки вернулась к окну и осторожно кинула монетку вниз. Мужчина ловко поймал ее в фуражку, сунул в карман и снова взмахнул фуражкой, другой рукой продолжая непрерывно крутить шарманку.

Солнце нагрело подоконник по-летнему жаркими лучами. Кристина уселась поудобнее, закрыла глаза и слегка запрокинула лицо. В уголках рта у нее остались крошки, губы все еще блестели от масла. Фрэнсис улыбнулась, глядя на подругу, а потом тоже закрыла глаза, вся отдаваясь солнцу, чудесному мгновению и незатейливой мелодии, столь остро напомнившей об одном особенном периоде военного времени.

⁹ «Розы Пикардии» – стихотворение Фредерика Витерли, положенное на музыку Гайдном Вудом; одна из самых известных песен Первой мировой войны.

Голос шарманки дрогнул и на миг захлебнулся. Мужчина двинулся прочь, на ходу доигрывая мелодию. Когда он повернулся, чтобы сойти с тротуара, стало видно, что к спине полушинели прикреплен кусок картона, на котором краской написано:

ИЩУ РАБОТУ!

ГОТОВ ВКАЛЫВАТЬ!

Фрэнсис и Кристина смотрели, как он переходит через улицу.

– Как же им помочь? – вздохнула Крисси.

– Не знаю.

– На следующей неделе в Конвей-Холле будет собрание «Благотворительность на марше». Там Сидней Вебб¹⁰ выступит, между прочим. Ты должна прийти.

Фрэнсис кивнула:

– Я подумаю.

– Но не придешь ведь!

– Просто не вижу особой пользы в подобных мероприятиях, вот и все.

– Да уж, куда лучше остаться дома, отчистить пару унитазов.

– Ну, чистить унитазы так или иначе нужно. Даже Веббам, полагаю.

Фрэнсис не хотелось продолжать тему. Что толку-то? Вдобавок в голове у нее по-прежнему неотвязно крутилась песенка. Шарманщик уже свернул за угол, и мелодия постепенно таяла вдаль, последние струйки звуков плыли в воздухе, похожие на тонкие, но цепкие нити по краю неподрубленного полотна.

Как ярко розы Пикардии
Сверкают в серебре росы.
Прекрасны розы Пикардии,
Но нет среди них...

– А вот и Стиви, – сказала Кристина.

– Стиви? Где?

– Вон, внизу. К дому подходит.

Фрэнсис перегнулась через подоконник и увидела высокую, ладно сложенную девушку, которая направлялась ко входу в здание.

– О, – вяло обронила она, – у нее сегодня нет занятий.

– Школа закрыта на три дня. Какие-то сорванцы пробрались туда ночью и устроили потоп. Стиви с утра ушла в мастерскую – у нее теперь новая, в Пимлико.

Они еще немного постояли у окна, потом молча вернулись на свои прежние места на полу. Сетка электрического обогревателя потускнела и тихонько потрескивала, остывая. Вскоре на лестничной площадке раздались шаги, и в замке проскрежетал ключ.

Входная дверь находилась прямо напротив комнатной.

– Привет, Поганка, – сказала Кристина, когда Стиви переступила порог.

– Привет, – откликнулась Стиви и тут же добавила: – О, Фрэнсис! Рада тебя видеть. Что, выбралась в город?

¹⁰ Сидней Вебб (1859–1947) – английский экономист и политический деятель социал-демократического толка, один из основателей Лондонской школы экономики и политических наук.

Она была без пальто, без шляпы и курила сигарету. Короткие темные волосы зачесаны со лба назад, совершенно не по моде. Платье простое, как холщовый рабочий комбинезон; рукава закатаны до локтя, и в глаза бросаются тонкие жилистые руки с костлявыми запястьями. Как всегда, Фрэнсис поразило, насколько независимо, если не сказать вызывающе Стиви держалась – всем своим видом она словно говорила, что ей плевать, восхищаются ею окружающие или считают придурковатой. На плече у нее висела тяжелая сумка, которую она, войдя в комнату, с глухим стуком сбросила на пол.

Она посмотрела на обогреватель, на шпакли, улыбнулась и осторожно поинтересовалась:

– Что тут у вас? Детский полдник?

– Стыдоба, правда? – ухмыльнулась Кристина. С появлением Стиви она заговорила совсем другим тоном, ненатурально игривым, который Фрэнсис знала и не любила. – Бедняжка Фрэнсис вынуждена приходить к нам со своей жрачкой. Нам страшно повезло, что она такая умница! Махнемся – кусок сдобы на пару сигарет, а?

Порывшись в кармане, Стиви достала портсигар и зажигалку:

– Идет.

Она отрезала себе ломоть и уселась в плюшевое кресло, касаясь коленом плеча Кристины. Теперь Фрэнсис заметила, что ногти у нее черные от глины, а на левом виске – грязный, смазанный отпечаток большого пальца, похожий на синяк.

Кристина тоже заметила пятно на виске и потянулась, чтобы его стереть.

– Ты похожа на трубочиста, Стиви.

– А ты, – ответила она, с удовольствием рассматривая Кристино мятое платье, – похожа на любимую шлюшку трубочиста. – Она откусила большой кусок булки. – Ну, если не считать прически. Как тебе прическа, Фрэнсис?

Фрэнсис в этот момент прикуривала, и Кристина ответила за нее:

– Жутко не нравится, ясное дело.

– Ничего подобного, – возразила Фрэнсис. – Хотя у нас на Чемпион-Хилл она вызвала бы нездоровый ажиотаж.

Кристина фыркнула:

– Что говорит только в ее пользу, по моему мнению. Мы со Стиви на прошлой неделе были в Хаммерсмите – и с каким же негодованием на меня все смотрели, даже не описать! Хотя никто и слова не сказал, разумеется.

– Да кто ж тебе скажет чего-нибудь в лицо, в таком-то квартале. – Стиви доела свой ломоть и облизала грязные пальцы. – Одно время, знаешь ли, Фрэнсис, я жила на Бромптон-роуд. Снаружи во всем такая благочинность – мама моя! Сосед работал в крупной судостроительной компании. Жenuшка его не расставалась с Библией. Церковь по воскресеньям аж три раза, и все такое. Но каждый божий вечер они чуть ли не кочергами друг дружку лупили – через стенку было слышно. Вот вам и класс служащих. С виду смиренные. По речам смиренные. Но под всеми этими салфеточками и кружавчиками кроется все то же скотство. Нет, по мне, так лучше простой трущобный люд. Они хотя бы скандалят в открытую.

Кристина вытянула ногу и легонько толкнула Фрэнсис.

– Мотаешь на ус? – Потом пояснила, обращаясь к Стиви: – У Фрэнсис теперь есть свой собственный мелкий служащий и своя собственная жена мелкого служащего...

Стиви слушала о Барберах с таким брезгливым выражением лица, с каким, наверное, выслушивала бы симптомы постыдной болезни. При первой же возможности Фрэнсис перевела разговор в другое русло.

– Что происходит в увлекательном мире керамики?

Стиви ответила очень обстоятельно: рассказала о паре новых проектов, которыми сейчас занималась. Ничего авангардного, к сожалению. Никто больше не хочет экспериментов; со времени войны покупатель стал ужасно консервативен. Но она всячески старается пропих-

нать абстрактное в фигуративное... Перегнувшись через ручку кресла, Стиви достала из сумки книгу, нашла иллюстрации и места в тексте, поясняющие, что она имеет в виду, и даже сделала для Фрэнсис несколько быстрых набросков карандашом.

Фрэнсис кивала и понимающе мычала, поглядывая на Кристину, которая почти ничего не говорила – просто наблюдала за ними, теребя шнурок на коричневой плоской туфле Стиви. Когда Кристина наклоняла голову вперед, линия челки казалась еще резче, а выступающие на щеки пряди, плоские и острые, походили на лезвия консервных ножей. В прежние времена волосы у нее были длинные, и она их укладывала в пышную прическу, всегда напоминавшую Фрэнсис прелестный цветок бархатца. Когда Фрэнсис увидела Кристину в самый первый раз, сырым пасмурным днем в Гайд-парке, у нее была прическа, подобная цветку бархатца. Ей было девятнадцать, Фрэнсис двадцать. Господи, как же давно это было! Нет, не давно, а в другой жизни, в другую эпоху, столь же непохожую на нынешнюю, как перец на соль. Тогда на лацкане у Кристины поблескивала перламутровая брошка, а на одной перчатке была дырочка, и в ней виднелась розовая ладонь. «Сердце выпало у меня из груди прямо в ту дырочку», – часто говорила ей Фрэнсис впоследствии.

Наконец Стиви выдохлась. Воспользовавшись моментом, Фрэнсис встала, собрала на поднос чайные приборы и сходила на лестничную площадку вымыть руки.

– Спасибо за сигарету, – сказала она, прищипывая шляпку.

Стиви протянула ей портсигар:

– Возьми еще парочку. Уж всяко получше твоих самокруток.

– О, я вполне довольна своими самокрутками.

– В самом деле?

Кристина протянула своим противным «блумсберийским» тоном:

– Отстань от нее, Стиви. Ей просто нравится быть мученицей.

Они расстались без прощального поцелуя. В холле Фрэнсис мимоходом взглянула на часы привратника и встревожилась: уже почти половина шестого. Она пробыла в гостях дольше, чем собиралась. Она бы с удовольствием прогулялась до Воксхолла или хотя бы до Вестминстера, но надо успеть домой к ужину. Теперь Фрэнсис жалела, что отдала шарманщику шестипенсовик, и корила себя за обед в уютном кафе, а потому решила поехать не на автобусе, а на трамвае, чтобы сэкономить пенни. Она дошла до Холборна, где ходил нужный трамвай, прождала на остановке целую вечность и наконец потряслась в громяхающем вагончике через реку и по малоэтажным тесным улочкам южного Лондона.

Едва она вышла из трамвая, к ней бросился еще один демобилизованный солдат, еще более оборванный, чем предыдущий, с шарманкой. Он поковылял с ней рядом, протягивая раскрытую холщовую сумку и торопливо пересказывая свой послушной список: служил в Ворчестерском полку во Франции и в Палестине, был ранен в ходе одной и другой кампании... Когда Фрэнсис помотала головой, он остановился и хрипло сказал ей вслед:

– Не желаю тебе когда-нибудь пойти по миру!

Смущенная, Фрэнсис повернулась и по возможности беспечным тоном спросила:

– Откуда вам знать – может, я тоже нищая?

Фронтвик с отвращением махнул рукой и поковылял прочь.

– Да все вы тут хорошо устроились за наш счет, чертовы бабы, – расслышала Фрэнсис.

Такое же мнение, выраженное практически с такой же прямоотой, она часто встречала в газетах, но сегодня разозлилась сильнее обычного и домой вернулась в скверном настроении. Фрэнсис застала мать в кухне и рассказала о неприятном происшествии.

– Бедняга, – вздохнула мать. – Ему не следовало разговаривать с тобой так грубо, здесь он не прав, конечно. Но нельзя не сочувствовать всем этим демобилизованным военным, оставшимся без работы.

– Я тоже им сочувствую! – воскликнула Фрэнсис. – В первую очередь я была против того, чтобы они вообще шли на войну! Но винить женщин – дичь какая-то. Чего мы добились для себя, кроме избирательного права, которым половина из нас даже воспользоваться не может?

Мать сохраняла терпеливый вид. Все это она не раз слышала раньше.

– Ну, по крайней мере, мы живы-здоровы, никто не покалечен, не ранен. – Она наблюдала, как Фрэнсис выкладывает из сумки покупки. – Ты не нашла шелковых ниток в цвет моим?

– Нашла. Вот, держи.

Мать взяла катушки и поднесла к свету:

– Умница... О, но почему ты купила не «Силко»?

– Эти ничуть не хуже, мама.

– А я считаю, «Силко» – самые лучшие.

– К сожалению, они также и самые дорогие.

– Но ведь теперь, с появлением мистера и миссис Барбер...

– Нам все равно нужно экономить. – Фрэнсис покосилась на дверь, проверяя, плотно ли закрыта. Они с матерью уже понизили голоса. – Очень экономить. Помнишь, я показывала тебе счета?

– Да, но... знаешь, мне тут пришло в голову... я просто подумала, Фрэнсис... может, нам снова нанять служанку?

– Служанку? – Фрэнсис не смогла скрыть раздражения. – Ну да, давай найдем. Только известно ли тебе, во сколько сегодня обходится приличная служанка «за все»? Она нам встанет в добрую половину арендных денег. А между тем у нас все туфли разваливаются, нам даже врача вызвать не по карману, случись что, а наши зимние пальто похожи на средневековые рублища. И потом, еще один чужой человек в доме – опять знакомиться, притираться...

– Ну ладно, ладно, – поспешно сказала мать. – Тебе виднее.

– К тому же я сама прекрасно со всем справляюсь...

– Да, Фрэнсис, да. Я понимаю, это решительно невозможно. Правда понимаю. И довольно об этом. Расскажи лучше, как ты провела день. Надеюсь, пообедала в городе?

Фрэнсис с усилием сменила сварливый тон на более или менее нормальный.

– Да. В кафе.

– А потом? Куда ходила? Что делала?

– О... – Фрэнсис отвернулась и сказала первое, что пришло в голову: – Так, прогулялась немного, и все. Под конец зашла в Британский музей. Заодно выпила чаю в буфете.

– В Британский музей? Я уже целую вечность не была там. И что именно ты смотрела?

– Да как обычно. Статуи, мумии и прочее подобное. Слушай, ты очень голодная? – Фрэнсис открыла холодильный шкаф. – У нас еще осталась говядина. Я могу накрутить фарша.

Наслаждаясь процессом, мысленно добавила она.

Насладиться процессом не получилось: жесткое жилистое мясо ежеминутно забивало мясорубку. Фрэнсис рассчитывала приготовить ужин на раз-два, но – возможно, потому, что она была раздражена, – еда словно восстала против нее: картошка пригорела, соус не пожелал загустеть. Мать, как нередко случалось, в самый критический момент исчезла из кухни: она по-прежнему полагала нужным переодеваться и заново причесываться к ужину, за каковым занятием обычно теряла счет минутам. Ко времени, когда она вышла из своей комнаты, еда уже остывала в тарелках, и Фрэнсис чуть ли не бегом перенесла их на стол в гостиной. Потом еще одна задержка – мать произносила благодарственную молитву перед трапезой...

Фрэнсис жевала и глотала без всякого аппетита. Они обсуждали дела на ближайшие дни. Завтра день рождения отца – нужно съездить на кладбище, возложить цветы на могилу. В понедельник – не забыть обменять книги в библиотеке. В среду...

– Ох, в среду я иду к миссис Плейфер, – извиняющимся голосом сказала мать. – Мы уже условились. Мне непременно надо с ней повидаться на следующей неделе, обсудить предстоящую ярмарку, а она свободна только в среду вечером. Боюсь, нам придется отменить наш поход в кинематограф. Ну или сходим в какой-нибудь другой день?

Фрэнсис, как ни странно, огорчилась. Может, в понедельник? Нет, в понедельник не получится, и в четверг тоже. Конечно, она всегда может пойти одна. Или пригласить подругу. У нее ведь есть и другие подруги, кроме Кристины. Например, Маргарет Лэмб, что живет через несколько домов от них. Или Стелла Ноакс, одноклассница, – Стелла Ноакс, с которой они однажды на уроке химии так хохотали, что обмочили свои фланелевые панталончики. Но Маргарет вечно такая серьезная, аж с души воротит. А Стелла Ноакс теперь стала Стеллой Рифкинд, и у нее двое малышей. Конечно, можно взять детей с собой – но будет ли тогда весело? В прошлый раз не было. Нет, лучше пойти одной.

До чего же печально, что она в своем вполне уже зрелом возрасте по-прежнему расстраивается из-за такой ерунды. Фрэнсис вяло ковырялась вилкой в тарелке, мысленно представляя, как Кристина и Стиви сейчас весело поглощают какие-нибудь паршивые макароны, или жареную рыбу с картошкой, или просто бутерброды с сыром, а после отправятся на познавательную прогулку в Вест-Энд: на лекцию какую-нибудь или на концерт, самые дешевые места в Уигмор-Холле, куда Фрэнсис с Кристиной часто хаживали.

Она немножко повеселела, когда в половине восьмого мистер и миссис Барбер ушли из дома, судя по всему надолго. Едва постояльцы ступили за порог, Фрэнсис настежь распахнула дверь гостиной, прошла в кухню, вернулась обратно в холл, поднялась и спустилась по лестнице, упиваясь сознанием, что ни с кем по пути не столкнется. Она зажгла своенравную колонку и набрала ванну, а потом, лежа в воде, вызвала в себе чувство собственности и распространила на весь дом. Оно ощущалось почти физически – как облегченный вздох, как расслабление напряженных нервов – в каждой свободной от жильцов комнате.

Но без двадцати десять Барберы вернулись. Фрэнсис вздрогнула от неожиданности, когда хлопнула входная дверь. Мистер Барбер сразу направился в туалет и застал Фрэнсис на кухне, в халате и тапочках, за приготовлением какао. О нет, добродушно ответил он на ее удивленный вопрос; нет, они вовсе не раньше, чем собирались. Они с Лилианой ходили пропустить глоточек-другой с одним его товарищем – старым армейским другом, который хотел познакомить их со своей невестой... Не замечая или не желая замечать, что Фрэнсис не проявляет интереса к разговору, молодой человек занял свое обычное место у двери судомойни.

– Девушка просто святая, – продолжал он. – Ну или не знаю... охотница за деньгами. Бедняга потерял обе руки, мисс Рэй, вот по сих. – Он провел ребром ладони по локтю. – Ей придется кормить его с ложки, брить, причесывать – в общем, *все* за него делать. – Он не сводил с Фрэнсис пристальных синих глаз. – Уму непостижимо, правда?

В словах мистера Барбера содержался намек, очевидный, как кукушка, выскочившая из часов с разинутым клювом. Фрэнсис не хотела, чтобы он продолжал в подобном духе. Хотела, чтобы он убрался с кухни. Она ясно видела себя со стороны: домашний халат, влажные волосы, рассыпанные по спине, голые ноги, покрытые пушком. Она скованно ходила взад-вперед между кухонной стойкой и плитой, мысленно повторяя: «Уходи, да уходи же». Но мистеру Барберу, казалось, нравилось наблюдать, как она хлопочет. От него явственно пахло пивом и сигаретами. И лицо покраснелось, отметила Фрэнсис. У нее было чувство – возможно, ошибочное, – что неудобное положение, в котором она оказалась, забавляет постояльца.

Наконец он вышел во двор. Фрэнсис вымыла ковшик из-под молока, отнесла какао в гостиную и, протягивая матери чашку, сказала:

– Меня сейчас мистер Барбер поймал в кухне. До чего же неприятный тип! Я честно старалась проникнуться к нему симпатией, но...

– Мистер Барбер? – Мать, до прихода Фрэнсис дремавшая в кресле, поерзала и приняла более чинную позу. – А мне он уже начинает нравиться.

– Шутишь? Ты хоть видишь его когда-нибудь?

– О, мы с ним, бывает, болтаем о том о сем. Чрезвычайно вежливый молодой человек. И такой веселый!

– Назойливый как муха. Не представляю, как миссис Барбер угаздило с ним связаться. Такая милая женщина, совсем не чета ему.

Они говорили вполголоса, особым секретным тоном, предназначенным для разговоров о постояльцах.

Мать дула на какао и не отвечала.

– Ты не согласна? – спросила Фрэнсис.

– Ну, – наконец отозвалась мать, – миссис Барбер не производит на меня впечатления образцовой жены. Она могла бы, например, уделять больше внимания своим домашним обязанностям.

– Образцовой жены? – повторила Фрэнсис. – Домашним обязанностям? Звучит очень уж по-викториански.

– Мне кажется, в наши дни слово «викторианский» употребляют для того лишь, чтобы умалить различные добродетели, которыми люди не желают утруждаться. Я вот всегда следила, чтобы дом содержался в идеальном порядке для твоего отца.

– Вообще-то, это Нелли и Мейбел содержали дом в идеальном порядке для тебя.

– Ну, слуги не сами со всем управляют – будь у нас прислуга, ты бы хорошо это понимала. Они требуют неусыпного внимания и надзора. И я всегда садилась за завтрак с твоим отцом нарядно одетая и с улыбкой на лице. Такого рода вещи для мужчины очень много значат. А миссис Барбер... знаешь, меня удивляет, что утром она снова ложится в постель, едва муж за порог. А когда все-таки берется за хозяйственные дела, такое впечатление, что делает все второпях, тяп-ляп, лишь бы поскорее закончить и провести остаток дня в праздности.

Фрэнсис думала про миссис Барбер то же самое, причем с завистью. Она открыла рот, собираясь поддакнуть, но потом решила промолчать. Она запоздало заметила, какой усталой выглядит мать сегодня вечером. Щеки у нее казались дряблыми и сухими, похожими на мятые застиранные тряпицы. Она пила свое какао целую вечность, затем отставила чашку, положила руки на колени и довольно долго сидела так, неподвижно глядя в пустоту и с бумажным шорохом потирая пальцы.

Минут через десять они встали и засобирались спать. Фрэнсис немного задержалась в гостиной, чтобы прибраться и вернуть свет, а потом, зевая, вышла в холл. На подходе к кухне она вдруг услышала вскрик, то ли испуганный, то ли огорченный, и бегом бросилась в судомойню, откуда тот донесся. Мать в ужасе пятилась от раковины, под которой, в темноте, что-то судорожно шевелилось.

Пару недель назад в доме завелись мыши, и Фрэнсис поставила мышеловки. И вот наконец одна мышь попала – но крайне неудачно. Ей придавило и раздробило задние лапки, и она отчаянно пыталась вырваться.

Фрэнсис шагнула вперед.

– Так, ладно. – Она говорила спокойно. – Сейчас все сделаю.

– О боже!

– Не надо, не смотри.

– Может, позвать мистера Барбера?

– Мистера Барбера? Зачем? Я сама справлюсь.

При приближении Фрэнсис зверек запаниковал еще сильнее – забился, задергался, лихорадочно заскреб тонкими передними лапками по пружине капкана. Отпускать мышку на волю не имело смысла: слишком тяжело она покалечена. Но Фрэнсис не хотела, чтобы несчастный

зверек долго мучился. После минутного колебания она набрала в ведро воды и бросила туда мышеловку вместе мышью. На поверхность воды поднялся единственный серебристый пузырек и тонкая струйка крови, похожая на темно-красную ниточку.

– Какая гадость эти мышеловки! – воскликнула мать, все еще расстроенная.

– Да, бедняжке не повезло.

– А теперь что с ней делать?

Закатав рукав, Фрэнсис достала мышеловку из ведра и потрясла, стряхивая с нее воду.

– Отнесу во двор, на компостную кучу. А ты ложись.

От воды мышьяная шерстка слиплась острыми сосульками, но в смерти своей крохотный зверек – с зажмуренными от боли глазами и отвисшей челюстью – вдруг приобрел черты почти человеческие. Фрэнсис осторожно вытащила мертвое тельце из мышеловки и взяла за хрящеватый хвост.

На вешалке у задней двери висели старые плащи, а под ней стояла разная старая обувь. Фрэнсис решила обойтись без плаща, но вот трава наверняка сырая – она всунула ноги в галоши, когда-то принадлежавшие брату Ноэлю, и вышла во двор. С болтающейся в руке мышью, она прошлепала через лужайку и стала пробираться по мощеной дорожке в глубину сада.

В одном-двух окнах соседнего дома горел свет, но в саду, огороженном высокой стеной, росли громадные липы, косматые кусты лавра и гортензии, а потому было почти совсем темно. Фрэнсис, постоянно ходившая по этой дорожке, сейчас полагалась не столько на зрение, сколько на общие ощущения. Приблизившись к деревянному заборчику перед компостной кучей, она перекинула через него крохотный трупик. Он приземлился с мягким, еле слышным стуком.

И затем наступила тишина – глубокая-глубокая тишина, какая порой сгущалась или опускалась здесь, на Чемпион-Хилл, даже при свете дня. В такие минуты округа казалась вымершей, и просто не верилось, что совсем рядом находятся дома, где живут семьи и слуги; что за дальней стеной сада тянется шлаковая дорожка, которая через полсотни шагов выводит на улицу, самую обычную улицу с грохочущими трамваями и автобусами. Фрэнсис вспомнила о своей сегодняшней прогулке по Вестминстеру, но воскресить впечатления не смогла. Все отступило куда-то далеко-далеко. Кирпичные стены, мостовые, люди – все растаяло, растворилось бесследно. Остались только деревья, кусты, незримые цветы, ощущение скрытой растительной жизни под землей.

Внезапно Фрэнсис стало жутковато. Она запахнула халат на груди и повернулась к дому.

Тотчас же она заметила что-то в темноте, какой-то прыгающий огонек. А секунду спустя учуяла запах табачного дыма и поняла, что это тлеющий кончик сигареты. Фрэнсис перефокусировала взгляд и различила смутную фигуру.

В саду был кто-то еще.

Она тихо взвизгнула от испуга и удивления. Но это оказался всего лишь мистер Барбер. Он подошел, смеясь и извиняясь, что напугал.

– Я подумал, не торчать же дома в такой чудесный вечер, – сказал он. – Не хотел заговаривать с вами, беспокоить лишний раз. Надеюсь, вы не против, что я брожу тут, по саду?

На мгновение Фрэнсис захотелось ударить его. Кровь шумела у нее в ушах, и она вся дрожала как осиновый лист. Она думала, постояльцы давно легли спать. Должно быть, мистер Барбер гуляет здесь уже... с полчаса где-то. Ей стало неприятно при мысли, что он болтался поблизости, пока она стояла у компостной кучи, забыв обо всем. А потом еще и взвизгнула, вот стыдоба-то. Слава богу, в темноте хотя бы не видно, что на ней Ноэлевы галоши.

Да и в конце концов, мистер Барбер сделал ровно то же, что сделала она, когда поддавалась искушению задержаться здесь, вдыхая благоухание теплой ночи. Дрожь начала униматься. Фрэнсис неловко объяснила про мышку, и молодой человек усмехнулся:

– Бедняга! Она всего лишь хотела свою кроху сыра.

Он поднес к губам сигарету, и вспыхнувший огонек на миг осветил худые пальцы, рыжеватые усы и острый лисий подбородок. Когда сигаретный уголек померк, мистер Барбер снова заговорил – и по звуку голоса Фрэнсис поняла, что он запрокинул голову.

– Отличная ночь, чтобы смотреть на звезды, мисс Рэй! Мальчишкой я знал о звездах все – это было главное мое увлечение. Когда родители засыпали, я выбирался из спальни через окно и часами просиживал на крыше, с библиотечной книжкой и велосипедным фонариком – сравнивал созвездия в небе с картинками. Мой брат Дуги как-то застукал меня и запер окно, и мне пришлось всю ночь проторчать под дождем. Братец вечно выкидывал такие номера. Но оно того стоило. Я знал все названия: Арктур, Регул, Вега, Капелла...

Теперь он говорил совсем тихо, и слова, полупшепотом произнесенные в темноте, звучали чарующе. Странно было стоять с ним рядом в спальном халате, в таком вот уединенном месте... это всего лишь наш сад, напомнила себе Фрэнсис. Оглянувшись на дом, она увидела пятна света: открытая задняя дверь, кухонное окно с наполовину спущенной шторой, а над ним лестничное окно с неплотно задвинутыми моррисовскими порттьерами.

И насчет ночи мистер Барбер совершенно прав. Месяц тонкий, что срезанная с яблока кожурка; небо сине-черное, и на нем электрически-яркие звезды.

Фрэнсис тоже запрокинула голову и после паузы спросила:

– А которая из них Капелла? – Ей нравилось название.

Мистер Барбер показал рукой с сигаретой:

– Вон та блестящая кроха, прямо над дымоходной трубой вашего соседа, – это Вега. А вон там... – Он немного повернулся, и Фрэнсис проследила взглядом за огоньком сигареты. – Там так называемый Северный Гвоздь – Полярная звезда.

– Я знаю Полярную звезду, – кивнула Фрэнсис.

– Правда?

– Еще знаю Большую Медведицу и Орион.

– Да вы прям настоящий скаут. А что насчет Кассиопеи?

– Созвездие в форме буквы «эм»? Да, тоже знаю.

– Сегодня оно в форме «дубль-вэ». Вон, видите? А рядом Персей.

– Нет, не вижу.

– Тут вся штука в том, чтобы мысленно соединить точки линией. Нужно напрячь воображение. Ребята, присваивавшие звездам имена... у них тогда, знаете ли, выбор развлечений был небольшой, вот и развлекались, как могли. А что насчет Близнецов? – Мистер Барбер придвинулся ближе и нарисовал в воздухе очертания. – Видите, вон двое? Держатся за руки. Прямо напротив них – Лев. Справа от него – Краб. А вон – Селедка...

Фрэнсис всмотрелась в небо:

– Селедка?

– Вон там, рядом с Прыщом.

В следующий момент Фрэнсис осознала две вещи: первое – что он, конечно же, над ней подшучивает; второе – что он, показывая, куда смотреть, придвинулся вплотную и положил свободную руку ей на поясницу. От неожиданного прикосновения она вздрогнула и отпрянула в сторону, задев мистера Барбера плечом и шумно шаркнув галошами. Мистер Барбер тоже отступил и демонстративно вскинул руки, как человек, пойманный на чем-то предосудительном и шутливо изображающий невинность.

А может, он и впрямь – без всякого умысла? Внезапно Фрэнсис засомневалась. Было слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица; она видела лишь слабые отблески звездного света в глазах и на зубах. Он улыбается? Смеется над ней? У нее возникло чувство, которое она уже не раз испытывала при общении с мужчинами – чувство, что ее хитростью зама-

нили в ловушку, что она не по своей вине стала посмешищем и, как бы ни повела себя дальше, только выставит себя в еще более смешном свете.

Фрэнсис с новой силой ощутила свое одиночество здесь, в коварном сыром саду. Кажется, сад заодно с мистером Барбером. Она потуже затянула пояс халата, распрямила плечи и холодно произнесла:

– Вам не следует долго здесь задерживаться, мистер Барбер. Ваша жена, наверное, беспокоится, куда вы запропастились.

Как она и ожидала, молодой человек рассмеялся, но с непонятной иронией.

– О, полагаю, Лили как-нибудь проживет без меня еще пару-другую минут. Сейчас докурю, мисс Рэй, и отправлюсь на боковую.

Фрэнсис без дальнейших слов повернулась и тяжело зашагала к дому, уже привычно чувствуя себя душой. Скинув галоши, она торопливо приготовила все для завтрака – старалась управиться поскорее, чтобы не встречаться с мистером Барбером в третий раз за вечер. Впрочем, он не спешил возвращаться. Фрэнсис уже была в своей комнате и вынимала шпильки из волос, когда стукнула задняя дверь и лязгнули засовы.

Все еще раздраженная, она прислушалась к шагам на лестнице и вдруг поняла, что ей страшно любопытно, как мистер Барбер заговорит с женой. На память пришел вопрос Кристины: «Стакан к стене приставляешь?» Подслушивать, конечно, нехорошо, но что дурного в том, чтобы просто подойти поближе к двери и чуть наклонить голову?

Сначала она услышала голос миссис Барбер.

– Ну наконец-то! Я уже думала, ты заблудился. Чем ты там занимался?

– Ничем, – зевнув, ответил мистер Барбер.

– Но чем-то ты должен был заниматься.

– Курил на заднем дворе. Смотрел на звезды.

– На звезды? Узнал по ним свое будущее?

– Так я и без них знаю, разве нет?

Вот и весь разговор. Но то, *как* они разговаривали – совершенно безразличным тоном, без малейшего намека на теплоту, – поразило Фрэнсис до чрезвычайности. Ей никогда даже в голову не приходило, что брак Барберов может быть каким-либо иным, кроме как счастливым. «Да они, возможно, ненавидят друг друга!» – ошеломленно подумала она.

Впрочем, какое ей дело до их отношений? Пока они исправно платят за жилье... Фрэнсис поймала себя на том, что рассуждает как расчетливая домовладелица, – а ведь это гадко! Ей совсем не хочется, чтобы они были несчастны. Она вдруг разнервничалась. Она же, в сущности, ничего о них не знает. А они здесь, в доме. Ей невольно вспомнилось предостережение Стиви насчет «класса служащих».

Ох, лучше бы она не подслушивала. Фрэнсис скользнула в постель и задула свечу. Но долго еще лежала без сна, с открытыми глазами. Слышала, как Барберы ходят из гостиной на кухню и обратно, потом кто-то из них остановился на лестничной площадке – мистер Барбер, снова протяжно зевнувший. Фрэнсис увидела, как тускнеет полоска света под дверью, когда он увернул газ.

3

Но ночь прошла, унеся с собой все тревоги. Поутру голоса супругов звучали как обычно и даже веселее. Мистер Барбер беззаботно напевал, пока брился в кухне над раковиной. Перед самым уходом на службу – на субботние полдня – он что-то негромко сказал жене, и та ответила со смехом.

Примерно через час Фрэнсис и сама вышла из дома – в цветочную лавку за венком на могилу отца. А сразу после завтрака они с матерью поехали на кладбище.

Поскольку за ночь погода испортилась, пришлось надеть плащи и шляпы, причем самые темные, сообразно случаю. Но на дворе все-таки стоял май, и обеим стало жарко уже в автобусе по пути в Вест-Норвуд и еще жарче, пока они поднимались по длинному склону к могиле отца. Ко времени, когда они добрались до нее, Фрэнсис обливалась потом. Она стянула перчатки, собралась снять шляпу и уже начала вытаскивать шпильку, когда поймала неодобрительный взгляд матери.

– Отец не возражал бы, мне кажется. Сам он терпеть не мог так париться, помнишь?

– Отец всегда знал, когда следует снимать шляпу, а когда нет, как бы он ни парился.

Фрэнсис отвернулась, вгоняя шпильку обратно:

– Сейчас он парится в аду, не иначе.

– Что-что?

– Говорю, сейчас воды принесу.

– А... – Мать смотрела на нее недоверчиво. – Ну принеси.

Они достали из сумок, один за другим, весь набор кладбищенских инструментов: совок, щетку, грабельки, бутылку, брусок мыла «Манки бренд». Мать принялась выпалывать сорняки и мох, а Фрэнсис пошла за водой к колонке. Вернувшись, она смочила и хорошенько намылила щетку – и стала отчищать надгробную плиту.

Надгробье простое, солидное, красивое – и *дорогое*, с возмущением думала Фрэнсис всякий раз, когда сюда приходила. Все связанные с похоронами вопросы, разумеется, решались в первые сумбурные дни после смерти отца, прежде чем Фрэнсис с матерью представилась возможность выяснить, насколько плохо, прямо из рук вон, он умудрился распорядиться семейными деньгами. «ДЖОН ФРАЙЕР РЭЙ ЛЮБИМЫЙ МУЖ И ОТЕЦ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ», – гласила надпись, черные буквы на мраморе, изначально ослепительно-белом, который грязные дожди южных пригородов с течением лет окрасили в цвет хаки.

Натирая круговыми движениями мыльной щетки потускневший мрамор, Фрэнсис думала о могиле брата, Джона-Артура, что находилась чуть севернее Комбля. Они с матерью и невестой Джона-Артура, Эдит, навещали ее в девятнадцатом году. Поехали туда в декабре – самый неподходящий, наверное, месяц для этого, ибо тогда, в холодную, ненастную погоду разрушенная войной местность напоминала безотрадную картину ада. Они не испытали ни малейшего облегчения, только новые душевные муки при мысли о днях, неделях и месяцах, которые Джону-Артуру пришлось провести здесь. Впоследствии Фрэнсис не раз слышала, что кладбища умиротворяют. Одна из подруг матери описывала, какой покой снизошел на нее однажды у могилы сына. Она как наяву услышала его голос: сын велел ей не горевать, горе бессмысленно и опустошительно, оно удерживает мир во тьме, препятствуя движению к свету. У могилы Джона-Артура Фрэнсис не услышала ничего, кроме булькающего кашля пожилого фермера, который проводил их туда. Сам по себе могильный холмик ничего для нее не значил. У нее просто в голове не укладывалось, что все, что она знала и любила в брате, нашло свой конец вот здесь, в неглубокой яме у нее под ногами. Она пожалела, что вообще приехала сюда. Иногда во снах Фрэнсис снова оказывалась у могилы Джона-Артура и каждый раз чувствовала

все тот же тоскливый ужас, все то же опустошение, всегда стояла там одна-одинешенька, увязая в раскисшей, липкой земле.

С другой стороны, у Ноэля даже могилы не было – и здесь тоже тяжелая, безысходная тоска, но иного рода. Ноэль пропал без вести в Средиземном море, в последний год войны, когда судно, на котором он шел из Египта, было торпедировано. Как именно он умер? Утонул? Мгновенно погиб при взрыве? Сообщения тогда поступали самые противоречивые: кто-то утверждал, что видел его, неподвижного, в воде лицом вниз, кто-то говорил, что его втащили на спасательный плот, раненого, но вполне себе живого. Но никакого плота так и не отыскали. Может, Ноэля подобрали враги? Во всяком случае, тело найдено не было, а в то время ходило столько рассказов о чудесном возвращении контуженных солдат, что еще много месяцев после смерти Ноэля, чуть ли не весь первый послевоенный год, Фрэнсис с матерью надеялись, что он вернется. Они пережили немало ужасных моментов: стук в дверь в неурочный час, пареньки на улице, отдаленно похожие на Ноэля... То время Фрэнсис всегда вспоминала с содроганием. Бедный, бедный Ноэль! Младшенький, всеобщий любимец. Он всегда виделся ей не в том возрасте, когда погиб, не девятнадцатилетним юношей, а малышом в полосатой пижаме, с круглыми розовыми пяточками, гладкими, как галька. Фрэнсис вспомнила, как однажды в Истборне он расплакался, когда его захлестнуло волной, и она над ним посмеялась: мол, трусишка несчастный. Она отдала бы что угодно, лишь бы взять свою насмешку назад.

Не надо думать об этом. Гони прочь эти мысли. Смочи щетку снова – быстро-быстро! Вот здесь она пропустила место. Смотри, как хорошо отчищается мрамор! Вот так-то лучше... Фрэнсис уже перешла от надгробной плиты к постаменту и медленно продвигалась вокруг него. Еще несколько ходок к колонке – и все, с делом покончено. В следующий раз, решили они с матерью, надо будет принести садовое сито и просеять землю. Но и сейчас все приведено в более-менее божеский вид. Фрэнсис убрала инструменты, вытерла руки и сказала, обращаясь к могиле:

– Ну вот, отец, теперь ты у нас чистенький и опрятненький по случаю дня рождения. Уверена, это больше, чем ты заслуживаешь.

– Фрэнсис! – укоризненно воскликнула мать.

– А что такого? Я бы сказала то же самое ему в лицо, стой он сейчас перед нами. Это – и еще много чего. Впрочем, он наверняка сумел бы пропустить все мимо ушей. Это единственное, что у него отлично получалось.

– Замолчи!

Они постояли еще немного: мать беззвучно произносила молитву, закрыв глаза и опустив голову, а Фрэнсис украдкой оттягивала шерстяной ворот с потной шеи. Обратившись к выходу, они пошли через старую часть кладбища, которая Фрэнсис нравилась гораздо больше: все эти аляповатые памятники прошлого столетия, плачущие ангелы, погасшие факелы, каменные корабли с надутыми парусами. Фрэнсис вслух читала фамилии, звучащие как фамилии диккенсовских персонажей:

– Бод... Эппс... Тули... Везервокс! Странно, насколько имена соответствуют эпохе. Неужели мода на фамилии – тоже меняется?

– Вряд ли кто-нибудь пожелал выйти замуж за бедного мистера Везервокса.

– Ошибаешься. «Безутешно горе пятерых переживших его сыновей!» Да здесь повсюду должны лежать Везервоксы.

Выйдя на улицу, они с сомнением посмотрели на небо. Отец всегда восхищался цветниками Далвичского парка, и Фрэнсис с матерью собирались поехать туда на автобусе, выпить чаю в кафе, прогуляться по цветникам – в общем, провести остаток субботнего дня достаточно приятно. Но небо висело низко, темное и хмурое.

– Похоже, гроза будет, – сказала миссис Рэй, с войны боявшаяся грома и молний. Они решили отказаться от своих планов и сразу ехать домой. Едва они вышли из автобуса на своей

остановке, как по земле застучали первые тяжелые капли. Через палисадник они уже бежали бегом – Фрэнсис обогнала мать, чтобы отпереть и распахнуть дверь. Они ввалились в холл, задыхаясь, смеясь и стаскивая мокрые плащи.

Как только дверь за ними захлопнулась, они услышали оживленные голоса и шум движения в комнатах наверху. Глухие удары, взрыв смеха, потом частые легкие шаги. Миссис Рэй, снимая шляпу, испуганно вскинула глаза:

– О господи!

У Фрэнсис упало сердце.

– Похоже, у Барберов гости, – пробормотала она.

Шаги между тем простучали по лестничной площадке, и за скрипнувшие перила верхнего пролета схватились чьи-то маленькие руки, липкие на вид. Чуть погодя на повороте лестницы показались двое детей: девочка лет семи-восьми и мальчик помладше. Мальчик шел первым, со сдвинутыми бровями, настроенный решительно, но явно обеспокоенный сложностью спуска. Заметив Фрэнсис с матерью, он замер на полушаге, а потом, вне себя от испуга, развернулся, протиснулся мимо девочки и стал карабкаться обратно вверх. Девочка осталась стоять на месте, глядя на Фрэнсис и посасывая нижнюю губу.

– Он совсем еще маленький! – рассмеялась она.

Мать Фрэнсис, со шляпой в руке, прошла немного вперед и с тревогой следила за ним.

– Безусловно, он еще слишком маленький, чтобы его подпускать к этой лестнице. Если он упадет... Ах, отойди от перил, малыш!

Мальчик уже благополучно добрался до лестничной площадки и сейчас, заинтересованный встревоженным тоном незнакомой тети, просунул голову между балясинами прямо над миссис Рэй. Она побледнела и замахала руками:

– Отойди сейчас же! Так нельзя делать! А вдруг балясина выломится? Фрэнсис...

– Да, хорошо. – Фрэнсис обошла мать и стала подниматься по лестнице.

При ее приближении девочка резко повернулась и, хихикая, запрыгала вверх по ступенькам, а мальчик поспешно выдернул голову из проема между столбиками. Должно быть, при этом он больно зацепился ухом: сразу после того, как он испуганно убежал в гостиную Барберов, сопровождаемый по пятам девочкой, Фрэнсис услышала его страдальческий вопль. На вопль отозвался отрывистый женский голос, звучавший удовлетворенно: «Смотри-ка, что ты наделал!» В тот же миг из гостиной выглянула еще одна женщина. Ни голос, раздавшийся в глубине комнаты, ни лицо, высунувшееся за дверь, не принадлежали миссис Барбер. Незнакомка была постарше, примерно ровесница Фрэнсис – с острыми чертами, завитыми волосами, блестящими от масла, и густо намазанными губами.

– О, – сказала она при виде Фрэнсис с матерью, осторожно поднимавшихся по лестнице, и высунулась подальше. – Вам Лил нужна? Она во двор вышла.

Фрэнсис остановилась на предпоследней ступеньке и объяснила, что они беспокоятся за детей. Кажется, они с матерью напугали маленького мальчика. Не ушиб ли он ухо о балясину?

В гостиной Барберов установилась неестественная тишина, нарушаемая лишь жалобным поскуливанием ребенка. У Фрэнсис возникло неприятное впечатление, что комната полна подслушивающих незнакомцев. Ничего не видя за приоткрытой дверью, она спросила:

– А здесь ли мистер Барбер?

Женщина фыркнула:

– Ленни-то? Нет, конечно. Он от нас бежит как черт от ладана. Но если вам нужна Лил – она вернется через минутку.

– Да нет, мы просто хотели узнать, все ли в порядке с малышом, – повторила Фрэнсис. Потом твердо добавила: – Я мисс Рэй. А это миссис Рэй, моя мать. Мы владелицы дома.

Тотчас же из безмолвной гостиной раздался еще один женский голос – веселый и разбитной, с хрипотцой:

– Там мисс Рэй? Там мисс Рэй, да, Вера?

Остролицая женщина склонила голову набок, спокойно перевела взгляд с Фрэнсис на мать и обратно и громко ответила:

– Да, и миссис Рэй тоже!

– О господи, так пригласи дам войти! Не заставляй бедняжек стоять на лестничной площадке в собственном доме!

Женщина пожала плечами и слегка улыбнулась Фрэнсис, словно добродушно говоря: «Ну вот вы и попались!» Она отступила назад, широко открывая дверь перед хозяйками дома. Фрэнсис покосилась на мать – та лихорадочно прикалывала шляпку. Они преодолели последние две-три ступеньки и пересекли площадку.

В комнате, где было не продохнуть от запаха духов и сигаретного дыма, оказалась не толпа народа, а всего лишь три женщины, которые сидели в креслах, придвинутых к незажженному камину. Вообще-то, в первую очередь Фрэнсис бросились в глаза именно кресла, поскольку одно из них – кресло черного дуба, на удивление гармонично сочетавшееся с вычурным убранством барберовской гостиной, – на самом деле принадлежало вовсе не Барберам. Это было одно из отцовских яковинских страшилищ, еще сегодня утром стоявшее в кухонном коридоре внизу. Сидела в нем низенькая тучная дама лет пятидесяти, с карими глазками-пуговками, чудовищно раздутыми щиколотками и столь ненатурально завитыми и выкрашенными хной волосами, что они походили на тусклый парик восковой фигуры. Несомненно, это ее голос только что доносился из гостиной, ибо едва Фрэнсис с матерью неловко вошли, она бойко затараторила все тем же кокнийским говорком:

– Ах, миссис Рэй, мисс Рэй, как приятно с вами познакомиться! Очень, очень приятно! А Лил сказала, мы с вами не увидимся: мол, вас допоздна не будет дома. Ах, какая удача! Я миссис Вайни. Надеюсь, вы меня извините, что я не встаю пожать вам руки. Видите, какая со мной неприятность. – Она указала на свои ужасные щиколотки. – Стоит сесть, и встать уже не вмоготу. Мин. . . – Миссис Вайни наклонилась и похлопала по руке конопатую девушку, сидевшую на диванчике. – Уступи место миссис Рэй, дорогуща. Тебе и пуфика хватит, худышке такой. . . Это Мин, моя младшая, – сообщила она Фрэнсис, как будто это все объясняло. – Мисс Линч – так, полагаю, мне следует ее величать в таком приличном доме! А это миссис Роулингс и миссис Грайс. Господи, какой же старухой я себя чувствую рядом с ними! С миссис Грайс вы уже познакомились минуту назад.

Фрэнсис ничего не оставалось, кроме как пройти в глубину комнаты, осторожно обходя разбросанные по полу сумки, шарфы, затейливые шляпки, и пожать руку каждой гостье по очереди. Миссис Рэй слабо запротестовала – ах, не стоит беспокоиться, она не хочет мешать, – но уже в следующую минуту непостижимым для себя самой образом очутилась на освобожденном месте на диванчике, рядом с остролицей миссис Грайс – Верой. Девушка по имени Мин устроилась на красном кожаном пуфе. Фрэнсис заняла оставшееся свободное кресло, рядом с женщиной, которую представили как миссис Роулингс.

Миссис Роулингс сидела в розовом плюшевом кресле Барберов, похожая на самодовольную Мадонну, исполненную сознания собственной значимости. Мальчик прижимался к ней, уткнувшись лицом ей в колени; его глаза с длинными ресницами еще не просохли от слез, но сами слезы определенно были забыты. Казалось, он лениво покусывал бедро миссис Роулингс. Когда малыш поднял голову и уставился на Фрэнсис, та снова с беспокойством спросила, не повредил ли он ухо, вытаскивая голову из перил. Миссис Роулингс улыбнулась – сочувственно и снисходительно, как часто улыбаются замужние женщины в ответ на испуганное кудахтанье старых дев.

– О, у них в этом возрасте уши каучуковые.

В подтверждение своих слов она прихватила пальцами ушко малыша, и без того уже красное, резко свернула его в трубочку, а потом отпустила – и оно упруго распрямилось. Гости

рассмеялись, и девочка громче всех, деланым, визгливым смехом. Мальчик зажал уши ладошками: с одной стороны, страшно довольный, что развеселил всех не хуже настоящего клоуна, а с другой – страшно раздосадованный тем, *как* он это сделал.

– Бедный Морис, – все еще хихикая, сказала миссис Вайни. – Негоже нам смеяться. Но маленькие мальчики, засовывающие голову промеж балясин в чужом доме, должны понимать, что над ними будут смеяться. – Голос у нее смягчился, и она протянула к малышу руки. – Ну, иди к бабуле!

Иди к бабуле... Пока миссис Вайни возилась с мальчиком, под взглядами женщин помоложе, Фрэнсис начала улавливать сходство между всеми ними. Миссис Роулингс – Нетта, как все ее называли, – была повзрослевшей и располневшей копией Мин. У Веры такие же карие глазки-пуговицы, как у миссис Вайни, только взгляд не такой живой и открытый. Даже в девочке и мальчике Фрэнсис теперь подметила семейные черты: девочка плотненькая, на крепких ножках; у мальчика светлые волосы, но из тех, что с возрастом темнеют; и у обоих не по-детски полные и тугие розовые губы – губы миссис Барбер, в сущности. Едва лишь Фрэнсис с удивлением и облегчением сообразила, что за гости к ним пожаловали, в комнату вошла сама миссис Барбер, немного запыхавшаяся.

Сначала она встретилась глазами с Фрэнсис:

– Мисс Рэй, простите ради бога!.. Здравствуйте, миссис Рэй! – Ее улыбка стала натянутой, и голос дрогнул. – Значит, вы уже познакомились с моей матерью и сестрами?

– О, мы уже подружились, – непринужденно сказала миссис Вайни. – Ну вот, Лил, а ты говорила, что хозяек весь день не будет дома!

– Она надеялась, что вы нас здесь не застанете, – пояснила Вера, обращаясь к Фрэнсис. – Она нас стыдится.

– Не болтай глупостей! – сказала миссис Барбер, заливаясь краской.

– Что правда, то правда! – весело вскричала миссис Вайни, и ее старомодный корсет угрожающе закрипел и затрещал. – Но недостаток хороших манер, миссис Рэй, мы с лихвой возмещаем жизнерадостностью. И да, я в совершенном восторге от вашего дома!

Мать Фрэнсис покраснела, часто заморгала, но быстро совладала с собой:

– Спасибо. Да, в свое время это был счастливый семейный дом. Просто он стал великоват для нас с дочерью, на все рук не хватает.

– Ну разумеется, зачем вам лишние хлопоты? Ничто не доставляет таких хлопот, как большой дом. И ничто, я считаю, не нагоняет такого уныния, как пустующая комната. Надеюсь, теперь вам стало повеселее, с постояльцами-то! А какой у вас сад чудесный, слов нет!

– О, так вы и сад видели?

– Да, Лил сводила нас туда.

– Буквально на минутку, – торопливо вставила миссис Барбер.

– У вас тут тишь да покой, точно в деревне. Ни в жизнь не догадаешься, что повсюду вокруг соседи. И настроение от этого такое, будто ты на отдыхе. Вы могли бы принимать туристов, чаем поить. У нас в нашем ветхом доме... Вера, Мин и я, мы живем над лавкой моего мужа, на Уолворт-роуд... так вот, у нас все страшно старомодно. А у вас такая красота кругом!..

Миссис Вайни обвела одобрителем взглядом гостиную, вычурное убранство которой пополнилось новыми элементами с тех пор, как Фрэнсис мельком видела ее в последний раз. Появилась старинная чугунная топка, в ней стоит букет бумажных маков; диванчик накрыт чем-то вроде шенилловой скатерти с помпончиками по краям; каминная полка теперь сплошь заставлена открытками и разными безделушками: эбеновые слоники, медные обезьянки, фарфоровый Будда, испанский веер... а вот и тамбурин со свисающими лентами.

– Как раз перед вашим приходом я говорила дочерям, – воодушевленно продолжала миссис Вайни, – мол, до чего же приятно воображать, как в старину здесь жили благородные дамы, в этих своих капорах и изящных платьях! А какие юбки были у тех платьев! Сколько

ярдов ткани уходило на каждую! Поневоле задумаешься, как же они бедняжки ходили в них, по тогдашним-то улицам, заваленным навозом. Или хотя бы как поднимались по лестницам. А уж про посещение кое-каких укромных местечек я вообще...

– Мама! – хором воскликнули дочери, и громче всех миссис Барбер.

Миссис Вайни округлила глазки-пугови:

– А что такого? Миссис Рэй понимает, что я шучу. И мисс Рэй тоже, я уверена. Кроме того, здесь одни женщины.

Девочка запротестовала: нет, здесь не одни только женщины, здесь есть и мальчики. Миссис Вайни благодушно улыбнулась:

– Ну ты поняла, что я имела в виду.

Нет, девочка *не* поняла, потому что *Морис* никакая не женщина и *Сидди* не женщина. Сидди еще даже и не *мальчик*, он еще слишком маленький...

– Довольно уже, милочка, – резко оборвала ее Вера, а озадаченная Фрэнсис подумала: «*Сидди?*»

Девочка обиженно выпятила свои недетские губы, но замолчала. Миссис Вайни снова заговорила: да, она прямо в восторге от дома.

– Какая удача для Лил и Лена! И как замечательно Лил украсила комнаты! Она у нас в семье единственная художественная натура, сызмалу такой была... Нет, Лил, ничего я не придумываю! – Миссис Вайни подмигнула Фрэнсис. – Смотрите, она зарделась как маков цвет.

– Это все ее художественная натура, – сказала Вера своим обычным суховатым тоном.

– Даже не знаю, в кого она такая. Уж точно не в меня! А что касается ее дорогого отца, царствие ему небесное, так он картинку не то что нарисовать, а и на гвоздь-то ровно повесить не мог...

Ее слова прервал странный шум: сопение, поскуливание, попискивание, будто зверек какой завозился. Фрэнсис с матерью тревожно встрепенулись. Сестры же, наоборот, разом притихли. Вера перегнулась через подлокотник диванчика и заглянула в большую соломенную сумку, стоявшую рядом на полу, – сумку, которую Фрэнсис все это время принимала за обычный портплед, но которая на самом деле оказалась переносной корзинкой для младенцев. Минута напряженного ожидания. Женщины перешептывались. Проснулся? Нет? Снова засыпает? Заснул? Но потом сопение возобновилось – и почти сразу разрешилось истощным воплем.

– Ути, мой хороший!

– Ты наше золотко!

– Ну-ну, тише!

– А вот и *мы!*

Вера запустила руки в корзинку и вытащила брыкающегося младенца в желтом вязаном костюмчике, – это и был Сидди. Вера передала ребенка Нетте, и та уложила его к себе на колени. Он по-прежнему дергал ножками-ручками и орал; его большая багровая голова моталась на тонкой, как стебель, шейке.

– Может, улыбнешься этим милым дамам? – спросила Нетта. – Не хочешь, да? А ведь миссис Рэй и мисс Рэй проделали очень долгий путь, чтобы тебя увидеть! Ах, какие рожицы мы корчим!

– Верно, он голодный? – предположила миссис Вайни, поскольку младенец не унимался.

– Да он всегда голодный, этот кроха. Весь в своего папочку по этой части.

– А как подгузник?

Нетта пощупала попку ребенка:

– Сухой. Он просто хочет пообщаться с нами. Правда, мой сладкий? Эй?

Она принялась качать младенца на коленке. Голова у него замоталась еще сильнее, но крики начали стихать.

Мать Фрэнсис, любившая детей, подалась вперед, чтобы рассмотреть получше.

– Маленький император, да и только, – улыбнулась она.

– Ага, Сидди у нас такой, – согласилась миссис Вайни, показывая редкие зубы. – Во всяком случае, орет уж точно, как особа королевских кровей. Вы только поглядите на него! Похож на огромную репку, правда? Мы надеемся, когда он подрастет, тело у него все-таки станет соразмерным голове. А вот у его старшего брата было ровно наоборот – помнишь, Нетта? Такая крохотная головенка была, хоть чулки на ней штопай! – Она вытерла выступившие от смеха слезы. – А у вас есть еще дети, миссис Рэй? Вы же не против, что я интересуюсь?

– Нисколько не против, – ответила мать Фрэнсис, отводя глаза от младенца, подпрыгивающего на коленках Нетты. – У меня было трое детей. Оба моих сына погибли на войне.

Веселое выражение вмиг сбежало с лица миссис Вайни.

– Ох, извините, бога ради. Всей душой вам сочувствую. У моего брата тоже два сына не вернулись с войны – а третий вернулся с выжженными глазами, совсем слепой. И муж Веры, Артур, тоже погиб на фронте. Знаете, миссис Рэй, в свое время я безумно хотела сыновей. Но выносить мальчика никак не получалось, уж неведомо почему. У меня было два выкидыша и один мертворожденный – все мальчики, причем последний ну до чего прелестный малютка...

– Что такое мертворожденный? – спросила девочка.

Женщины проигнорировали вопрос.

– Я помню, – подала голос Мин. – Помню, как папа тогда плакал, а мне сказал, что ему перец в глаза попал.

– Он был замечательный человек, твой отец, – улыбнулась миссис Вайни. – Ирландец, миссис Рэй. Чувствительный, как все ирландцы. Да, мы с ним оба страшно убивались по нашему последнему. Но знаете, теперь я не уверена, что хотела бы выкормить, выпестовать, вырастить сыночка для того лишь, чтобы он погиб на войне, как его двоюродные братья. – Она тяжело вздохнула и покачала головой.

Улыбка вновь сошла с лица миссис Вайни, и вдруг стало видно, что ее румянец – не румянец вовсе, а частая паутинка полопавшихся сосудов на желтых одутловатых щеках. Ее маленькие глазки внезапно показались беззащитно-обнаженными – как будто жизнь потрепала бедную женщину так крепко, подумалось Фрэнсис, что у нее даже ресницы выпали.

– Что такое мертворожденный? – повторила девочка.

Вера наконец ответила:

– То, чем лучше бы оказалась ты.

Мать Фрэнсис ошеломленно вытаращилась на нее. Миссис Барбер опустила голову, сгорая от стыда. Но гости покатались со смеху самым бессердечным образом, и миссис Вайни вытащила из рукава носовой платок, чтобы вытереть обильно слезящиеся глаза. Младенец сначала наблюдал за весельем с величайшей серьезностью, а потом вдруг фыркнул, словно поняв шутку, – и все снова расхохотались. Нетта принялась его тискать и подбрасывать на коленях, чтобы он фыркнул еще разок, да погромче. Голова у Сидди болталась, по подбородку текли слюны, и он возбужденно сучил ножками, пиная Нетту в живот.

Затем в общем настроении произошла легкая, но заметная перемена. Вера порылась в сумочке и предложила Фрэнсис с матерью сигареты. Миссис Рэй, опять ошеломленная, помотала головой, и Фрэнсис неохотно сделала то же самое. Но все женщины помоложе чиркнули спичками, прикурили, потянулись к пепельнице и возобновили разговор, прерванный появлением хозяек дома. В разговоре постоянно упоминался некто, кого они иронически называли «его милость» или «его светлость». «Ну, сами можете догадаться, *что* он ответил!», «Да я на него *вообще* плевать хотела!» – а миссис Вайни время от времени слабо протестовала: «Ох, ну зачем вы так? Ваш бедный отчим только добра вам желает!»

Семья, как хорошо отлаженный механизм, преодолела незначительное препятствие в виде внезапного вторжения миссис и мисс Рэй и зажила своей привычной жизнью. Фрэнсис,

переводя внимательный взгляд с одной сестры на другую, ясно поняла, какую роль каждая из них играла, а вернее, была вынуждена играть в соответствии с требованиями этого семейного механизма: холодная Вера, эмоциональная Нетта, простодушная Мин.

Ну и конечно, миссис Барбер – Лириана, Лили, Лил. Она все это время держалась в стороне – то опиралась локтем о каминную полку, то клала ладонь на ручку диванчика – и по-мимолетно с беспокойством поглядывала на Фрэнсис и ее мать. На ней было сливового цвета платье из дорогой мягкой ткани, с кружевом кроше на груди и по краю коротких рукавов, каковой наряд дополнялся оливково-зелеными чулками и яркими турецкими туфельками. На шее у нее висели красные деревянные бусы, шелкавшие при каждом ее движении, как костяшки счетов. «Единственная художественная натура в семье», – сказала про нее мать, и действительно, по манере одеваться – броско, но со вкусом – миссис Барбер разительно отличалась от своих сестер, наряженных, как танцовщицы кордебалета: платья из искусственного шелка, ажурные чулки, высокие каблуки, цепочки на запястьях и щиколотках. Да и выговор у нее, в отличие от них, был правильный, без малейшего кокниевского акцента. Теперь миссис Барбер отошла от сдвинутых у камина кресел, а ее маленький племянник подбежал к ней и о чем-то шепотом попросил. Она взяла его за руку, провела к столу в другом конце комнаты и стала собирать для него булочки и печеньки, оставшиеся там после чаепития. Мальчик взял у нее тарелку с лакомствами и осторожно прижал к груди. Когда содержимое тарелки стало с нее сползать, миссис Барбер поддернула подол платья и опустила на колени, чтобы подхватить ее и выровнять. Все это она сделала одним плавным, текучим движением, показав пятки и округлые белые икры, просвечивающие сквозь оливково-зеленые чулки. Мальчик отгрыз кусок печенья, и на кружевную грудь миссис Барбер посыпались крошки.

Миссис Барбер крошек не заметила. Она еще больше выпятила свои выпяченные губы и приложила рассеянным поцелуем к белокурой макушке. Подняв голову, она встретилась с внимательным взглядом Фрэнсис и смущенно потупилась. Но чуть спустя снова вскинула глаза, увидела, что Фрэнсис по-прежнему с улыбкой смотрит на нее, и неуверенно улыбнулась в ответ.

Двоюродная сестренка мальчика наконец сообразила, что там, у стола, раздают угощения, подбежала к миссис Барбер и тоже потребовала печеньку. После чего миссис Вайни громко поинтересовалась, хватит ли печенья на всех... Фрэнсис взглянула на мать, и та еле заметно кивнула. Они встали и начали прощаться. На то, чтобы высвободиться из цепких щупальцев радушия миссис Вайни, потребовалось несколько минут, но наконец Фрэнсис с матерью выбрались на лестничную площадку.

Миссис Барбер сочла нужным выйти вместе с ними. Когда миссис Рэй уже стала спускаться по лестнице, миссис Барбер знаком попросила Фрэнсис задержаться и тихо заговорила:

– Ради бога, простите меня за кресло, мисс Рэй. Я знаю, вы заметили. И пожалуйста, передайте мои извинения вашей матушке. Не подумайте только, что мы и впредь собираемся без спросу брать ваши вещи. Просто моей матери нужно твердое кресло, поскольку у нее больные ноги и спина, а у нас с Леном такого нет.

– Не стоит извинений, – сказала Фрэнсис.

– Нет, очень даже стоит, но спасибо вам за такие слова. Так любезно с вашей стороны, что вы заглянули к нам. Наша семья страшно шумная... они скоро уйдут, не беспокойтесь. Они зашли-то всего на часок, но потом начался дождь. А вы, как я понимаю... – Она кивком указала на темное платье Фрэнсис. – Вы с матушкой были на каком-то печальном мероприятии?

Фрэнсис объяснила, что они навещали могилу отца.

Миссис Барбер пришла в ужас:

– Ох, и какво же вам было вернуться домой и застать здесь такое сборище!

Она схватилась за голову, приводя в беспорядок уложенные завитые волосы. На кружевной вставке платья у нее до сих пор оставались крошки. Фрэнсис испытала острое желание

смахнуть их, как сделала бы заботливая мамаша или, что вернее в ее случае, заботливая старая дева. Сдержав дурацкий порыв, она направилась к лестнице.

– Пусть ваши близкие остаются здесь сколько пожелают, миссис Барбер. Вы нас немало не побеспокоите, честное слово.

Спустившись вниз, однако, Фрэнсис ясно услышала женский смех и топот детских ног. Когда она закрывала дверь гостиной, балки над головой скрипнули... раз-другой... и даже стены, казалось, заскрипели – будто какой-то великан стиснул в ладонях дом и стал подбрасывать, в точности как Нетта тискала и подбрасывала на коленях своего фыркающего ребенка.

Мать, с видом крайнего утомления, уже расположилась в своем кресле у французских окон.

– Да уж! – вздохнула она. – Поразительно, что у миссис Барбер такая семья. Вернее сказать, поразительно, что в такой семье уродилась миссис Барбер. Я почему-то была уверена, что ее отец крупный предприниматель – она ничего такого не говорила? И что брат служит в торговом флоте?

Фрэнсис откинулась на спинку дивана:

– Брат служит... где? Ох, мама, не впадай в старческую забывчивость. Это ж я все нафантазировала, помнишь?

– Но отец-то у нее предприниматель?

– Отец давно умер. Миссис Вайни – вдова, вторично вышедшая замуж. За владельца лавчонки, которого все ее дочери дружно презирают. Не иначе той мануфактурной, что рядом с магазинчиком, где торгуют жареной рыбой. – Увидев непонимающий взгляд матери, она добавила: – Других-то мелких лавок на Уолворт-роуд нет, верно?

Мать задумалась:

– На Уолворт-роуд?... Да нет, Фрэнсис, быть такого не может.

– Ты что, совсем не прислушивалась к разговору?

– Ну, я все больше разглядывала убранство комнаты – вот уж миссис Барбер расстаралась! Точно дом Али-Бабы! Или Мулен Руж! Или Тадж-Махал! Лучше бы она выбрала простой деревенский стиль и на том успокоилась. Это что, нынче считается модным декором? Если бы твой дорогой отец... ты, кстати, кресло заметила?

– Миссис Барбер все объяснила. У ее матери беда со спиной.

– Да и не только со спиной, как я погляжу! Дочери у нее – чистые амазонки! А сама она коротышка, от земли не видать.

– Мне она понравилась, – улыбнулась Фрэнсис. – А тебе разве нет? Добрая общительная женщина.

– Ну да, – согласилась мать. – Только с общительностью, скажем прямо, у нее перебор. Почему люди такого разряда всегда так много о себе рассказывают? Еще чуть-чуть – и она продемонстрировала бы нам свои варикозные вены. – Миссис Рэй беспокойно посмотрела в сторону окна, выходящего на улицу. – Интересно, Доусоны видели, как она к нам заходит? Знаю, это не по-христиански, но я очень надеюсь, что миссис Вайни не собирается навещать нас слишком часто.

– А я надеюсь, что собирается, – сказала Фрэнсис. – Общение с ней меня здорово взбодрило, прямо как поход в шикарный кабац.

Мать уныло улыбнулась, потом вздрогнула и тревожно нахмурилась: наверху грохнул очередной взрыв смеха.

– Нет, я все-таки надеюсь, что они не зачествят к нам. В жизни не слышала такого бурного хохота. И шуточки у них весьма сомнительного свойства. Неудивительно, что мистер Барбер сбежал, бедняга. Да уж, Фрэнсис, не ожидала я, что у миссис Барбер такая родня. Если бы только мы знали... о боже. Не могу отделаться от чувства, что она...

– Что она нас облапошила? – с улыбкой спросила Фрэнсис, направляясь к кухне. – А по моему, это делает ее только интереснее. Должно быть, ей пришлось изрядно потрудиться ради этих зеленых чулок.

Дети носились по комнатам еще с полчаса, и из гостиной по-прежнему слышались взрывы смеха. Потом наверху раздались шаги сразу многих ног, и пол закрипел столь громко, что это могло означать лишь одно: сестры встали и ходили взад-вперед, передвигая кресла, наводя порядок и собирая свои вещи. Пока Фрэнсис с матерью пили чай, через счетчик в кухоньке с пыхтением пошел газ, и в раковине загремела посуда. Немного погодя на лестнице застучали каблуки, и женщины одна за другой спустились в туалет, вместе с протестующими детьми. Наконец состоялось медленное сошествие миссис Вайни, и началось долгое шумное прощание в холле. Девочка обнаружила обеденный гонг, ударила в него и получила подзатыльник.

Миссис Рэй взяла шкатулку для рукоделия и принялась шить с таким стоическим видом, словно твердо решила не морщиться и не вздрагивать от шума. Сама Фрэнсис сидела с раскрытой книгой на коленях, но, не в состоянии сосредоточиться, снова и снова перечитывала одну и ту же страницу. Как только передняя дверь закрылась и миссис Барбер стала подниматься по лестнице, Фрэнсис отложила книгу и, не удержавшись, на цыпочках подошла к окну. Вон они, направляются в сторону Камберуэлла. Идут в своих безвкусных плащах и причудливых шляпках – впереди горделиво выступает Нетта с ребенком на руках, воплощая собой Триумф Современного Материнства, а миссис Вайни, под руку с Верой и Мин, с прижатой к груди сумочкой из искусственной кожи, плетется черепашьям шагом позади, олицетворением добродушной поздневикторианской эпохи. Дети крутили в руках стебельки лаванды, сорванные из горшков в палисаднике. И в самом палисаднике валялись сломанные стебли.

– Любопытство сгубило кошку, – сказала мать с другого конца комнаты.

– Да ладно тебе, – не оборачиваясь, ответила Фрэнсис. – Я просто хочу убедиться, что они никого тут не забыли. Один, два, три, четыре, пять, шесть – семь, если считать младенца. Неужели целых семь? Уверена, час назад их было меньше.

– Может, они за это время размножились.

– Бедная миссис Вайни! Такие отечные щиколотки! Не ноги, а тумбы.

– Не пойди ли пересчитать ложки в кухне?

– Мама! Можно подумать, им нужны наши старые ложки! Скорее, это они оставили нам пару шиллингов на столике в холле. Незаметно, чтобы не конфузить нас...

В комнате наверху раздался глухой грохот, и Фрэнсис отвернулась от окна.

Мать наконец поморщилась:

– Нет, это ужасно, честное слово. Что миссис Барбер там делает, скажи на милость?

Снова послышался грохот, теперь на лестничной площадке. Заскрипели ступеньки, что-то деревянное тяжело застучало о балясины...

Фрэнсис быстро двинулась к двери.

– Она тащит вниз кресло!.. Сейчас обои обдерет!

Выйдя в холл и закрыв за собой дверь, она крикнула:

– Вам помочь, миссис Барбер?

– Спасибо, я справлюсь, – донесся задышливый голос.

Но Фрэнсис все-таки поднялась и обнаружила, что миссис Барбер, вся красная от натуги, дергает тяжелое громоздкое кресло, передние ножки которого застряли между балясинами. Соединенными усилиями они высвободили кресло, кое-как развернули на промежуточной площадке и благополучно спустили в холл.

Фрэнсис поставила кресло точно на прежнее место и похлопала по спинке:

– Ну что, приятель, как тебе маленькое приключение? Знаете, по-моему, на нем никто раньше и не сидел ни разу.

– Мне действительно не следовало его брать, – смущенно сказала миссис Барбер. – Меня сестры уговорили. Они мной командуют, всегда командовали. Наверное, кресло еще и ужасно старинное.

– Во всяком случае, мой отец так считал. Нет, ваши сестры правильно сделали. Я рада, что вы нашли ему применение.

– Вы очень добры. Спасибо вам.

Миссис Барбер уже повернулась к лестнице. До чего же она не похожа на своего мужа! Он бы задержался, стал лезть с разговорами. Пожалуй, Фрэнсис даже не хотелось ее отпустить. Она вспомнила, как очаровательно выглядела миссис Барбер, когда присела на корточки перед своим племянником и обтянутые зелеными чулками пятки выскользнули из узорчатых туфелек. Крошки с груди она уже стряхнула, но завитые локоны все еще были растрепаны, и у Фрэнсис опять возникло заботливое желание поправить ей прическу.

Вместо этого она сказала:

– У вас усталый вид.

Миссис Барбер поднесла ладонь к щеке:

– Да?

– Может, посидите со мной немножко? Не на этом страшилище, конечно... – Она махнула рукой в сторону кресла. – А в кухне. Буквально пять минут, а?

Миссис Барбер заколебалась:

– Мне бы не хотелось вас отвлекать...

– Вы меня ни от чего не отвлекете, кроме как от мыслей о хозяйственных делах. А о них я могу подумать в любое другое время. Ну же, скажите «да»! Я уже давно хотела вас пригласить. Мы с вами живем в одном доме, но почти не общаемся. Это как-то странно, вы не находите?

Фрэнсис говорила искренним тоном, и выражение лица у миссис Барбер переменялось.

– Пожалуй, – улыбнулась она. – Да, хорошо.

Они прошли в кухню, и Фрэнсис предложила миссис Барбер стул.

– Сделать вам чаю? – спросила она, когда Лил села.

– О нет, спасибо. Я весь день пила чай.

– Тогда, может быть, кусочек кекса?

– И кекс я ела! Но сами-то вы чаю выпьете, конечно?

Немного поразмыслив, Фрэнсис сказала:

– Честно говоря, чего мне сейчас по-настоящему хочется... – Она подошла к открытой двери, высунула голову в коридорчик и прислушалась, не раздаются ли в гостиной звуки движения. Ничего не услышав, она бесшумно закрыла дверь и засунула руку в карман фартука, висевшего на двери изнутри. – Мать не одобряет, что я курю, – тихо проговорила она, доставая табак, папиросную бумагу и спички. – Я думала, меня просто разорвет, пока смотрела, как дымят ваши сестры. Только учтите: если меня застукают, я все свалю на вас. Врать я умею, имейте в виду.

Фрэнсис села напротив миссис Барбер и протянула ей пакетик с папиросной бумагой:

– Будете?

Миссис Барбер коротко мотнула головой:

– Я так и не научилась скатывать.

– Я вам скатаю, если хотите.

Миссис Барбер поколебалась, кусая свои полные губы, потом озорно усмехнулась:

– Почему бы и нет? Давайте!

Казалось, все происходящее доставляло ей неподдельное удовольствие. Она зачарованно наблюдала, как Фрэнсис выкладывает два листочка бумаги и осторожно насыпает на каждую табак из жестяной коробочки; затем положила обнаженные локти на стол и подалась вперед, чтобы получше рассмотреть, как первая сигарета обретает форму. Одно запястье у нее обхва-

тывал красный деревянный браслет, под стать бусам на шее, но на пальцах украшений не было, если не считать тонкого обручального кольца и такого же тонкого помолвочного, с крохотными бриллиантами.

– Ух, как ловко у вас получается! – восхищенно сказала миссис Барбер, когда Фрэнсис поднесла сигарету к губам и провела кончиком языка по клейкой полоске. А через несколько секунд, когда и вторая сигарета была готова, она добавила: – Такие аккуратненькие, даже курить жалко!

Однако миссис Барбер взяла сигарету и наклонилась к зажженной спичке, которую протянула Фрэнсис. При этом она на мгновение положила руку ей на запястье, и Фрэнсис отчетливо ощутила живое тепло ее ладони и пальцев.

С сигаретой миссис Барбер выглядела как-то иначе – более взрослой, что ли. После первой затяжки она откинулась на спинку стула, небрежным привычным движением сняла с губы крошку табака и сказала:

– Видел бы нас сейчас Лен. Он прямо как ваша матушка, мисс Рэй: запрещает мне курить. Но с другой стороны, мужчины вечно норовят запретить женщинам все то, что сами охотно делают, – вы не замечали?

Миссис Барбер, разумеется, говорила о вещах сугубо житейских, но Фрэнсис, поискав глазами, куда бы стряхивать пепел, и наконец выдвинув на середину стола блюдце, откликнулась:

– Голосовать, например? Баллотироваться в парламент? Нет, никогда подобного не замечала. Так, что еще? Руководить промышленными предприятиями? Работать, состоя в браке? Требовать развода в судебном порядке? Остановите меня, если утомлю вас перечислением.

Миссис Барбер рассмеялась, одновременно выпуская дым. И смех этот, зримо явленный облачками дыма, вылетающими из чуть округленных полных губ, был таким теплым, таким искренним, таким непохожим на ее обычное машинальное хихиканье, что Фрэнсис испытала странное ликование оттого, что породила его своими словами.

Какое-то время они курили в тишине, которую нарушали лишь тихие кухонные звуки: тиканье часов, шуршание угольков в печи, мелодичный стук капель о раковину в судомойне.

Встретившись взглядом с миссис Барбер, Фрэнсис сказала:

– Я была рада познакомиться с вашей семьей.

В глазах миссис Барбер появилось недоверчивое выражение.

– Очень мило с вашей стороны, что вы так говорите.

– Я вовсе не из вежливости. Я всегда говорю, что думаю.

– Я не хотела, чтобы вы с ними встречались. Вы и ваша мать.

– Вот как? Почему?

– Ну... Лен сказал, что вы сочтете их вульгарными.

Фрэнсис почувствовала смутную вину, вспомнив, как наблюдала за уходящими гостями из окна, и почувствовала еще что-то, более смутное, по отношению к миссис Барбер. Стряхивая пепел в блюдце, она твердо сказала:

– Я очень рада, что они зашли. Особенно мне понравилась ваша мать. Что с вами? Вы расстроились?

Миссис Барбер слегка поникла.

– Просто... ну... она действительно всем нравится. И беда в том, что она из кожи вон лезет, чтобы понравиться. Она постоянно в образе, моя мать, и постоянно переигрывает. Некоторые ее шуточки сегодня... Миссис Рэй, наверное, была в ужасе. И потом, она вечно расхаживает в этих своих старых дешевых тряпках, хотя сейчас у нее полно денег, чтобы купить приличную одежду. – Она с виноватым видом стряхнула пепел. – Нехорошо, конечно, говорить про нее такие вещи. Мама хлебнула горя в жизни, всякого повидала. Одно время мы жили страшно бедно – после смерти отца и до того, как она вышла за мистера Вайни. Даже стыдно

сказать, до чего бедно. Мать тогда работала наизнос, вот почему у нее спина больная. А ноги ее вы видели?

Фрэнсис страдальчески поморщилась:

– Неужели ничем нельзя помочь?

– О, она чихать хотела на предписания врачей. Вдобавок мистер Вайни совсем не дает ей роздыха. Она должна все время что-то для него делать, каждый час дня и ночи. Для него празднично сидящая женщина все равно что нож, ржавеющий от бездействия. – Миссис Барбер повернула голову, услышав звон часов. – Ой, уже пять? Лен вот-вот вернется. Он сегодня был у родителей. Надо бы пойти прибраться. Его мать содержит дом в идеальной чистоте – нигде ни пылинки.

Впрочем, последние слова она произнесла с легким зевком и продолжала сидеть, наслаждаясь сигаретой и явно радуясь возможности говорить свободно и непринужденно. Сейчас миссис Барбер держалась без малейшей натянутости, какую Фрэнсис не раз замечала в ней прежде, когда она старалась показать свои хорошие манеры. Она поставила локоть на стол и оперлась подбородком о ладонь. Рука у нее округлая, плотная, гладкая. В ней нет ни единой резкой линии, с завистью подумала Фрэнсис. Она вся – теплый цвет и плавные изгибы. И ей, что называется, «уютно в своей коже» – она вся точно патока, щедро в нее влитая.

Теперь миссис Барбер блаженно улыбалась, вслушиваясь в тишину:

– Как же здесь чудесно, как тихо! Я впервые в жизни оказалась в таком тихом доме – во всяком случае, в такой тишине, как здесь, у вас. Она будто бархат. Когда становилось тихо в доме на Чевини-авеню, у родителей Лена, мне кричать хотелось. У нас с ним семьи совсем разные, знаете ли.

– Да?

– Да! Мы с сестрами воспитывались в католической вере, как наш отец. Не то чтобы мы по-прежнему ходили на мессу по воскресеньям или что-нибудь вроде. Но подобного рода вещи, они ведь остаются в тебе на всю жизнь. Родители Лена считают меня язычницей. Сами они нонконформисты. А его двоюродный брат служил в частях «черно-рыжих»...¹¹ Лен не такой, – поспешно добавила она, увидев выражение лица Фрэнсис. – Но его родители и братья... У них нет ни чувства прекрасного, ни интересов в жизни, ничего такого. Если вы при них раскроете книгу, вас назовут выпендренницей. Здесь сидишь тихо в своей комнате – и мирная тишина вокруг. И никто ведать не ведает, чем ты там занимаешься. В домах, где я росла, было совсем иначе. Там помешаешь ложкой в стакане – все соседи слышат. Ах, мисс Рэй, вы не представляете, в каких ужасных домах мы жили! Как-то раз даже в доме с привидением.

Фрэнсис подумала, что она шутит.

– С привидением? И как же оно выглядело?

– Древний старик с длинной белой бородой. Причем не расплывчатый и полупрозрачный, как призраки в книжках, а совершенно материальный, в точности как живой человек. Я дважды видела, как он медленно спускается по лестнице. Мы с Верой видели.

Нет, она не шутила. Фрэнсис нахмурилась:

– И вы не боялись?

– Еще как боялись! Но он никому не причинял зла. Нам соседи про него рассказали. Он жил в том доме много лет назад, его жена умерла, и несчастный угас от тоски по ней. Они сказали, что он каждую ночь ходит вверх-вниз по лестнице, все жену ищет. Я иногда задаюсь вопросом, обитает ли он там по-прежнему. Грустно, если да, – правда? Ведь он хочет лишь одного – быть с любимой женой.

¹¹ «Черно-рыжие» (Black-and-Tans) – вспомогательные отряды Ирландской королевской полиции, проводившие жестокие карательные операции против республиканцев. Прозвище «черно-рыжие» получили из-за цвета формы.

Фрэнсис зажгла свою потухшую сигарету и ничего не ответила. Она поражалась искренности миссис Барбер, простодушию, непосредственности – или как еще называется свойство природы, которое позволяет говорить вслух такие вещи с такой откровенностью. Для самой Фрэнсис сообщить малознакомому человеку, что она видела привидение, было бы столь же нелепо, как признаться, что она верит в эльфов и фей.

«Вот именно поэтому, – поняла она, – я никогда и не увижу привидения».

Внезапно настроение у Фрэнсис упало, совершенно для нее неожиданно. Она рассеянно вертела в пальцах спичечный коробок, ставила то на один торец, то на другой. Подняв наконец глаза, она встретила с внимательным, обеспокоенным взглядом миссис Барбер.

– Боюсь, я вас расстроила, мисс Рэй.

Фрэнсис покачала головой и улыбнулась:

– Вовсе нет.

– Ужасно бестактно с моей стороны. Мне не следовало заводить разговор о привидениях и разных печальных вещах в такой день, как сегодня.

– Как сегодня? – недоуменно переспросила Фрэнсис. Потом сообразила: – В смысле, из-за моего отца? О нет. Нет, не надо думать о нем хорошо. Думайте так о моих братьях, если хотите. Я по ним каждый божий день тоскую. А что касается отца... – Она бросила коробок на стол. – Мой отец был невыносим при жизни, доставил нам неприятность своей смертью и до сих пор умудряется докучать нам.

– Ох... – пробормотала миссис Барбер. – Я... мне очень жаль.

Они снова погрузились в молчание. Фрэнсис подумала о своей всегда сдержанной и скрытной матери, сидящей в гостиной рядом. Но тишина разбавлялась все теми же уютными кухонными звуками, шорохом угольков, еле слышной музыкой судомойни... а миссис Барбер была столь откровенна... Фрэнсис вдруг почувствовала непреодолимое желание ответить ей такой же откровенностью и, глубоко затянувшись, снова заговорила приглушенным голосом:

– Просто мы с отцом никогда не ладили. У него были старомодные представления о женщинах... о дочерях, в частности. Я для него была сущим наказанием, как легко догадаться. Мы с ним спорили решительно обо всем, моя бедная мать только и делала, что разводила нас по углам. Ожесточеннее всего мы спорили о войне, в которой он видел некое Великое Приключение, тогда как я... О, я ненавидела войну с самого первого дня. Моего старшего брата, Джона Артура, кротчайшего и тишайшего человека на земле, отец чуть ли не силком заставил записаться добровольцем, никогда ему этого прощу. Ноэль, мой другой брат, ушел воевать прямо со школьной скамьи, а когда его убили, у отца случилась целая серия «сердечных приступов», – иными словами, теперь он все время сиднем сидел в кресле, а мы с матерью суетились вокруг него как дуры. Он умер за несколько дней до Перемирия, но не от сердечного приступа, а от апоплексического удара, который его хватил, когда он прочитал какую-то статью в «Таймс», страшно его разозлившую. Ну а после смерти отца... – В голосе Фрэнсис появились горестные нотки. – Вы с вашим мужем, миссис Барбер, наверняка уже поняли, что мы с матерью далеко не так состоятельны, как может показаться на первый взгляд. Оказалось, мой отец вкладывал семейные деньги то в одно сомнительное предприятие, то в другое и в результате оставил нам кучу долгов, которые мы до сих пор выплачиваем и... вообще. – Она раздраженно раздавила окурок в блюдце. – Лучше не наводить меня на разговоры о нем. Я, конечно, не вполне к нему справедлива. Он был не таким уж плохим человеком, пусть хвастуном и трусом – ну так и все мы порой бываем трусами. Я привыкла его ненавидеть – это очень нехорошо, знаю. Но самое ужасное, что он сделал по отношению ко мне, так это то, что он умер. Пока он был жив, у меня были планы на жизнь, огромные планы... – Она на миг умолкла, может, потому, что голос осекся, а потом договорила: – Отец всегда говорил, что все мои планы закончатся ничем. И он бы, конечно, злорадно ухмыльнулся, если бы увидел, что я по-прежнему здесь, на Чемпион-Хилл... прямо как ваше привидение!

Фрэнсис улыбнулась, но миссис Барбер, смотревшая на нее серьезным, добрым взглядом, не улыбнулась в ответ.

– А какие у вас были планы, мисс Рэй?

– О, не знаю. Изменить мир. Все исправить. И... забыла уже.

– Забыли?

– Тогда было совсем другое время. Серьезное. Страстное. Но и наивное, как мне теперь кажется. Мы верили в... великие перемены. Мы ждали конца войны и верили, что после нее начнется совсем другая жизнь. И все действительно переменялось, правда? Но совсем-совсем не так, как мы ожидали. Ну и потом, тогда у меня был... один человек... помолвка, можно сказать... – Фрэнсис невольно бросила взгляд на кольца – обручальное и помолвочное – на пальце миссис Барбер. – Простите меня, миссис Барбер. Я не хочу скрытничать. Но и разводить сантименты не хочу. Я о чем... я пытаюсь сказать, что нынешняя моя жизнь... это не та жизнь, которой мне следовало бы жить. Не та жизнь, которая мне нужна! Не та жизнь, которую я себе представляла! – закончила она почти исступленным голосом.

«Господи, что я несу?» – подумала Фрэнсис. И почувствовала себя так глупо и нелепо, как если бы по неосторожности выставила на обозрение свой голый зад. Но миссис Барбер кивнула и деликатно потупилась, словно все поняв каким-то непостижимым образом. Когда же она наконец заговорила, то сказала следующее:

– Наверное, вам с матерью странно, что мы с Леном живем здесь, у вас.

– Ну что вы! – ответила Фрэнсис. – Я вовсе не это имела в виду.

– Я знаю. Но вам все равно должно быть странно. Мне очень нравится ваш дом. Мне захотелось жить в нем сразу, едва я переступила порог. Но вам, полагаю, просто дико видеть нас с Леном здесь – как будто мы взяли без спросу вашу одежду и носим ее задом наперед и шиворот-навыворот.

Миссис Барбер потянулась к блюдцу, застенчиво опустив голову, и красные деревянные бусины тихонько перестукнули. На самой макушке у нее Фрэнсис увидела крохотное пятнышко голый кожи, молочно-белое на фоне глянцевиных темных волос, пышно выющихся вокруг.

– Вы необычайно милая женщина, миссис Барбер, – сказала она.

Миссис Барбер с удивленной улыбкой вскинула глаза и слегка поморщилась:

– Ах, не говорите так!

– Почему?

– Потому что рано или поздно вы непременно поймете, что это неправда, и разочаруетесь во мне.

Фрэнсис помотала головой:

– Не могу себе такого представить! Но теперь вы мне нравитесь еще больше. Мы будем друзьями, да?

Миссис Барбер рассмеялась:

– Надеюсь.

И этого оказалось достаточно. Они улыбнулись друг другу через стол, и между ними что-то произошло. Какое-то неуловимое изменение... будто что-то завязалось и укрепилось. Фрэнсис не придумала, с чем еще это можно сравнить, кроме как с каким-нибудь кулинарным процессом. Так яичный белок становится жемчужно-белым в горячей воде, так молочный соус загустевает в кастрюльке – незаметно, но в то же время осязаемо. Почувствовала ли это миссис Барбер? Похоже, да. Улыбка на миг застыла на ее губах, и во взгляде мелькнула неуверенность. Но набежавшее на лицо облачко столь же быстро растаяло. Миссис Барбер опустила глаза и снова рассмеялась.

В следующую секунду лязгнул замок передней двери: мистер Барбер вернулся из Пекхама. Женщины одновременно встрепенулись и переменили позы. Фрэнсис откинулась на

спинку стула, а миссис Барбер подхватила ладонью одной руки локоть другой и глубоко затянулась сигаретой. Этой позой, этим жестом и новым наклоном головы, чуть набок, она живо напомнила Фрэнсис своих сестер. А когда заговорила шепотом, стала походить на сестер еще больше.

– Вы только послушайте, как он крадется! – (Мистер Барбер тихо шел через холл.) – Едва ли не на цыпочках! Бойтся, что мои все еще здесь.

– Он что, действительно их не любит?

– Да кто его знает! Иногда мне кажется, он просто притворяется, забавы ради.

С минуту они молча сидели в полутемной кухне, прислушиваясь к шагам мистера Барбера на лестнице и ощущая странную близость. Потом миссис Барбер со вздохом встала:

– Ладно, пойду, пожалуй.

– Уже?

– Спасибо за сигарету.

– Вы не докурили.

– Если я останусь, он пойдет меня искать. Заявится сюда и все высмеет, а мы с вами так славно посидели, и... Нет, лучше уж я пойду.

Фрэнсис тоже встала:

– Конечно.

Но ей было жаль. Она думала о неуловимой алхимической перемене, произошедшей между ними пару минут назад. Думала о своей откровенности с миссис Барбер, ну или почти откровенности – во всяком случае, той степени откровенности, с какой она уже давно ни с кем не разговаривала.

Она уже подошла к кухонной двери и протянула руку, чтобы ее открыть, но потом повернулась:

– Послушайте, миссис Барбер. Почему бы нам с вами не сходить куда-нибудь? Давайте... я не знаю, погуляем вместе или что-нибудь вроде. Здесь, неподалеку, я имею в виду. Как-нибудь на следующей неделе. Скажем, во вторник. Хотя нет, во вторник не получится. Тогда, может, в среду? Мать уйдет по делам, и я буду свободна. Если вы составите мне компанию, буду очень рада. Что скажете?

Идея возникла из ниоткуда, и Фрэнсис, едва договорив, засомневалась. Прилично ли такой женщине, как она, обращаться с подобными предложениями к такой женщине, как миссис Барбер? Не показалась ли она чудаковатой, одинокой, навязчивой?

Миссис Барбер, казалось, слегка оторопела, но по ее ответу стало ясно, что она просто-напросто польщена – вот уж чего Фрэнсис не ожидала! Залившись румянцем, она сказала:

– Вы очень добры, мисс Рэй. Да, я с удовольствием. Спасибо за приглашение.

– Значит, вы согласны?

– Да, конечно! В среду днем? – Она поморгала, раздумывая; затем приняла окончательное решение, вздернула подбородок, и краска смущения сошла с ее лица. – Да, я буду очень рада.

Они снова улыбнулись друг другу, хотя уже без прежней алхимии. Фрэнсис открыла дверь, миссис Барбер кивнула и вышла. Ее туфельки прошлепали через холл и вверх по ступенькам, потом донесся голос мистера Барбера, встретившего жену на лестничной площадке. Фрэнсис стояла в дверях кухни и прислушивалась, на сей раз без малейшего зазрения совести, но не услышала ничего, кроме приглушенного бормотания.

4

Ну не глупо ли так возбуждаться по такому пустяшному поводу, впоследствии думала Фрэнсис. Они с миссис Барбер договорились, куда пойдут: в Рескин-парк, что в двух шагах от дома, – самый заурядный маленький парк, чистый и ухоженный, с клумбами, теннисными кортами и эстрадой, где по воскресеньям играл оркестр. Но она таки *была* радостно возбуждена, и с течением дней у нее сложилось впечатление, что миссис Барбер – тоже. Они решили, что с чайным пикником совместный поход станет еще приятнее, и в среду утром, каждая на своей кухне, приготовили кое-какую закуску. Перед выходом Фрэнсис долго выбирала наряд и наконец отказалась от скучной юбки с блузкой в пользу элегантного серого платья-туники, которое обычно приберегала для вылазок в город. Потом она не одну минуту простояла перед зеркалом, пробуя разные булавки – янтарную, гранатовую, костяную, жемчужную – в попытке оживить свою старую фетровую шляпку.

Интересно, прилагает ли миссис Барбер такие же усилия? Трудно сказать – ведь она каждый день наряжена как куколка. Когда миссис Барбер вышла к ней на лестничную площадку, Фрэнсис увидела обычное сочетание теплых цветов и плавных линий: фиолетовое платье, розовые чулки, серые замшевые туфли, кружевные перчатки, модная шляпка-клош, плотно сидящая на голове без всяких булавок, надвинутая низко, до самых бровей. Запястье миссис Барбер обхватывал шелковый шнурок с кисточкой, на котором что-то висело – ридикюль, поначалу решила Фрэнсис, но потом, уже спускаясь по лестнице, разглядела, что это красный бумажный зонтик. Значит, миссис Барбер все-таки постаралась, подумала Фрэнсис. Конечно, погода сейчас солнечная, но солнце не такое уж палящее, чтобы от него прятаться, и красный зонтик – просто броское украшение, придающее событию праздничность. Они словно бы направлялись на приморский бульвар. Внезапно Фрэнсис захотелось, чтобы так оно и было. Гастингс, Брайтон – ну почему ей сразу не пришло в голову? Следовало быть посмелее и порешительнее.

Чтобы дойти от дома до парка, потребовалась всего пара минут. Они с таким же успехом могли бы остаться в заднем саду! Шум транспорта не стал многим слабее, когда они углубились в парк.

Но все же было необычайно приятно идти здесь, между деревьями, по твердо утоптанной земляной дорожке, а не по пыльному мощеному тротуару. На длинном газоне с высокой травой росли во множестве колокольчики. Миссис Барбер остановилась полюбоваться цветами, сняла перчатку и, наклонившись, провела ладонью по дремотно поникшим синим головкам.

Колокольчики привели к диковинной развалине – одинокому портику с колоннами, сплошь увитому плющом. Местные власти устроили парк на земельных участках нескольких крупных особняков много лет назад, когда Фрэнсис была маленькой, и она очень хорошо помнила дом, что прежде стоял здесь в диких зарослях ежевики, величественный и всеми покинутый, как сумасшедшая старая герцогиня. Однажды она на спор привела Ноэля в заглохший сад этого особняка, за что была наказана – отлуплена тапком по попе – впоследствии, когда брату стали сниться кошмары. Старого дома, как и самого Ноэля, больше не было – о нем и о соседних домах напоминали лишь немногочисленные руины, порой навевавшие на Фрэнсис печаль. Маленький парк будто пыжился, пытаясь притвориться настоящим парком, а в пасмурные зимние дни так и вовсе производил гнетущее впечатление.

Но Фрэнсис рассказала кое-что из этого миссис Барбер, пока они неторопливо шагали по дорожкам, и тем самым рассеяла мрачные чары. А может, дело было в погоде или в том, что миссис Барбер шла рядом, с красным зонтиком на плече, – в общем, по той или иной причине, парк сегодня дышал очарованием, какого Фрэнсис не замечала в нем прежде. И так все опрятно вокруг, прямо сердце радовалось: деревья и кусты аккуратно подстрижены, лужайки ровно выкошены, яркие цветочные клумбы что кремовые розетки на торте. Было начало пятого, и

по парку прогуливался праздный дневной народ: немощные пенсионеры, дети после школьных занятий, молодые мамочки со своими карапузами, пожилые джентльмены с собачками на поводках – такого сорта люди, иронически подумала Фрэнсис, которых нужно первыми сажать в спасательную шлюпку. Кристина и Стиви только усмехнулись бы презрительно, глядя на все это. Но Кристина и Стиви сейчас были где-то очень-очень далеко. Фрэнсис и миссис Барбер выбирали дорожки, усыпанные лепестками с отцветших деревьев, потом прошли по длинной террасе, в узорчатой тени развесистых глициний. Когда они стали искать место, где расположиться на пикник, Фрэнсис пожалела, что не взяла с собой плед, чтобы расстелить на траве.

В конечном счете они нашли скамейку и вынули все из своих сумок. Сразу стало ясно, что у них совершенно разные представления о съестной составляющей пикников. Миссис Барбер приготовила тоненькие рулетики, бутербродики-канапе и крошечные тарталетки с джемом – трудоемкие изящные закуски, какие описывают в дамских журналах, которые Фрэнсис изредка читала в автобусе, заглядывая кому-нибудь через плечо. Сама она принесла крутые яйца, редиску из сада, соль в бумажном кулечке, кекс с тмином и бутылку неподслащенного чая, завернутую в кухонное полотенце, чтоб не остыла. Но когда они все разложили на клетчатой скатерке, вдруг оказалось, что одно совершенно гармонично дополняет другое. «Настоящее пиршество», – удовлетворенно заключили они, чокаясь чашками.

Тарталетки с джемом рассыпались в пальцах, и рулетики раскручивались, вываливая свое сырное содержимое, но это не имело никакого значения. Канапе были вкуснейшими, редиска сочно хрустела на зубах, и скорлупа слетала с яиц, как плащ с плеч, скинутый одним движением. Раскрытый и поставленный стоймя зонтик окрашивал все в винный цвет. И благодаря миссис Барбер, которая сидела боком, подпирая щеку кулаком, деревянная скамейка казалась удобной, как диван. Один раз она снова рассмеялась своим естественным смехом, наклоняясь вперед и прижимая ко рту запястье, и мужчина на соседней скамейке повернул к ним голову. Фрэнсис боялась, что им будет неловко друг с другом, – в конце концов, они ведь едва знакомы. Но они мгновенно подхватили нить близости, протянувшуюся между ними на полутемной кухне в субботу вечером, и словно бы продолжили вязать ряд, подняв упущенную петлю.

Мужчина, однако, продолжал глазеть на них. Фрэнсис ответила ледяным взглядом, но он лишь ухмыльнулся. Когда все было съедено, она собрала скорлупу и стряхнула крошки со скатерки.

– Может, еще погуляем? Посмотрим остальные достопримечательности?

Миссис Барбер улыбнулась:

– С удовольствием.

На самом деле смотреть особо было нечего. В маленьком регулярном садике рос живописный львиный зев. В пруду плавали утята и смешные грязно-желтые гусята. На теннисном корте азартно сражались две молодые женщины, ловкие и проворные, в развевающихся плиссированных юбках. Играет ли миссис Барбер в теннис? О нет! Она слишком ленивая. Вот Лен играет, в спортивном клубе «Перла», даже кубки брал. А сама мисс Рэй?

– В школе играла, – ответила Фрэнсис. – В теннис и еще в лакросс – жуткая игра. Вообще-то, я в командных играх не блистала. Другое дело велосипед. Или роликовые коньки. Одно время здесь, в Камберуэлле, был каток.

– Да, знаю. Мы с сестрами иногда туда ходили.

– Серьезно? А я ходила с братьями – пока отец не запретил мне, решив, что это вульгарно. Возможно, мы с вами там встречались.

– Даже подумать странно, правда?

Эта мысль поразила обеих.

Они вышли на более оживленную аллею и направились к эстраде – открытой восьмиугольной беседке с красной черепичной крышей. Прошагав через усыпанную гравием пло-

щадку, они поднялись по ступенькам. Дощатый пол, очевидно, навел миссис Барбер на мысль о танцах: она медленно закружилась по беседке в грациозном одиноком вальсе.

У балюстрады она остановилась и начала разглядывать перила. Подойдя к ней, Фрэнсис с огорчением обнаружила, что блестящая зеленая краска на них, издавек выглядевшая опрятно, на самом деле вся исцарапана и изрезана. Перила были покрыты непристойными рисунками – женщина с голыми грудями, кошачья задница – и разными дурацкими надписями: «Билл гуляет с Элис», «Альберт плюс Мэй», «Оливия любит Сесила», – правда, слово «Сесила» зацарапано, вероятно шляпной булавкой, и вместо него накорябано: «Джима».

Фрэнсис провела пальцами по шероховатой поверхности и сказала:

– Ох уж эта ветренная Оливия.

Миссис Барбер улыбнулась, но ничего не ответила. После своего одинокого вальса она впала в непонятную задумчивость. С минуту женщины стояли молча, глядя через парк на унылые краснокирпичные здания местной больницы. Потом миссис Барбер повернулась, присела на балюстраду, поймала шнурок зонтика и принялась рассеянно водить кисточкой по губам. А поскольку она явно не собиралась никуда двигаться, Фрэнсис тоже повернулась и присела с ней рядом. Не самое удачное место для отдыха, конечно, эта причудливая открытая беседка у всех на виду, но раскрытый зонтик у них за плечами создавал иллюзию уединения.

Разумеется, атмосфера в парке переменится через час-другой, когда начнет темнеть. Придут влюбленные парочки, клерки и продавщицы: Билл и Элис, Оливия и Джим. И миссис Барбер вполне может вернуться сюда со своим мужем. Но вернется ли? Фрэнсис сильно в этом сомневалась. Ей вспомнился короткий сухой разговор, подслушанный неделю назад, и встреча в залитом звездным светом саду, произошедшая незадолго до него. Она искоса посмотрела на миссис Барбер, по-прежнему рассеянно водившую кисточкой по своим полным губам и округлому подбородку, и сказала:

– Можно спросить вас кое о чем, миссис Барбер?

Миссис Барбер с любопытством взглянула на нее:

– Да?

– Как вы познакомились с вашим мужем?

Лицо ее чуть заметно напряглось.

– Мы с Ленем? Мы познакомились во время войны, в лавке моего отчима. Я тогда работала там... и мои сестры тоже, мы все работали. Лен – он тогда был в очередном увольнении – проходил мимо, случайно глянул в окно и увидел меня.

– Вот так вот просто?

– Вот так вот просто.

– А что потом?

– Ну, он зашел и притворился, будто хочет что-то купить. Мы разговорились, и... внешне он мне не особо понравился. Лен далеко не красавец, верно? Но у него были такие чудесные синие глаза. И он ужасно смешно шутил, я до колик ухохатывалась.

Миссис Барбер улыбалась, но взгляд ее как бы обратился внутрь, и улыбка была странной: мягкой, но слегка презрительной. Заметив выжидательный взгляд Фрэнсис, она пожала плечами:

– Да, собственно, больше и рассказывать-то нечего. Он пригласил меня в кафе. Потом мы пошли на танцы. Лен хорошо танцует, когда хочет. А потом, когда он вернулся обратно во Францию, мы начали переписываться. За мной ухаживали и другие парни, но Лен... не знаю даже. Война не затронула его, как затронула всех остальных. Он ни разу не был ранен – так, царапины. Говорил, что заговорен от всякой беды, что в этом есть что-то сверхъестественное, что сама судьба свела нас вместе и... – Миссис Барбер выронила кисточку из пальцев. – Я была совсем еще девчонка. И как вы сами сказали на днях, в военное время все кажется гораздо

серьезнее, чем есть на самом деле. Не думаю, что он действительно хотел жениться на мне. Не думаю, что я действительно хотела выйти за него замуж.

– И все же вы поженились.

Миссис Барбер выставила вперед ногу и потрогала носком туфли свиль в дощатом полу.

– Да.

– Но почему, если вы оба этого не хотели?

– Так вышло, вот и все.

– Так вышло? – недоуменно повторила Фрэнсис. – Звучит диковато, вам не кажется? Разве ж можно жениться по случайности?

Миссис Барбер посмотрела на нее со странным выражением – смущенным и одновременно едва ли не жалостливым. Но потом сказала самым обычным тоном:

– Ну разумеется, нельзя. Я просто пошутила. Бедный Лен! У него сейчас, наверное, уши горят! Меня сегодня лучше не слушать. Мы с ним... повздорили вчера вечером.

– О... мне очень жаль.

– Да ничего страшного. Мы вечно ссоримся по пустякам. Я думала, перестанем, когда уедем из Пекхама, но нет, все осталось по-прежнему.

Простота этих слов в сочетании с обыденным тоном миссис Барбер произвела на Фрэнсис тягостное впечатление. Несколько секунд она лихорадочно подыскивала уместный ответ и наконец, в попытке сгладить неприятный момент, сказала:

– Ну, моя йоркширская бабушка часто говорила: любой брак все равно что пианино: порой расстраивается, но его всегда можно настроить. Думаю, у вас с мистером Барбером как раз такой случай.

Миссис Барбер улыбнулась, но улыбка тотчас погасла. Она опустила глаза, заметила что-то на перилах рядом с собой и положила туда ладонь.

– Брак, он вот такой, мисс Рэй, – тихо произнесла она. – В точности такой.

Миссис Барбер указывала на место, где краска глубоко скололась, обнажив старые красочные слои разного цвета, вплоть до сероватого дерева под всеми ними. Она провела пальцами по сколу и печально сказала:

– Когда все в порядке, ты не думаешь обо всех старых слоях краски, иначе просто с ума сойдешь. А думаешь только о верхнем слое. Но прежние-то никуда не деваются, они всегда остаются под ним. Все ссоры, все жестокие слова и поступки. Но время от времени случается что-то, отчего все слои краски разом скалываются, все до последнего. И тогда ты уже не можешь *не* думать о них. – Миссис Барбер подняла глаза на Фрэнсис и, заметно смутившись, снова заговорила обычным голосом: – Нет, мисс Рэй, никогда не выходите замуж. Вам любая жена скажет то же самое! Оно того не стоит. Вы не понимаете, как вам повезло, что вы не замужем и сама себе хозяйка... – Она осеклась. – Ох, простите, бога ради! Мне не следовало говорить про... про повезло. Какая же я дура!

– Вы о чем? – удивилась Фрэнсис.

– Я ляпнула, не подумав.

– Не подумав – о чем?

– Ну...

– Да?

– Ну, у меня сложилось впечатление... возможно, я неправильно вас поняла. Но разве вы не сказали в субботу, когда мы сидели в кухне, что у вас был жених и?...

Неужели она говорила такое? Да нет, быть не может. Но она действительно сказала что-то, припомнила Фрэнсис, – какие-то неосторожные, необдуманные слова. Что-то насчет помолвки, кажется? Разочарования? Потери?

Зонтик, поднятый у них за плечами, по-прежнему отгораживал обеих от всего внешнего мира. Сейчас самое время откровенно во всем признаться, во избежание дальнейших недо-

разумений, подумала Фрэнсис. Но как объяснить-то? Как ответить на милые романтические предположения миссис Барбер, которые, с одной стороны, совершенно ошибочны, а с другой – очень и очень близки к истине? В конечном счете она вообще ничего не ответила – и, разумеется, ее молчание было истолковано как ответ утвердительный. Это не ложь, успокаивала себя Фрэнсис. Но хорошо понимала, что на самом деле – ложь. Ложь, которая немного отдалила ее от миссис Барбер. Они молча сидели рядом, почти соприкасаясь плечами и бедрами, ощущая тепло друг друга, но Фрэнсис чувствовала, что очарование вечера потихоньку испаряется.

Ну вот, а теперь еще появился какой-то мужчина, один, без спутников, будто бы нарочно призванный сюда, чтобы уже окончательно рассеять атмосферу близости между ними двумя. Он неторопливо вошел в беседку, приветственно притронулся к своей соломенной шляпе и остановился у балюстрады в нескольких ярдах от них, якобы любуясь пейзажем. Фрэнсис на него не смотрела, а миссис Барбер сидела с низко опущенной головой. Однако краем глаза Фрэнсис видела, что мужчина поминутно поглядывает на них, причем всякий раз подергивает веком, явно пытаясь изобразить игривое подмигивание.

Эти дурацкие подмигивания раздражали пуще назойливой мухи, и спустя минуту Фрэнсис спросила полупрошептом:

– Может, найдем какое-нибудь другое место где посидеть?

Не поднимая головы, миссис Барбер негромко ответила:

– Из-за него, что ли? Да он мне ничуть не мешает.

Когда они заговорили между собой, мужчина встрепенулся, переместился поближе к ним и стал оценивающе их разглядывать, точно какой-нибудь художник, великий мастер композиции.

– Ах, будь у меня с собой камера! – Он склонился над воображаемым штативом, сжимая в руке воображаемую фотовспышку. Заметив выражение лица Фрэнсис, он рассмеялся. – Неужели вы не хотите, чтобы вас сфотографировали? Я думал, все молодые дамы хотят. Особенно такие красотки.

– Может, пойдем все-таки? – снова обратилась Фрэнсис к миссис Барбер, уже нормальным голосом.

– Да к чему же такая спешка? – запротестовал мужчина.

Фрэнсис встала на ноги. Поняв, что она настроена решительно, он подступил еще ближе и вкрадчиво спросил:

– Ну и как вам пикник – понравился?

Фрэнсис наконец-то посмотрела ему в глаза:

– Что?

– Полагаю, вы от него в восторге. Да и для пикника, полагаю, более благодарных участников не найти. – Мужчина стрельнул взглядом в миссис Барбер и осклабился. – Я даже не представлял, что обычное крутое яйцо может вызывать такую зависть, пока не увидел, как вы с вашей подругой их уплетаете.

Так, значит, это он немногим раньше наблюдал за ними. А когда они завершили чаепитие и двинулись дальше, он пошел следом: от скамейки к клумбам с львиным зевом, от клумб к пруду, от пруда к теннисным кортам, а от теннисных кортов к этой вот оркестровой беседке. И разумеется, потерять их из виду он никак не мог – из-за красного зонтика миссис Барбер. Уж не намеренно ли она взяла с собой такой яркий зонтик? Не намеренно ли остановилась здесь, на самом видном месте?

Нет... нет, конечно. Миссис Барбер, с пылающими щеками, еще ниже опустила голову, чтобы только не видеть назойливого незнакомца. Он пригнулся, пытаясь заглянуть ей в глаза:

– Не желаете развлечься?

– Послушайте, идите уже прочь, а? – попросила Фрэнсис.

Он мельком посмотрел на нее, теперь без малейшего интереса, а потом, насмешливо скривив рот, опять обратился к миссис Барбер:

– Похоже, я вашей подружке не нравлюсь – ума не приложу почему. А вам?

– Ей вы тоже не нравитесь, – твердо сказала Фрэнсис.

Мужчина упорствовал еще минуту-другую, но поскольку домогался он внимания миссис Барбер, а та решительно отказывалась поднять взгляд, в конце концов ему не осталось ничего другого, как отстать от них обеих. Он передернул плечами, будто бы поеживаясь от вечерней прохлады, и небрежно произнес, по-прежнему обращаясь к миссис Барбер, но кивком указывая на Фрэнсис:

– Брр! Суффражистка, да?

Не дождавшись ответа, мужчина отступил в сторону, достал сигарету, извлек из кармана зажигалку, высек огонь – все так неторопливо, словно он и зашел-то в беседку единственно для того, чтобы покурить. Но от недавней игривости в нем не осталось и следа; чуть погодя он медленно вернулся на свое прежнее место у балюстрады, а еще через минуту столь же медленно вышел из беседки.

Миссис Барбер заметно расслабилась. Вид у нее был смущенный, восхищенный, потрясенный. Но она весело рассмеялась:

– Ох, мисс Рэй! Умеете же вы дать отпор!

– Ну нельзя же допустить, – ответила Фрэнсис, все еще кипевшая раздражением, – чтобы наша чудесная прогулка была испорчена потому лишь, что какой-то идиот возомнил себя заправским сердцеедом.

– Я на таких обычно не обращаю внимания, и все. Они всегда отвязываются в конце концов.

– Зачем же ждать, когда они отвязнутся, если можно сразу дать от ворот поворот? А вы заметили, что он нас преследовал? Вон он, вышагивает... только посмотрите. – Фрэнсис наблюдала за мужчиной, неспешно идущим прочь от беседки. – Не иначе сейчас попытается обаять еще какую-нибудь беззащитную с виду женщину. Надеюсь, она ему просто врежет. «Суффражистка»! Так сказал, главное дело, будто это оскорбление какое-то! Будь я помоложе, я бы этому типу с удовольствием врезала, честное слово.

Миссис Барбер продолжала смеяться:

– Думаю, вы бы и в драке его победили.

– Вполне возможно, – сказала Фрэнсис. – Знаете, меня как-то арестовали за то, что я швырнула обе свои туфли, одну за другой, в члена парламента.

Миссис Барбер перестала смеяться:

– Да не было такого. Я вам не верю.

– Было-было. Я целую ночь провела в кутузке, вместе с еще тремя девушками. Мы подняли шум на одном политическом митинге – сейчас я удивляюсь тогдашнему нашему бесстрашию. Вся толпа была против нас. Хотя кидаться туфлями, наверное, не стоило. Пацифисткам такое поведение не подобает.

– И что с вами было потом?

– Член парламента не стал выдвигать обвинения. Он узнал, что мы все девушки из приличных семей, и не захотел, чтобы история попала в газеты. Но на следующее утро мне пришлось объяснять все родителям – они решили, что меня похитили работорговцы. И все же... – Фрэнсис встала, улыбаясь при воспоминании. – Заявиться домой в полицейских ботинках стоило хотя бы ради того, чтобы увидеть вытянутую физиономию отца! Соседи тоже повеселились. Ну что, пойдете?

Она подставила согнутую руку, просто в шутку, но миссис Барбер оперлась на нее и встала, чуть пошатнувшись и снова рассмеявшись. После этого показалось совершенно естественным и дальше держаться под руку. Они спустились по ступенькам и вышли на солнечный

свет, раздумывая, куда бы направиться теперь. Короткое столкновение с навязчивым незнакомцем вернуло дню прежние краски.

Однако Фрэнсис и миссис Барбер не забывали о времени. Пролетело уже полтора часа, совсем незаметно. Они собрались было вернуться к теннисным кортам, но в конечном счете неохотно решили, что пора двигаться домой. Поднявшись по отлогому склону, они еще раз остановились полюбоваться колокольчиками и вскоре вновь оказались на пыльном тротуаре. До самого дома они шли под руку. Разъединились, только когда торопливо переходили через оживленную дорогу. Но на противоположной стороне улицы миссис Барбер переложила зонтик на другое плечо и обошла Фрэнсис, чтобы идти слева от нее, а не справа, как раньше. В первый момент Фрэнсис не поняла, зачем она так сделала, но почти сразу сообразила: миссис Барбер встала таким образом, чтобы между ней и проезжей частью находилась Фрэнсис, и сделала это машинально, как если бы шла рядом с женщиной.

Еще пара минут – и вот он, дом. Фрэнсис открыла калитку, отперла переднюю дверь. Они вместе поднялись по лестнице, миссис Барбер зевала на ходу.

– Меня разморило на солнце, в сон клонит. Вы сейчас чем будете заниматься, мисс Рэй?

– Мне надо позаботиться об ужине для матери.

– А мне – об ужине для Лена. Ах, если бы еда готовилась сама собой! А полы, ковры и посуда сами собой подметались, чистились и мылись! Хорошо бы мистер Эйнштейн изобрел машину для помощи по хозяйству, правда? Вместо того чтобы писать всякую заумь про время, пространство и прочее, которую все равно никто не понимает. Могу поспорить, я точно знаю, что думает об этом *миссис Эйнштейн*.

Говоря это, миссис Барбер повесила зонтик на вешалку и стала стягивать перчатки, палец за пальцем.

Однако, сняв обе перчатки, она помедлила с ними в руке. Они с Фрэнсис посмотрели друг на друга.

– Мне очень понравилась наша прогулка, – сказала Фрэнсис.

– Мне тоже, мисс Рэй.

– Можем повторить как-нибудь.

– О, я с удовольствием.

– В таком случае... если вы не против, конечно... можете называть меня Фрэнсис.

Миссис Барбер казалась польщенной.

– И это тоже – с удовольствием!

– А как мне вас называть? Если вы предпочитаете обращение «миссис Барбер» – так тому и быть.

– Ах, нет, не надо! Терпеть не могу это имя, всегда терпеть не могла! Оно словно с игровой карты в «счастливой семейке», вам не кажется? Вы можете называть меня Лил, как мои сестры... хотя нет, лучше не надо. Лен говорит, «Лил» звучит как имя какой-нибудь официантки. Сам он зовет меня Лили.

– Лили, Лил... А что, если Лилиана?

– Лилиана? – Она удивленно хлопнула глазами. – Так меня никто не называет.

– Ну, мне и хотелось бы называть вас так, как никто больше не называет.

– Да? А почему?

– Сама не знаю. Но это красивое имя. И оно вам замечательно подходит.

Последние слова на самом деле были обычной любезностью. А чем еще они могли быть в таких обстоятельствах? Но Фрэнсис и миссис Барбер стояли совсем рядом, на полутемной лестничной площадке, и в тишине, наступившей после этих слов, между ними двумя опять произошло что-то, какая-то неуловимая алхимическая реакция... И опять миссис Барбер будто бы заколебалась на мгновение. Но потом улыбнулась и слегка наклонила голову.

Такое впечатление, подумала Фрэнсис, что на любой комплимент, даже исходящий от женщины, она не может отозваться иначе, чем просто принять его, впитать, вобрать в себя.

– Какая вы забавная, мисс Рэй, – тихо произнесла миссис Барбер. – Да, конечно, назовите меня Лилиана.

И на этом они расстались.

За ужином мать поинтересовалась, как прошла сегодняшняя прогулка, и Фрэнсис ответила, мол, очень славно. Они с миссис Барбер полюбовались цветами. И вообще, с удовольствием размяли ноги... Вдаваться в подробности она не собиралась. Но через несколько минут вдруг поймала себя на том, что говорит:

– Знаешь, я даже начинаю жалеть миссис Барбер. Она сегодня кое-что рассказала о своем браке – и он не самый счастливый, похоже.

Мать подняла глаза от тарелки:

– Неужели прямо так и сказала?

– Ну, не дословно.

– Хотелось бы надеяться. Ведь вы с ней едва знакомы.

– Но все же у меня сложилось такое впечатление.

– Вряд ли они с мистером Барбером очень уж несчастливы. Я только и слышу, как они смеются. Наверное, они немного повздорили вчера и уже завтра помирятся.

– Вполне возможно, – согласилась Фрэнсис. – Хотя... не знаю. Мне кажется, там что-то более серьезное, чем обычная ссора.

– Со стороны подобные вещи часто кажутся более серьезными, чем есть на самом деле, – сказала мать, уже более благодушно. – Даже мы с твоим отцом изредка поругивались... Но право же, Фрэнсис, нам не следует обсуждать чужие отношения. И если миссис Барбер еще когда-нибудь заведет с тобой такой разговор, ты уж постарайся сразу его пресечь, хорошо? – Она подцепила на вилку шпината и вдруг застыла, не донеся его до рта. – Надеюсь, *ты* с ней не откровенничала?

Фрэнсис пилила ножом кусок жилистой баранины.

– Ну разумеется – нет.

– Все-таки у нее такая родня...

– Мне кажется, миссис Барбер немного одинока. И она очень добрая. Она мне нравится. Да и как-никак мы с ней живем в одном доме. – Все еще продолжая орудовать ножом, Фрэнсис спокойно добавила: – Не вижу причин, почему бы нам с ней не быть друзьями.

Мать с сомнением нахмурилась, но промолчала. Баранина наконец поддалась. Фрэнсис добрую минуту жевала, потом проглотила, а потом заговорила на другую тему – и больше они о Барберах не вспоминали.

В любом случае, возможно, мать была права. Позже вечером, когда Фрэнсис чистила ножи и вилки в кухне, наверху заиграл патефон Барберов – модная танцевальная музыка, легкая и веселая. Какая бы ссора ни произошла между супругами, они уже явно уладили все разногласия. Патефон не смолкал с полчаса, одна мелодия сменялась другой, а последняя грампластинка под конец крутилась все медленнее и медленнее – уже не музыка, а тягучий вой, – поскольку подзавести проигрыватель было некому. Затем наступила тишина, которая почему-то бесила еще сильнее, чем джазовая дребедень. Фрэнсис легла спать, так больше и не увидев миссис Барбер, а на следующее утро, когда они столкнулись на лестничной площадке, обе заметно смутились. Несмотря на вчерашнюю договоренность называть друг друга по имени, они держались неловко и натянуто. Казалось, их дружба закончилась, еще даже толком не начавшись.

После полудня миссис Барбер вышла из дома, с хозяйственной сумкой на плече, и Фрэнсис, объятая смутным беспокойством, стала слоняться по комнатам. В город она сегодня не собиралась – но внезапно, в приступе решимости, переделась, выскочила на улицу, села на автобус до Оксфорд-стрит и заявила к Кристине. Кристина поинтересовалась, как они с матерью уживаются с Леном и Лил, и Фрэнсис ответила шутками про перенаселенный дом и очереди на помывку.

Следующим утром, когда мистер Барбер ушел на службу, а мать подстригала лавандовые кусты в заднем саду, Фрэнсис поднялась в свою спальню за мешком с грязным бельем. Выйдя из комнаты с мешком под мышкой, она бросила взгляд через лестничную площадку – и увидела миссис Барбер, которая сидела за столом в своей кухоньке и лушила горох в миску, одновременно читая библиотечную книгу. На ней было платье сливового цвета; волосы убраны под красный шелковый шарф, щекочущие концы которого лежали на шее сзади. Миссис Барбер потрошила стручки, ни на секунду не отрывая глаз от страниц. А поскольку при виде любого человека, поглощенного книгой, Фрэнсис всегда страшно хотелось узнать ее название, она спросила через всю площадку:

– Что вы читаете, Лилиана?

Имя наконец-то прозвучало совершенно естественно. Лилиана повернулась, моргнула и улыбнулась. Она открыла было рот, чтобы ответить, но потом просто подняла книгу, показывая корешок. Разумеется, с такого расстояния Фрэнсис ничего разглядеть не могла. Поэтому она подошла к самой двери кухоньки и тогда увидела вытисненное золотом название: «Анна Каренина».

– О! – воскликнула Фрэнсис, приятно удивленная, и шагнула вперед. Лилиана не сводила с нее глаз.

– Вы читали эту книгу?

– Это одна из моих любимых. Вы сейчас на каком месте?

– Ах, это ужасно. Там только что закончились скачки, и...

– Бедная лошадь.

– Да, бедная лошадь!

– Как ее звали? Имя какое-то несуразное. Мими?

– Фру-Фру.

– Фру-Фру, точно! Для русского уха, наверное, звучит эффектно.

– Читать последнюю сцену на скачках вообще невыносимо. И бедный Вронский... так произносится фамилия?

– По-моему – так. Да, бедный Вронский. Бедная Анна. Бедные все! Даже старый скучный Каренин. Я читала этот роман очень давно. А теперь мне захотелось перечитать, благодаря вам. Можно взглянуть?

Фрэнсис взяла протянутую ей книгу и принялась листать, предусмотрительно заложив пальцем страницу, где читала Лилиана.

– Княгиня Бетси... я уже и забыла, кто такая. Долли, Китти... А где сцена, когда Анна появляется на вокзале? Разве не в самом начале?

– О нет, чуть ли не в двадцатой главе.

– Вы уверены?

– Да. Давайте покажу.

Когда Лилиана забирала у нее книгу, их пальцы на миг соприкоснулись. С минуту она листала страницы, потом протянула книгу обратно. Да, вот она, сцена, которую Фрэнсис хорошо помнила, почти на сотой странице: Вронский отступает в сторону от двери вагона, чтобы пропустить Анну, выходящую на платформу московского вокзала.

Фрэнсис выдвинула стул и села. Она прочитала всю главу до конца, а Лилиана тем временем лушила горох. Вскоре их пальцы соприкоснулись еще раз, и еще, и еще – теперь уже над

миской. Фрэнсис и Лилиан вместе потрошили стручки, живо обсуждая романы, поэмы, пьесы, любимых и нелюбимых авторов... День стоял теплый, и окно было открыто. Из сада доносилось шелканье секатора. Только когда шелканье прекратилось и стало слышно, как мать шаркает через двор обратно к дому, Фрэнсис неохотно поднялась со стула, взяла мешок с бельем и пошла вниз.

После этого они с Лилианой встречались почти каждый день – отчасти для того, чтобы обменяться впечатлениями об «Анне Карениной», которую Фрэнсис начала перечитывать, но главным образом для того, чтобы просто пообщаться к обоюдному удовольствию.

Одинаковую хозяйственную работу они теперь при каждой возможности делали вместе. Как-то в понедельник утром вдвоем выстирали одеяла в цинковой лохани на лужайке. Потом Фрэнсис заправляла их в отжимный каток, а Лилиана крутила колесо. После, разгоряченные и мокрые, с подоткнутыми выше колен юбками, они долго сидели на пороге, хлебая чай и дымя сигаретами, как поденщицы. Несколько раз они гуляли в Рескин-парке, причем всегда проходили по одним и тем же дорожкам и заканчивали в беседке, где высматривали на исцарапанных перилах имена новых влюбленных. А одним солнечным днем, когда мать Фрэнсис ушла в гости к соседке, они вынесли в сад диванные подушки и лежали в тени могучей липы, поедая турецкий рахат-лукум. Фрэнсис случайно увидела лакомство на рыночном прилавке и купила для Лилианы. «В дополнение к твоим турецким туфелькам», – сказала она, вручая коробку со сладостями. Рахат-лукум был поддельный, английского производства, – бледно-розовые и белые кубики. Сама Фрэнсис только разок куснула и больше не захотела, но Лилиана выуживала из коробки один кубик за другим и отправляла в рот целиком, жмурясь от блаженства.

Время от времени Фрэнсис невольно задавалась вопросом, что общего между ними двумя. Порой, когда Лилианы не было рядом, она силилась вспомнить, в чем же сущность их дружбы. Но потом они снова встречались, улыбались друг другу... и все вопросы отпадали сами собой. Пускай Лилиана не такая интересная и не такая способная, как Кристина... Но нет, она очень даже интересная и очень даже способная – например, шьет не хуже модисток с Бонд-стрит: ей ничего не стоит распороть платье по всем швам и перекроить на другой фасон или, скажем, сесть в три пополюдни с иголкой и тысячью жемчужных бисеринок и к вечеру успеть нашить все до единой на блузку, в которой она собирается идти в танцевальный зал. Фрэнсис часто устраивалась рядом и наблюдала за ней, неизменно восхищаясь ее уравновешенностью, спокойствием, безмятежностью, ее способностью уютно чувствовать себя в своей коже, такой тугой и гладкой. Одно ее присутствие рядом оказывало непонятное благотворное действие: ты ощущал себя комочком воска, бережно зажатым в мягкой теплой ладони.

Еще большей загадкой, конечно же, казался брак Лилианы. Всякий раз, когда мистер Барбер останавливался поболтать на кухне, Фрэнсис пристально в него вглядывалась, пытаясь отыскать в нем хоть какое-нибудь качество, роднящее его с Лилианой, но так ничего и не находила. Она попробовала еще раз расспросить ее про первую пору их знакомства, и Лилиана ответила, как прежде: у Лена были чудесные синие глаза, и с ним было весело... Вдаваться в подробности она явно не хотела, и Фрэнсис пришлось оставить эту тему. В конце концов, она тоже далеко не все о себе рассказывает. Как мало на самом деле они две знают друг о друге – да ничего практически! Еще шесть недель назад Фрэнсис и не подозревала о существовании Лилианы. А теперь постоянно ловила себя на том, что думает о ней, и всякий раз слегка удивлялась, прослеживая вспять всю цепочку мыслей, звено за звеном: на эту мысль навела вот эта, которая в свою очередь была вызвана вон той... Но все мысли неизменно приводили к Лилиане, с чего бы ни начинались.

Но женская дружба всегда такая, рассуждала Фрэнсис: чуть отпустишь удила – и понеслась. Если она время от времени невольно проявляет избыточную нежность – видно, в Лилиане есть что-то, возбуждающее такую нежность, вот и все. И если случаются моменты особой

близости, почти любовной, так это ничего не значит, равным счетом ничего. По крайней мере, Лилиану это нимало не беспокоит. Да, бывает, в глазах у нее мелькает сомнение, но она всегда тотчас же от него избавляется, весело рассмеявшись.

Порой Лилиана внимательно всматривалась во Фрэнсис, слегка прищурившись и наклонив голову набок, – словно чувствовала в ней какую-то загадку, которую старалась разгадать. Или вдруг заводила разговор о любви и браке, вроде бы самые обычные, но с каким-то неуловимым подтекстом... В подобные минуты Фрэнсис со страхом и тревогой осознала, насколько все-таки ненадежна основа, на которой зиждется их дружба, и давала себе слово впредь быть поосторожнее, а потом снова теряла осторожность.

Уже наступил июнь, настоящее лето, и каждый следующий день был теплей и солнечней предыдущего. Мистер Барбер стал еще бойчее и развязнее, чем прежде: по субботам он уходил на службу с теннисной ракеткой под мышкой и всю вторую половину дня проводил в спортивном клубе, а по возвращении домой хвастался Фрэнсис набранными очками и своими отличными подачами, не взятыми соперником. Он завел обыкновение вечерами расхаживать по дому, выискивая разную мелкую работу – где что починить, подправить, наладить. Смазал все дверные петли, посадил на цементный раствор расшатанные плитки в холле, заменил прокладки в кране в судомойне, так что тот перестал капать. Фрэнсис не могла понять, благодарна ли она за помощь или, наоборот, раздражена непрошеным вмешательством в свои дела. Она и сама уже давно собиралась заняться отставшими плитками. Теперь каждый раз, когда мистер Барбер проходил через холл, Фрэнсис слышала, как он останавливается, пробует пол ногой и довольно хмыкает, словно восхищаясь своей работой.

Но его хозяйственный зуд оказался заразительным. Как-то утром в середине месяца Фрэнсис полезла в шкаф в коридорчике за мухобойкой, и оттуда вывалилась куча вещей. Вещи принадлежали братьям и хранились в доме повсюду, и Фрэнсис, ища что-нибудь в комодах или сундуках, привыкла прокапываться через исторические слои школьных фуражек, крикетных мячей, книг авторства Генти¹² и коробок с коллекциями минералов. Ну и что, теперь ей вечно мучиться? Братья никогда уже не вернуться. Фрэнсис собрала все, что нашла, и позвала мать. Целый час они разбирали и сортировали вещи, причем мать отчаянно упиралась на каждом шагу. Эти книги надо отдать в благотворительную организацию, верно? Ах, но вот эту Ноэль получил в качестве приза, там на форзаце написано его имя – неприятно думать, что какой-то другой мальчик будет держать ее в руках. Ну хорошо, хорошо. А эти ботинки? Может, оставим? Ладно, давай оставим. И боксерские перчатки, и телескоп, и микроскоп, и предметные стекла?

– Нам обязательно *сейчас* этим заниматься, Фрэнсис?

– Рано или поздно это придется сделать.

– Может, просто сложим все в сундук в подвале?

– Весь подвал забит отцовским барахлом. А что насчет этого альбома с марками, как думаешь? Наверное, стоит сходить оценить его. Вдруг часть марок можно продать...

– Фрэнсис, прошу тебя...

В конечном счете из затеи ничего путного не вышло. Они закончили, казалось, с еще большим количеством вещей, чем начали. Один маленький узелок собрали для жены викария, и какую-то мелочь – школьные значки, академический шарф – мать Фрэнсис, горестно тряся щеками, унесла к себе в спальню. Фрэнсис нашла модель корабля, которую Ноэль склеил в детстве и назвал ее именем, и к глазам у нее подступили слезы.

За обедом они почти не разговаривали, погруженные каждая в свои невеселые мысли, а после еды уселись у открытых французских окон. Мать положила на колени перевернутый поднос с бумагой, ручками и бутылочкой чернил на нем: она обещала написать несколько писем

¹² Джордж Генти (1832–1902) – английский писатель, знаменитый своими историко-приключенческими романами.

от одной из своих благотворительных организаций. Фрэнсис штопала чулки под мерный скрип и постукивание писчего пера, но через пятнадцать минут заметила, что звуки прекратились: мать задремала. Бросив чулок, Фрэнсис рванулась с кресла и еле успела поймать ручку, выпавшую из пальцев матери. Потом завернула колпачок на бутылочке и отставила ее подальше. Пока она стояла, вглядываясь в бледное, обвислое, беззащитное лицо матери, на глаза у нее снова навернулись слезы.

Ах, да что толку раскисать-то? Фрэнсис решительно смахнула слезы. Так, чем бы ей заняться сейчас? Штопка – дело хорошее, конечно, но лучше воспользоваться тем, что мать спит, и выполнить какую-нибудь грязную работу. Крыльцо давно пора подмести, вот что. Мать всегда страшно нервничала, когда Фрэнсис выходила со шваброй на крыльцо, где ее могли увидеть соседи, проходящие мимо по улице.

Но тут наверху заскрипели доски пола. Лилиана находилась в своей спальне. Она что, одевается, чтобы выйти из дома? Нет, не похоже. Такое впечатление, будто она стоит на месте, переносит тяжесть с одной ноги на другую. Чем же она там занимается?

Если Фрэнсис тихонько поднимется и узнает, никому хуже не будет, правда?

Дверь спальни была открыта настежь.

– Это ты, Фрэнсис? – крикнула Лилиана, едва Фрэнсис ступила на лестничную площадку.

– Да.

– Ты что там делаешь? Заходи ко мне.

Фрэнсис осторожно вошла. У нее до сих пор болезненно сжималось сердце при виде бывшей комнаты братьев, сейчас украшенной бесчисленными безделушками, кружавчиками и пестрыми гирляндами. Комод был столь тесно заставлен флаконами духов, кольдкремами и пудреницами с пуховками, что напоминал задник в Альгамбре¹³. На зеркале трюмо висела недавно постиранная пара розовых шелковых чулок. Лилиана стояла у кровати, задумчиво глядя на рисунки с фасонами платьев, разложенные на стеганом покрывале. Она делает эскизы, пояснила она, пробует разные идеи. Через пару недель сестра Нетта устраивает вечеринку – и она, Лилиана, решила сшить новое платье для такого случая.

Фрэнсис рассмотрела эскизы и с удивлением обнаружила, что они весьма хороши – во всяком случае, не хуже, чем эскизы Стиви.

– Да у тебя талант, Лилиана, – сказала она. – Ты настоящий художник. Твоя мать, теперь припоминаю, так про тебя и говорила. Она была совершенно права.

– О, – смутилась Лилиана, – в моей семье тебя назовут художником, даже если ты всего лишь поставишь часы не по центру каминной полки, а ближе к левому краю. – Однако спустя секунду она застенчиво добавила: – Хотя когда-то я и впрямь хотела стать художником. Часто ходила в картинные галереи, на выставки разные. Даже думала записаться на художественные курсы.

– Тебе следовало это сделать. Почему же ты не записалась?

– Ну... – Лилиана рассмеялась. – Вместо этого я вышла замуж!

Она взяла с кровати несколько рисунков и принялась критически разглядывать, держа их веером в вытянутой руке.

Наблюдая за ней, Фрэнсис сказала:

– Ты могла бы пойти на курсы сейчас.

Лицо Лилианы просветлело.

– Ага, могла бы. – Но голос ее звучал не очень уверенно. – Только мне кажется, у меня не хватает способностей. И я точно знаю, что скажет Лен! Мол, пустая трата времени и денег. У него сейчас одни деньги на уме. На вечеринку к Нетте он не собирается – пойдет на какую-то дурацкую пирушку с сослуживцами. Они с Чарли вместе пойдут. На этот свой мальчишник.

¹³ *Альгамбра* – популярный лондонский театр и мюзик-холл в Вестминстере, существовавший с 1854 по 1937 г.

Сегодня Лен определенно был не в милости. Но продолжать тему Лилиана не пожелала. Она еще с минуту рассматривала рисунки в вытянутой руке, затем собрала их в стопку, вместе с остальными эскизами, а стопку положила на комод, умудрившись найти для нее место среди флаконов и бутылочек.

Потом, немного постояв в задумчивости, Лилиана подняла голову и посмотрела на отражение Фрэнсис, которое видела в зеркале на самом краешке, не заслоненном розовыми чулками.

– А почему бы тебе не пойти со мной к Нетте, Фрэнсис?

Фрэнсис опешила:

– На вечеринку?

– Ну да. А что такого?

– Но я не приглашена.

– Нетта сказала, я могу привести с собой кого захочу. И моя семья будет тебе очень рада. Они все время про тебя спрашивают. Ну пожалуйста, пожалуйста, скажи «да»! – Лилиана уже повернулась, охваченная радостным возбуждением. – Там не намечается ничего особенного... так, маленькая вечеринка у Нетты в Клэпэме. Но будет весело. Мы отлично проведем время.

– Ну... – Фрэнсис задумалась. А будет ли весело с уолвортскими сестрами? – Не знаю, право. А какого числа вы собираетесь?

– Первого июля, в субботу.

– Мне нечего надеть.

– Не может быть, наверняка есть что!

– Ничего такого, за что тебе не пришлось бы краснеть.

– Я тебе не верю! Давай я посмотрю твой гардероб. Пойдем покажешь прямо сейчас!

– Нет! – испуганно сказала Фрэнсис, молниеносно перебрав в уме все свои наряды. –

Половина моих вещей расползается по швам. Стыдно показывать.

– Ну что за глупости!

– Ты будешь смеяться.

– Ах, брось, Фрэнсис! Ты же когда-то швырялась туфлями в полицейского!

– Не в полицейского. В члена парламента.

– Ты швырялась туфлями в члена парламента. Значит, и показать мне свой платяной шкаф не побоишься, правда? – Продолжая говорить, она двинулась через комнату с протянутой рукой.

Поскольку Фрэнсис по-прежнему нерешительно мялась, Лилиана схватила ее за запястье, на удивление крепко. Фрэнсис попыталась было вырваться, но потом, жалобно протестуя, позволила вывести себя из гостиной и протащить через лестничную площадку. Они ввалились к ней в спальню, громко хохоча, с раскрасневшимися лицами, и остановились, чтобы успокоиться и отдышаться.

Отсмеявшись, Лилиана тотчас же принялась осматриваться. Она никогда прежде здесь не была и сейчас с нескрываемым любопытством разглядывала немногочисленные декоративные вещицы, канделябры на каминной полке, пейзаж Фридриха на стене...

– Очень милая комната, Фрэнсис, – улыбнулась Лилиана. – Соответствует твоему характеру. Не забита разным хламом, как моя. Это твои братья? – Она заметила на комодке две фотографии в рамках. – Можно посмотреть? Ты не против? – Она взяла фотографии, и ее улыбка стала печальной. – Какие они были красивые! Ты очень на них похожа!

Фрэнсис встала с ней рядом, глядя на фотографии: студийный снимок Ноэля в школьном возрасте и сделанный в заднем саду моментальный снимок Джона-Артура, дурашливо сдвинувшего шляпу набекрень перед камерой. Джону-Артуру здесь было намного меньше лет, чем ей сейчас, но для нее он всегда оставался старшим братом. И как странно он выглядел в своем

жилете, с выпущенной на него старомодной часовой цепочкой. Фрэнсис раньше не замечала этого.

Нет, вдруг поняла она, хватит с нее братьев на сегодня. Лилиана снова шарила взглядом вокруг, теперь почти украдкой, словно предполагая найти где-нибудь фотографию еще одного молодого человека... может, там, на прикроватной тумбочке?...

– Послушай, насчет вечеринки... – Фрэнсис направилась к платяному шкафу. – Ты действительно хочешь ознакомиться с моим тряпьем?

Лилиана поставила фотографии на место:

– Да!

– Ну ладно... – Дверца шкафа со скрипом отворилась, точно дверь кладбищенского склепа. – Не говори потом, что я тебя не предупредила.

Медленно окинув взглядом свои наряды, вяло висящие на проволочных плечиках, Фрэнсис принялась вынимать их один за другим. Начала с домашних блузок и юбок, затем перешла к вещам, которые считала лучшими в своем гардеробе: серая туника, желтовато-коричневый жакет, темно-синее платье (любимое) и еще одно (так и не полюбившееся) из шелка чайного цвета. Лилиана брала каждую вещь и внимательно рассматривала. Поначалу она высказывала свое мнение очень тактично и деликатно, во всем находя детали, достойные похвалы и восхищения, однако постепенно увлеклась делом и перешла на критический тон. Да, это платье симпатичное, но ведь оно цвета грязной лужи. Эту юбку нужно укоротить, такую длину давно уже не носят. А что до вот этого... в таких, наверное, еще королева Виктория ходила! О чем, вообще, Фрэнсис думала, когда его покупала?

Она свалила все вещи в кучу на кровать:

– Неужели тебе никогда не хотелось красиво одеться?

– Хотелось, конечно. В молодости.

– Ты всегда говоришь так, будто тебе в обед сто лет.

– Просто я потеряла интерес к нарядам. И потом, у нас было туго с деньгами. Ты еще моего нижнего белья не видела. По сравнению с ним эти тряпки – последний писк парижской моды. Кое-что уже и не починить, приходится скреплять английскими булавками.

– Так, и что же ты наденешь на вечеринку?

– Не знаю даже... Ты меня застала врасплох своим приглашением. – Фрэнсис порылась в груди одежды и вытащила из нее платье. – Вот это, пожалуй.

Это было черное муаровое платье, в котором она ходила на званые ужины и вечеринки последние лет шесть-семь. Фрэнсис встряхнула его и развернула к окну, чтобы лучше рассмотреть на свету. Однако оно оказалось хуже, чем ей помнилось. Когда-то лиф у него был сплошь расшит бисером, но со временем бисеринки поотрывались, оставив после себя торчащие ниточки, похожие на жесткие черные волоски. На одном рукаве виднелась строчка ручных стежков – там Фрэнсис когда-то зашила прореху. Что самое ужасное, подмышки у платья были белесые. Однажды, довольно давно, Фрэнсис закрасила их чернилами, но чернила поблекли, и ткань пошла голубоватыми разводами...

Страшно сконфуженная, Фрэнсис опустила платье:

– Нет, лучше другое, которое грязного цвета.

– У тебя наверняка есть еще что-нибудь.

– Нет, честное слово. Сама посмотри.

Встав бок о бок, они заглянули в сумрачные недра опустошенного шкафа. Теперь там висела лишь школьная одежда Фрэнсис: унылые саржевые платья, длинные юбки, блузки с жесткими воротничками и галстуками. Странно подумать, что всего десять лет назад она носила такие вот неудобные, безобразные наряды. При одном воспоминании о фланелевом нижнем белье, невыносимо душном, ей стало худо.

Но что-то вдруг привлекло взгляд Лилианы, и она запустила руку в самую глубину шкафа.

– Так... а тут у нас что такое?

– Ох, это я по дурусти когда-то купила, – сказала Фрэнсис, когда еще одно платье было извлечено на свет божий. – Поддалась на уговоры одной знакомой. Нет, оно вообще ни в какие ворота.

Платье было серовато-зеленого цвета, с широким воротником и многоярусной юбкой, со шнуровкой из кожаной тесьмы на груди и манжетах. Купить его Фрэнсис подбила Кристина, в той, другой их жизни. Оно стоило три гинеи – три гинеи! Сегодня сумма казалась астрономической. И Фрэнсис надевала его всего один раз, на бал Красного Креста. Отец Кристины раздобыл билеты, и они с ней, две убежденные пацифистки, долго обсуждали, этично ли посещать подобные мероприятия. Но в конечном счете они чудесно провели время, полностью отдавшись веселью. Позже тот бал всегда вспоминался Фрэнсис как яркий луч света среди угрюмых теней. И сейчас, при виде серо-зеленого платья, висящего в пальцах Лилианы, внезапно все ожило в памяти: электрическая напряженность вечера; поездка в таксомоторе по темным улицам в сопровождении простоватой Кристининой тетушки Полли, приставленной к ним в качестве дуэньи; сама Кристина, сладкий аромат ее волос, ее мягкие, податливые руки в тонких лайковых перчатках...

Лилиана не сводила с нее внимательных глаз:

– Вот в нем тебе и следует идти, Фрэнсис.

– В этом? О нет!

– Да-да. Глядя на все остальные платья, ты хмурилась. А это... видишь? Ты же улыбаешься! Ну-ка, надень.

– Нет-нет. Я буду чувствовать себя глупо. И посмотри, в каком оно состоянии! Насквозь пропахло затхлостью.

– Это ерунда. Постирать, погладить – и все дела. Надень, покажись мне в нем. Ну доставь мне такое удовольствие, пожалуйста. Я не буду смотреть – скажешь, когда можно.

Лилиана сунула платье ей в руки, повернулась к ней спиной и застыла в ожидании. Фрэнсис, за неимением другого выхода, принялась раздеваться. Сначала она раздевалась медленно, но потом испугалась: вдруг Лилиана, обернувшись раньше времени, увидит ее рваное ветхое белье, – и заторопилась: скинула тапочки, лихорадочно стянула блузку и юбку, встряхнула затхлое платье и стала надевать через голову. Оно тотчас же словно завязалось узлом, и несколько долгих секунд Фрэнсис отчаянно с ним боролась, пытаясь просунуть руки в узкие рукава. Посмотрев наконец в зеркало, она увидела себя, всю красную, с растрепанными волосами, с выпирающими ключицами под мятой тканью в обтяжку, и само платье с дурацкой шнуровкой, в котором она походила на какую-то обитательницу Шервудского леса, осталось только усесться в одно из уродливых отцовских кресел и забряцать на лютне.

Однако Лилиана, повернувшись к ней, просияла улыбкой:

– Ах, Фрэнсис, ты выглядишь очаровательно. И цвет тебе к лицу. Счастливица! Лично я в зеленом выгляжу как труп. Да, платье очень тебе идет. Над ним нужно немножко поработать, вот и все. – Приблизившись, она с профессиональной сноровкой одернула на Фрэнсис платье, расправляя складки. – Во-первых, давай занизим талию. Тогда оно станет совсем другим, подчеркнет твою стройность – ах, я отдала бы все на свете, чтобы быть такой тоненькой и стройной! Но линия силуэта здесь должна быть мягче. Понимаешь, о чем я? Тебе нужно носить корсеты посвободнее. Жесткие или тугие эластичные – для пышногрудых дамочек вроде меня. И ты должна носить шелковые чулки, Фрэнсис, а не эти ужасные хлопчатобумажные. Неужели тебе не хочется выставить в самом выгодном свете свои изящные щиколотки?

Лилиана говорила без малейшего смущения, легко и непринужденно, как если бы само собой подразумевалось, что она давно уже изучила Фрэнсис и составила мнение о ее щиколот-

ках, бедрах и нижнем белье. Но с другой стороны, женщины вроде Лилианы всегда изучают других женщин. Они все подмечают и все оценивают, восхищаясь или презрительно морщась, и они всегда завидуют чьей-то красивой груди, приятному цвету лица, изящному рисунку губ...

Теперь Лилиана чуть приподняла подол:

– Юбку надо укоротить. Видишь, насколько так лучше?

– Да не хочу я ничего укорачивать!

– Всего лишь на пару дюймов, для вечеринки, а? Нам же не нужно, чтобы ты там ходила, путаясь в подоле?

– Но...

– Стой смирно, сейчас сбегаю за булавками.

Сопротивляться не имело смысла. Через считанные секунды Лилиана вернулась со своей корзинкой для рукоделия и принялась что-то измерять и отмечать на платье, то опуская, то поднимая, то разводя в стороны руки Фрэнсис, будто кукольник, управляющий безвольной марионеткой.

Она понатыкала в платье столько булавок, что Фрэнсис, когда наконец было позволено, снимала его с себя очень-очень медленно, боясь поцарапать кожу.

Но и на том Лилиана не успокоилась. Как только Фрэнсис вновь облачилась в свои привычные, вусмерть застиранные блузку и юбку, она оценивающе посмотрела на нее, постукивая пальцами по губам, и задумчиво произнесла:

– Хорошо... а что нам делать с твоей прической?

Фрэнсис опешила:

– С прической? Так с ней все в порядке – разве нет?

– Но ты все время зачесываешь волосы назад. Не хочешь сделать другую причёску, более подходящую к платью? Я могу тебя подстричь. И завить. Давай удивим твою мать. А, Фрэнсис, что скажешь?

Фрэнсис не хотела ни подстригаться, ни завиваться. Ее вполне устраивали прямые, средней длины волосы, которые при необходимости можно подрезать над раковиной в судомойне, на мытье и укладку которых не требуется ни усилий больших, ни денег.

Что же до того, чтобы удивить мать, так Фрэнсис точно знала, какого рода удивление она испытает.

Но ей передалось радостное возбуждение Лилианы. Мысль о том, чтобы отдаться в ее руки, казалась соблазнительной, как и самая пассивность поз, которые придется принимать в процессе стрижки и завивки: покорно опущенная голова, послушно поднятые руки. «Я прямо как те странные мужчины, – внезапно подумала она, – которые в полутемных комнатах на задворках Пиккадилли укладываются на колени к женщинам и просят хорошенько их отстегать».

Но и эта мысль тоже возбуждала. Со слабым протестующим стоном Фрэнсис позволила вывести себя обратно на лестничную площадку. Проходя мимо лестницы, она посмотрела вниз и подумала о спящей в гостиной матери, такой беззащитной, но не замедлила шага.

Лилиана крепко держала ее за рукав, чтоб не сбежала, а свободной рукой неуклюже встряхивала газету и расстилала развернутые листы на полу. Потом переставила на них стул. Когда Фрэнсис уселась, Лилиана даже положила ладони ей на плечи и слегка надавила, словно пригвождая к месту.

– А сейчас, – предостерегающим тоном произнесла она, – я схожу за всем необходимым. Не вздумай дать деру, Фрэнсис! Полагаюсь на твою честь.

Лилиана покинула комнату и через пару минут вернулась с полотенцем, расческами и кожаной сумочкой, напоминавшей докторский саквояж в миниатюре. Она закрыла дверь с заговорщицким видом. Полотенце накинула Фрэнсис на плечи и заправила за воротник. А

сумочку пока отставила в сторону: сперва нужно вымыть волосы. Лилиана хотела сделать все в лучшем виде и собиралась начать с яичного шампуня. О, она так и знала, что Фрэнсис это скажет! Нет, это не пустая трата яиц. А если даже и так – значит в этом-то и весь смысл: нужно немножко себя побаловать. Или Фрэнсис монашка какая-то?

Говоря все это шутливо, но решительно, Лилиана достала из корзинки яйцо, осторожно его разбила, чуть раздвинула половинки скорлупы, сливая белок на блюдце, а затем выпустила желток в чашку и взбила, смешав с уксусом. Едва Фрэнсис принялась вынимать шпильки из волос, она ее остановила. Разве в салонах красоты дамы собственноручно расшпиливают волосы? Нет, конечно! Лилиана встала за стулом и сама извлекла шпильки, одну за другой, нащупывая их кончиками пальцев и осторожно вытаскивая из тугий кички. Когда волосы вольно рассыпались, голова Фрэнсис словно увеличилась в объеме – так бутон превращается в пышный цветок.

Однако, как только на них был нанесен взбитый желток, чары рассеялись: от ощущения липкой, влажной корки на голове Фрэнсис просто передергивало. Спустя какое-то время Лилиана провела ее в кухню, велела наклониться над раковиной и, крепко взяв за загривок, точно тюремная надзирательница, принялась лить на нее воду, кувшин за кувшином. Со слезящимися глазами и заложенными ушами, Фрэнсис неверной поступью вернулась в гостиную, уселась на свой стул и стала покорно наклонять голову так и эдак, пока ей расчесывали спутанные волосы. Потом наступила короткая блаженная пауза: Лилиана расстегивала кожаную сумочку и что-то доставала из нее. Послышался безошибочно узнаваемый щелчок ножниц, быстро раздвинутых и сдвинутых, и Фрэнсис вдруг остро осознала реальность происходящего. Она обернулась и увидела, что Лилиана, с ножницами в руке, нерешительно замерла на месте. Газетные листы еле слышно похрустывали у них под ногами. Фрэнсис снова подумала о матери, мирно похрапывающей с приоткрытым ртом. Подумала о неподметенном крыльце. Как она вообще допустила, чтобы дело зашло так далеко?

Лилиана положила руку ей на плечо:

– Ты же не трусишь, правда?

– Ну, разве самую малость.

– Вспомни своего члена парламента.

– Я уже жалею, что рассказала тебе про того несчастного члена парламента.

– Вспомни мужчину, пристававшего к нам в парке, – ты же не побоялась его отбрить!

– Это была не смелость, а... – Фрэнсис опять повернулась лицом к стене. – Сама не знаю что. Я уже давно не совершала смелых поступков.

Ладонь Лилианы по-прежнему лежала у нее на плече.

– А по-моему, ты очень смелая, Фрэнсис.

– Ты меня почти не знаешь.

– Ты делаешь, что считаешь нужным, и тебя не волнует мнение окружающих. Я бы хотела быть такой, как ты. Ну и потом... – Лилиана понизила голос. – Это очень мужественно с твоей стороны – держаться так жизнерадостно, когда ты пережила... столько потерь.

Она могла иметь в виду ее отца, ее братьев, утраченное семейное состояние. Но почему-то было очевидно, что на самом деле она подразумевает ее воображаемого жениха.

После всех этих разговоров о смелости Фрэнсис почувствовала себя мошенницей. Она ничего не ответила, не повернулась. Лилиана легонько пожала ее плечо и убрала с него руку.

А мгновение спустя Фрэнсис ощутила холодное прикосновение ножниц к шее сзади, неожиданно высоко. Лезвия сомкнулись со звуком, похожим на свист косы, и что-то соскользнуло на пол. Фрэнсис изогнулась, посмотрела вниз, и сердце у нее екнуло. На газете лежала прядь темных волос, с пол-ярда длиной. Лилиана выпрямила ей голову и твердо сказала: «Не надо смотреть». Снова прикосновение холодного металла. Щелчок и шорох падения... Ладно,

все равно теперь уже слишком поздно. Волосы обратно не приделаешь. Фрэнсис уставилась на лакированные обои, а прожорливые ножницы продолжали лязгать, продвигаясь вокруг шеи.

Возможно, это было как-то связано с тем, что ей обрезали волосы, прядь за прядью. А возможно, она все еще находилась в слегка истерическом состоянии оттого, что столь безропотно подчинилась чужой воле. Но слова Лилианы не выходили у нее из головы. Может, сейчас самое время признаться – пока у нее нет возможности посмотреть Лилиане в глаза? В животе противно заныло. Фрэнсис подождала, когда очередная прядь упадет на пол, а потом, с пересохшим от волнения ртом, тихо заговорила:

– Послушай, Лилиана. Похоже, у тебя сложилось впечатление, что однажды я была помолвлена. Что у меня был роман... с мужчиной. – Она помолчала, собираясь с духом, и наконец решительно продолжила: – У меня действительно несколько лет назад была любовная связь... но... с девушкой.

Движения Лилианиных рук замедлились: она растерялась, она подумала, что Фрэнсис шутит.

– С девушкой? – слабо хихикнув, переспросила она.

– Ну да, с женщиной, – бесцветным голосом произнесла Фрэнсис. – Мне очень хотелось бы сказать, что все было страшно невинно, целомудренно и все такое. Но... нет, не было. – Последовало молчание. – Ты понимаешь, о чем я?

Лилиана ничего не ответила, но убрала руки с ее головы. Немного выждав, Фрэнсис обернулась. Лилиана стояла, опустив ножницы, и медленно покрывалась румянцем – Фрэнсис видела, как волна пунцовой краски поднимается от распахнутого ворота блузки и заликает горло, щеки, лоб. Встретившись взглядом с Фрэнсис, она отвела глаза и пробормотала:

– Я... я не знала.

– Конечно. Откуда ты могла знать?

– Я думала, речь идет о мужчине.

– Да, это моя вина. Я сожалею. Мне не следовало вводить тебя в заблуждение. Но такого рода вещи... о них, знаешь ли, не упомянешь в разговоре между прочим. Я нисколько не стыжусь тех своих отношений. Мы любили друг друга до беспамьяства... И давай больше не будем об этом. – (При слове «любили» Лилиана покраснела еще гуще.) – Зря я тебе рассказала. Не бери в голову. Это было давно и... по большому счету не имело значения.

Это имело значение, да еще какое. Это был полный перелом в жизни Фрэнсис. Но теперь ее мутило от сознания, что она допустила непоправимую ошибку, сказав лишнее. Ну кто ее тянул за язык, спрашивается? Очарованная теплом и непринужденностью дружбы с Лилианой, она совсем забыла, что ждать от этой дружбы, в общем-то, нечего. В конце концов, Лилиана замужем. О боже! А вдруг она расскажет мужу? Своим сестрам? Своей болтливой матери?... Фрэнсис замутило еще сильнее.

Она наконец отважилась обернуться через плечо. Лилиана машинально вытирала лезвия ножниц, изо всех сил стараясь усвоить услышанное, – казалось даже, она делает глотательные движения, будто проталкивая в себя жесткую корку, застрявшую в горле.

Потом, не глядя Фрэнсис в глаза, она подошла и снова заработала ножницами. Теперь Фрэнсис ничего не имела против – наоборот, хотела, чтобы лезвия щелкали бойчее и все поскорее закончилось. Она с новой, неприятной остротой осознавала интимность их с Лилианой поз: сама она сидит на стуле, как пленница, а Лилиана склоняется над ней, обдавая теплым дыханием ухо и шею. Процесс стрижки, слава богу, завершился уже через несколько минут. Однако, отложив в сторону ножницы, Лилиана порылась в кожаной сумке и извлекла оттуда устрашающего вида предмет, похожий на утюжок для плойки. Увидев, что она направилась к плите, и поняв, с какой целью, Фрэнсис торопливо сказала:

– Завивку делать совсем необязательно. Я прекрасно обойдусь без нее.

Веки Лилианы затрепетали. Нет, она обещала ее завить. Она хочет сделать все как полагается. Это не займет много времени... Лилиана раскалила щипцы в голубом газовом пламени, проверила их на листке бумаги и помахала ими, чтобы немного остудить, – все молча, без тени улыбки. Вернувшись на свое прежнее место за стулом, она самыми кончиками пальцев поправила голову Фрэнсис и невыразительным голосом произнесла:

– Теперь сиди смиренно...

Когда щипцы захватили прядь, влажные волосы пугающе зашипели и воздух наполнился мерзким запахом, похожим на запах горелых перьев. Кожу на голове обжигало жаром утюжка просто нестерпимо! Но Лилиана работала быстро и сноровисто, закручивая прядь за прядью, поминутно отступая на шаг-другой, чтобы окинуть критическим взглядом плоды своих усилий, и время от времени возвращаясь к плите, чтобы заново раскалить щипцы. Она не говорила ни слова, избегала встречаться с Фрэнсис взглядом, и лицо у нее по-прежнему пылало. Фрэнсис сидела как в кресле дантиста – вся потная и совершенно несчастная.

Наконец тяжелое испытание закончилось. Лилиана еще минуту-две поправляла волосы расческой, потом принесла мужнину зеркало для бритья и сунула Фрэнсис в руки.

– Ну как? – спокойно спросила она. – Тебе нравится?

При виде своего отражения Фрэнсис обомлела. С этой немисливо короткой стрижкой и великолепной завивкой она себя еле узнавала. Она чуть повернула и наклонила набок голову:

– Прямо совсем другой человек.

– Теперь ты выглядишь модно и шикарно.

– Шикарно?

Лилиана снова покраснела.

– Эффектно. Такая прическа подчеркивает лепку твоего лица.

Ну да, пожалуй... Четкий край стрижки привлекал внимание к резко очерченной челюсти Фрэнсис. А Кристина всегда говорила, что самое красивое в ней – челюсть и подбородок. Но Фрэнсис не испытывала удовольствия – все никак не могла расслабиться. Лилиана забрала у нее зеркало и принялась сгребать волосы, рассыпанные на газете. Собранные в кучу, они выглядели омерзительно, словно огромный клочок кресельной набивки. Фрэнсис поднялась на ноги и стала помогать. Они завернули волосы в газету и запихали объемистый сверток в мусорное ведро.

Случайно столкнувшись руками над ведром, они отпрянули друг от друга. Все между ними разладилось, все стало не так, как раньше. Недавнее буйное веселье, примерка платья в спальне Фрэнсис, дурацкий салон красоты в гостиной Лилианы – будто бы ничего этого и не было. Или даже хуже: после признания Фрэнсис все стало казаться подозрительным, двусмысленным, предосудительным. Лилиана убирала ножницы и расчески, хмурясь почти раздраженно. Фрэнсис никогда еще ее такой не видела. Может, она перебирает в памяти прошлые события? Вспоминает разные странные знаки внимания со стороны Фрэнсис, рахат-лукум, комплименты? Решительный отпор, который Фрэнсис дала мужчине в парке, положившему глаз на нее, Лилиану? Не думает ли она, что Фрэнсис спровадила того типа единственно с целью занять его место?

Или Фрэнсис и впрямь преследовала такую цель?

Когда Лилиана стала закрывать сумку, Фрэнсис набрала в грудь воздуха.

– Лилиана. То, что я тебе рассказала...

Лилиана защелкнула замок:

– Все в порядке, не беспокойся.

– Точно?

– Да.

– И ты никому не...

– Разумеется – нет.

– И ты... ну, постарайся выбросить это из головы? Мне бы очень не хотелось, чтобы это расстроило нашу дружбу.

Лиλιана улыбнулась и небрежно махнула рукой, словно желая сказать, что она в таких делах искушена и выслушивает подобные лесбийские признания... да каждый второй день практически!

Но жест вышел неубедительным, а улыбка была натянутой – одними губами. Обменявшись еще несколькими неловкими фразами, женщины расстались. Фрэнсис отправилась в свою спальню и там в смятении уставилась в зеркало. Прическа уже не вызывала уверенности – казалась ужасной ошибкой, как и все, что произошло сегодня. Фрэнсис потрогала пальцами оголенную шею, чувствуя себя беззащитной.

Потом она собрала все свое мужество – деваться-то все равно некуда, так зачем тянуть время? – вышла из спальни и спустилась вниз.

Дверь гостиной она открыла тихо, на случай если мать все еще спит. Но мать уже проснулась и сидела за бюро, надписывая конверт. Она посмотрела на Фрэнсис поверх очков, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы перефокусировать глаза. Затем она положила ручку, сняла очки и медленно произнесла:

– О господи!

– Да! – Фрэнсис натужно хихикнула. – Боюсь, я не устояла перед натиском Лиλιаны.

– Это миссис Барбер сотворила? Я и не подозревала, что она такая мастерица. Ну-ка, подойди ближе, встань на свету. Ах, Фрэнсис, прелестно!

Фрэнсис вытаращилась на нее, не веря своим ушам:

– Ты так считаешь?

– Очень, очень мило. Повернись-ка, дай посмотреть. Да прямо модная картинка!

– Я была уверена, что тебе не понравится.

– Почему же, скажи на милость? Я только рада, что ты прихорошилась. Мне вообще хотелось бы, чтобы ты уделяла больше внимания своему внешнему виду.

– Ты о чем?

– Ну... – Мать покраснела. – Иногда ты выглядишь немножко неряшливо, расхаживая по дому, вот и все. Сама-то я ничего не имею против, меня единственно беспокоит, что думают другие. Но твоя новая прическа... Нет, она чудо как хороша!

Ее слова застали Фрэнсис врасплох. Все еще взвинченная после неловкого объяснения с Лиλιаной, она вдруг снова испытала неодолимое желание расплакаться. Она подошла к камину и встала там спиной к матери, без всякой надобности поправляя и приглаживая волосы. «Идиотка! Идиотка!» – обругала она себя, с трудом подавив слезы.

Выйдя из гостиной, Фрэнсис в нерешительности постояла в холле. А поднявшись наверх, помедлила на лестничной площадке. Должна же Лиλιана выйти – поинтересоваться, как мать отнеслась к новой прическе?

Но хотя дверь кухоньки была приоткрыта и из-за нее слышалось какое-то шебуршение, Лиλιана так и не появилась.

5

Завивка держалась до самого конца дня, но наутро по пробуждении Фрэнсис выглядела как пациентка психиатрической клиники: с одной стороны головы волосы выпрямились, слежались и висели безжизненными прядями, а с другой – дыбились спутанными кудрями, расчесать которые было невозможно. Не зная, что еще с ними делать, Фрэнсис до упора отвернула кран ванны и сунула под него голову. От завивки не осталось и следа, но волосы, высохнув, стали нелепо топорщиться.

Внимательно рассмотрев Фрэнсис, мать осталась далеко не в таком восторге, как накануне.

– Почему бы тебе не попросить миссис Барбер привести твою прическу в порядок? Вчера у нее получилось совершенно замечательно.

Но когда Фрэнсис обратилась за помощью к Лилиане, между ними опять возникла мучительная неловкость. Лилиана показала, как следует укладывать волосы, чтобы они лежали естественными волнами. Она стояла за ней у трюмо в спальне, поправляя пряди кончиками пальцев, но упорно избегала встречаться с ней взглядом в зеркале и все время сохраняла такую настороженную позу, будто входит в колючие заросли и боится поцарапаться. У Фрэнсис тоскливо сжималось сердце. Она чувствовала, что своим вчерашним признанием разладила, разрушила их дружбу. И чего ради, спрашивается? Во имя честности. Во имя принципа. Во имя старой любви, которая в любом случае уже давно угасла, вечность назад.

В последующие дни Фрэнсис продолжала считать свою новую стрижку чересчур экстравагантной, но, получив множество комплиментов от подруг матери и соседей, она в конце концов решила, что с прической все в порядке. Мистер Барбер, расхаживая по дому, весело насвистывал «Немножко не в своем уме», и Фрэнсис восприняла это как своего рода похвалу. А Кристина при виде нее слегка опешила: «Ого!.. Недурно, совсем недурно, хотя такая стрижка подчеркивает твою тяжеловатую челюсть» – и это Фрэнсис тоже сочла за комплимент. Даже парнишка, приносивший мясо, стал смотреть на нее как-то по-другому. В общем, все восхищались ее новым образом, – все, кроме Лилианы. Такое впечатление, что их дружба, набиравшая обороты, вдруг резко остановилась, визжа тормозами, и дала задний ход. Почти неделю они общались как домовладелица и квартирантка – просто обменивались незначительными фразами, случайно сталкиваясь на лестнице, лестничной площадке или в холле. В «Анне Карениной» Китти ждала ребенка, Анна с Вронским были глубоко несчастны, и трагическая развязка приближалась. Но ни литературных разговоров, ни пикников в парке, ни совместных перекуров на пороге задней двери больше не было. И никаких упоминаний о вечеринке у Нетты.

Фрэнсис не могла не заметить, что и раздоры с Леном тоже прекратились. Даже более того. Однажды вечером супруги ушли куда-то с мистером Уисмутом и его невестой и вернулись только в половине первого: поднялись на цыпочках по лестнице, принесли с собой ощущение многолюдного сборища, громких голосов, музыки, смеха, звона бокалов, – во всяком случае, так показалось Фрэнсис, напряженно прислушивавшейся в темноте. А в другой вечер у них долго орал патефон, проигрывая пластинки с танцевальной музыкой. Ближе к ночи, направляясь к себе в спальню, Фрэнсис мельком увидела через приоткрытую дверь гостиной, что они двое сидят в розовом плюшевом кресле, тесно прижавшись друг к другу. Мистер Барбер играл то ли с марионеткой, то ли с куклой, заставляя ее скакать по своим коленям, а Лилиана зачарованно наблюдала, засунув босую ступню ему под отворот брючины и бесцельно трогая пальцами ромбовидный орнамент на его носке. Вид этих лениво шевелящихся пальцев произвел на Фрэнсис неожиданное действие: она вдруг сильнее, чем когда-либо, почувствовала одиночество. Она тихонько прошла в свою комнату, разделась, не зажигая свечи, и свернулась клубком в постели, охваченная беспросветной тоской. Зачем ей жить? Ее сердце иссохло, омертвело –

оно что сморщенный чернослив, что древняя окаменелость, что кусок застывшей лавы. Ее рот словно набит золой. Все безнадежно, все тщетно...

На следующее утро в туалете Фрэнсис обнаружила, что пришла «подруга». Почему это называли «подругой», она никогда не понимала – уж скорее, «враг у ворот». Тем не менее при виде алого пятна на гигиенической прокладке ей полегчало. Женщины всегда малость не в себе перед этими днями, подумала Фрэнсис, и не виноваты в своем подавленном настроении. Она сказала матери, что у нее легкий приступ невралгии, и весь день провела в постели с грелкой.

Полулежа на подушках, ощущая шей шелковистость коротких волос, Фрэнсис слышала, как Барберы ходят взад-вперед по лестничной площадке. Время от времени доносился голос Лилианы: сейчас, вне ее физического присутствия, старательно поставленные интонации в нем казались совсем неестественными, и ее смех звучал резко, с привизгом. Фрэнсис в который раз задалась вопросом: что, собственно говоря, у нее с Лилианой общего? Может быть, они сошлись просто от скуки, от нечего делать? Ну вот *как* они проводили время вдвоем? Прогулки в парке, рахат-лукум... убогие, банальные развлечения. Глядя на платяной шкаф, Фрэнсис вспомнила, как Лилиана перебирала ее платья. «И ты должна носить шелковые чулки, Фрэнсис, а не эти ужасные хлопчатобумажные!» Не было ли в этом известного высокомерия? Обидной снисходительности по отношению к Фрэнсис? Как будто в ее унылую жизнь требуется внести какое-то оживление, и никто, кроме Лилианы, этого сделать не может.

А когда выяснилось, что в свое время жизнь Фрэнсис оживлял, причем самым нетрадиционным образом, другой человек, Лилиане это не понравилось.

Ладно, тем хуже для нее! Извиняться Фрэнсис не намерена. «Лучше уж быть такой, как я, – подумала она, – чем замужней женщиной. Лучше быть старой девой, чем ограниченной пекхамской женошкой!»

Назавтра утром Фрэнсис встала, полная решимости.

– Нам надо чаще выбираться из дома, – заявила она изумленной матери. – Надо разнообразить нашу жизнь. Мы погрязли в рутине.

Она составила список мероприятий: концерты, экскурсии, общественные собрания. Под влиянием момента пролистала свою записную книжку с адресами и написала письма старым друзьям. Взяла в библиотеке несколько книг современных авторов, которыми никогда раньше не интересовалась. Начала самостоятельно изучать эсперанто, повторяя фразы за работой по дому.

La faro brulos malbone. Огонь горит сильно.

U vi min comprenas? Вы меня понимаете?

Nenie oni povis trovi mian hundon. Они нигде не нашли мою собаку.

– Ты замечательно выглядишь, Фрэнсис, – сказала подруга матери, миссис Плейфер, заглянувшая к ним в середине месяца. – Раньше ты частенько ходила хмурая, а сейчас прямо вся светишься, чему я очень рада. Хочу пригласить вас с матушкой на ужин. У меня теперь есть радиоприемник. Можем послушать вместе какую-нибудь передачу. Что скажешь? Давай в ближайшие дни. Скажем, в четверг?

Ну... почему бы и нет? Фрэнсис знала миссис Плейфер всю свою жизнь. Ее муж работал старшим брокером в фирме отца Фрэнсис, а дочери учились в одном классе с Фрэнсис. Сейчас миссис Плейфер заседала в разных благотворительных комитетах вместе с матерью Фрэнсис. Она принадлежала к разряду степенных эдвардианских дам, одержимых жадной организаторской деятельностью, и вечера в ее обществе обычно проходили скучновато. Но... для разнообразия и такое сгодится. Ведь Фрэнсис хотела именно разнообразия. И вот в четверг вечером она надела темно-синее платье, старательно расчесала и уложила волосы, и они с матерью проделали недолгий путь через вершину Чемпион-Хилл к «Бремару» – внушительному особняку миссис Плейфер, построенному в семидесятые годы.

– Ах, как мило ты выглядишь! – воскликнула миссис Плейфер, приветствуя Фрэнсис в гостинице. – Я знала, что поход в гости будет тебе на пользу. Садись вон там, у окна на свету, рядом с мистером Краузером. Вам, молодежи, солнце нипочем. А я солнце плохо переношу.

Значит, мистер Краузер тоже приглашен на обед. Обмениваясь с ним рукопожатием, Фрэнсис вспомнила, что слышала о нем от матери. Он то ли служил в одном батальоне с сыном миссис Плейфер, Эриком, то ли лежал на соседней койке в лазарете, когда Эрик умер, – что-то такое, в общем, – и миссис Плейфер совсем недавно разыскала его. Ибо у миссис Плейфер была еще одна страсть – собирать всевозможные подробности, касающиеся смерти Эрика в Месопотамии. Она переписывалась с капелланами, медсестрами, военными врачами, полковниками. Хранила фотографии могилы Эрика и места, где он был ранен. Изучала книги, карты, планы местности – она любила хвастаться, что, закрыв глаза, мысленно видит улицы Багдада столь же ясно, как, например, улицы Камберуэлла.

«Интересно, – подумала Фрэнсис, – понимает ли мистер Краузер, зачем он здесь нужен?»

Это был довольно привлекательный мужчина лет тридцати, темноволосый, с аккуратными усами.

– Вы давно знаете миссис Плейфер? – спросил он, пока они потягивали херес, и Фрэнсис объяснила связь между семьями.

– В школьные годы я здесь часто бывала, в гостях у Кейт и Делии. Сейчас они обе замужем и живут далеко. Делия так вообще на Цейлоне.

Мистер Краузер кивнул:

– Я сам одно время думал поселиться на Цейлоне. Или в Южной Африке. У меня там двоюродный брат.

– Вот как? А чем вы там собирались заниматься?

– Пошел бы на какую-нибудь административную должность, если бы взяли. Или подался бы в инженеры. Не знаю даже.

– Судя по вашим словам, вы человек разносторонне одаренный.

Он улыбнулся, но продолжать тему не стал.

Прозвонил обеденный гонг, и они прошли в столовую залу, тоже залитую ярким предвечерним солнцем. Фрэнсис, опять усаженная хозяйкой у самого окна, рядом с мистером Краузером, на протяжении всего обеда щурилась от ослепительного света. Тем не менее съесть четыре блюда, приготовленные не своими руками, было настоящим наслаждением. Миссис Плейфер, чьи капиталовложения оказались удачными, не расставалась со своими слугами даже во время войны. Она держала кухарку и горничную Пэтти, а также приходящую служанку для черной работы. Нарезая маслянистую куриную грудку в беспощадном свете солнца, Фрэнсис ясно видела, в каком ужасном состоянии у нее руки. Она заметила, что мистер Краузер один раз взглянул на них и тотчас вежливо отвел глаза.

Он сохранял вежливость, даже когда разговор, как и следовало ожидать, перешел на Эрика. Несколько натянутым, но учтивым тоном он рассказывал о проведенных в Месопотамии днях, о палящей жаре, о раскаленном песке, об изнурительных переходах, о сумятице и неразберихе короткого боя, в котором они с Эриком были ранены. Миссис Плейфер одобритительно кивала, словно коллекционер, оценивающий новое приобретение и прикидывающий, в какую витрину его поместить. Когда по завершении обеда они вернулись в гостиную и уселись у радиоприемника, мистер Краузер любезно вызвался покрутить ручки настройки. Радиоприемник произвел на Фрэнсис неоднозначное впечатление. Она почувствовала себя довольно нелепо, когда надела наушники и, к великому своему разочарованию, не услышала ничего, кроме подобия предсмертных хрипов, продолжавшихся добрых две минуты. Но наконец треск и шипение преобразовались в голос, и тогда... да, было странно и восхитительно вдруг услышать строки Шекспира и с замиранием сердца осознать, что слова прилетают через многие мили пустого пространства, прямо в уши, точно шепот Бога. Но даже еще более странно было

снять наушники и внезапно понять, что шепот продолжается и будет продолжаться, все такой же страстный – независимо от того, слушает кто-нибудь или нет.

Пэтти принесла кофе, и они вышли наружу. Лето уже перевалило за середину, но погода стояла на удивление теплая и ясная. Мать Фрэнсис и миссис Плейфер устроились в тростниковых креслах на террасе, а Фрэнсис с мистером Краузером спустились в сад и неспешно пошли по дорожке. Сиамские кошки миссис Плейфер, Ко-ко и Ням-Ням, увязались за ними, а когда они уселись на резную каменную скамью, Ням-Ням запрыгнула на колени к мистеру Краузеру, и тот гладил и почесывал ее, пока она не заурчала, как крохотный моторчик.

Они сидели на виду у миссис Плейфер и матери Фрэнсис, но за пределами слышимости, а потому могли разговаривать совершенно свободно. Наблюдая, как мистер Краузер почесывает за ухом блаженно мурлычущую кошку, Фрэнсис сказала:

– Боюсь, вам сегодня пришлось сполна отплатить миссис Плейфер за гостеприимство. Не только помощью с радиоприемником, я имею в виду. Вряд ли вам было приятно.

Не поднимая глаз, мистер Краузер ответил:

– О, я не жалуясь. Обычно, когда дамы узнают, что ты был где-то восточнее Суэца, они теряют к тебе интерес. Им подавай романтику окопной жизни и все такое.

– И вы не против вспоминать все снова и снова?

– Не против. Да, это был ад крошечный. Самый настоящий ад. Но поверите ли, я иногда ловлю себя на том, что тоскую по тем дням. Видите ли, там ты постоянно сознавал, что делаешь важное дело. А это очень много значит, как я теперь понял. Здесь же... сейчас, когда все закончилось... ты оказался никому не нужен. Друзей почти не осталось – мало кто вернулся живым. На приличную должность таким, как я, не устроиться. На днях я случайно столкнулся со своим лейтенантом. Так он чистит обувь на вокзале Виктория! Другие мои знакомые мыкаются с места на место, хватаясь то за одно, то за другое. Ни у кого из нас не хватает силы за что-то зацепиться. Сам я живу, будто в тумане. Цейлон, Южная Африка – я никогда туда не доберусь. А если даже и доберусь, стану влачить там такое же бессмысленное существование, как здесь. Честно говоря, я завидую простому рабочему человеку. Да, у него тоже нет работы, но, по крайней мере, у него есть идеи большевизма.

Все это время мистер Краузер продолжал гладить кошку, и Фрэнсис поразило, что говорит он без всякой горечи, без малейшего признака гнева. После долгой паузы она тихо произнесла:

– Я тоже тоскую по военным дням. Вы не представляете, мистер Краузер, чего мне стоит признаться в этом. Но нам нельзя поддаваться тоске, верно? Иначе мы истаем, как призраки. Нам надо пересмотреть свои ожидания. Важные вещи утратили былое значение. Я говорю об Идеях с большой буквы, во имя которых погибло без счета людей нашего поколения. Но именно поэтому вещи незначительные стали сегодня как никогда важными.

– Незначительные вещи? – улыбнулся мистер Краузер. – Вроде этой вот зверушки, вы имеете в виду?

– Я имею в виду самые простые, обыденные вещи, требующие внимания и заботы. Клочки земли, которые нужно вспахать и засеивать. Дома, где нужно убираться.

– Дома, где нужно убираться, – неопределенным тоном повторил он, по-прежнему улыбаясь, и Фрэнсис не поняла, понравилась ему эта мысль или позабавила своей нелепостью.

Впрочем, она не поняла, нравится ли мысль ей самой, или уже кажется полнейшей чепухой. Глядя на мистера Краузера, почесывающего кошку, Фрэнсис начала раздражаться.казалось, в нем совсем нет жизни – если не считать безостановочно шевелящихся пальцев. Наверное, он пришел к миссис Плейфер сегодня по той же причине, что и она сама: просто чтобы убить вечер, вычеркнуть из календаря еще один день. А заодно поесть и выпить на дармовщину.

Раздосадованная, Фрэнсис отвернулась от мистера Краузера и заметила, что миссис Плейфер и мать наблюдают за ней с террасы. Вернее, наблюдают за ними обоими, украдкой, но с явным интересом, словно тот факт, что они двое тихо сидят в тенистом саду, имеет для них какое-то особое значение и им страшно любопытно, как там у молодежи «идут дела».

Очевидность ситуации раздосадовала Фрэнсис еще сильнее. Она шумно, раздраженно выдохнула, и мистер Краузер поднял на нее глаза, потом бросил взгляд на террасу:

– А, да. Похоже, предполагалось, что сегодня я отплачу за гостеприимство не единственным способом. Мне очень жаль, мисс Рэй, что собеседник из меня никудышный.

– Все нет, – коротко ответила Фрэнсис. – Не говорите так.

– Хотите, мы подыграем? Можем пройти по саду или...

– Нет, не стоит.

Мистер Краузер всмотрелся в лицо Фрэнсис и наконец перестал улыбаться.

– Да вы расстроены, похоже.

– Не расстроена, а... Не знаю даже, как объяснить!

Он немного подождал, доброжелательно на нее глядя, а затем снова принялся ласкать Ням-Ням, и они сидели в молчании еще несколько минут – пока кошка, внезапно заскучав, не спрыгнула с коленей мистера Краузера, точно палеваая мартышка, и не погналась за мотыльком.

Фрэнсис встала:

– Ну что, вернемся к дамам?

Когда все четверо перешли обратно в гостиную и расселись там, Фрэнсис почти не принимала участия в разговоре. Она изо всех сил старалась улыбаться, но это не помогало. Броня решимости растрескивалась и отваливалась кусок за куском, как старая кора с дерева. Фрэнсис чувствовала, что медленно, но неотвратно – будто бы под напором некоей неодолимой силы – приближается к состоянию депрессии. Пэтти принесла поднос с ликерами. Миссис Плейфер предложила сыграть в бридж «аукцион».

– Ты будешь моим партнером, Эмили, – обратилась она к матери Фрэнсис своим обычным повелительным тоном. – Померимся интеллектуальными способностями с молодежью.

– Боюсь, мне сейчас не до бриджа, – сказала Фрэнсис. – У меня что-то голова разболелась. Наверное, солнцем напекло за ужином.

– Ах, какая жалость!

Пожилые дамы были разочарованы: втроем-то в «аукцион» не поиграешь. Вместо бриджа пришлось удовольствоваться патефоном: они прокрутили три-четыре пластинки со старомодными вальсами. Потом стали обсуждать последние новости – выделенные Германии кредиты, громкие разводы в светском обществе... Но сумрачное молчание Фрэнсис действовало гнетуще, и разговор скоро сошел на нет. В конце концов все заметно обрадовались, когда Ням-Ням запрыгнула на колени к мистеру Краузеру и принялась тыкаться головой ему в руку: теперь, по крайней мере, было на что смотреть и о чем говорить.

Без двадцати десять миссис Плейфер велела Пэтти принести шляпы. Мистер Краузер, утвивый до конца, проводил Фрэнсис с матерью до их калитки.

Они вошли в дом молча. Свет в холле не горел, и (как часто бывало после визитов к миссис Плейфер) все вокруг выглядело ветхим, убогим и грязным. Лестницу будто не натирали ни разу, в отчаянии подумала Фрэнсис. А пол будто никогда не мыли – хотя только сегодня утром она надраила все плиткусы «Вимом».

Фрэнсис сняла шляпу и привстала на цыпочки, чтобы зажечь от спички газовый светильник.

Мать задержалась около нее:

– Как твоя голова?

– Терпимо.

– Выпьешь аспирина?

- Нет. Сразу лягу спать, пожалуй.
 - Да? Тогда и свет зажигать незачем.
 - Барберам понадобится, позже. Кажется, они опять ушли куда-то.
 - А... ну да. Ты действительно сейчас же поднимаешься к себе? Может, немножко посидишь со мной? Расскажешь, о чем вы с мистером Краузером разговаривали.
 - Да нечего рассказывать, мама.
 - Не может быть, чтобы совсем нечего, ведь вы так увлеченно беседовали.
 - Решительно нечего, уверяю тебя.
- Мать неодобрительно поцокала языком:
- Ты определенно в дурном настроении сегодня вечером. Не понимаю почему.
 - Не понимаешь? Неужели?

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Тишину нарушало лишь шипение газового рожка.

Лицо матери приняло замкнутое выражение.

- Хорошо, ступай спать. Надеюсь, к утру голова у тебя пройдет.
- Спасибо, – буркнула Фрэнсис, поворачиваясь прочь.

Ко времени, когда она привела в порядок кухонную плиту и вынесла наружу молочный бидон, мать уже закрылась в своей комнате.

Фрэнсис стала подниматься вверх, испытывая отвращение от одного вида лестницы. На промежуточной площадке она остановилась и задернула портьеры, с трудом подавив желание сорвать их с колец к чертовой матери. Теперь у нее и впрямь разболелась голова, – во всяком случае, она чувствовала, как боль сгущается, собирается в пульсирующий ком под затылком и ползет вверх.

Поднимаясь по последним ступенькам, она увидела свет в гостиной Барберов, услышала скрип пола под чьими-то ногами и с упавшим сердцем поняла, что супруги все-таки дома. Она нерешительно замедлила шаг, потом ускорила, но было уже поздно: мистер Барбер вышел на полутемную лестничную площадку прямо навстречу Фрэнсис.

Он был босиком и без пиджака, в рубашке с мягким воротником, и держал в руке два высоких стакана.

- Мисс Рэй! Мы думали, вас не будет допоздна. У вас все в порядке?

Слышал ли он их с матерью перепалку? Чтобы он не подумал, что она рассержена или раздражена, Фрэнсис выдавила улыбку:

- Да, все хорошо. Мы были в гостях у соседей.
- Жаль, мы не знали, что вы вернетесь так рано. Мы пригласили бы вас и вашу матушку чутко выпить с нами. Мы сегодня отмечаем одно приятное событие.

– Да?

– Да. Не люблю хвастаться, но... ваш покорный слуга получил повышение по службе. – Мистер Барбер шутливо-застенчивым жестом пригладил усы.

В полумраке Фрэнсис разглядела пенное кружево на внутренних стенках стаканов и остатки пива на доньшке. Лицо у мистера Барбера было красное.

– Поздравляю. Bravo. – Продолжая улыбаться, Фрэнсис бочком двинулась к своей комнате.

Мистер Барбер вытянул руку:

– Послушайте, почему бы вам не присоединиться к нам? Время еще детское. Глоточек на сон грядущий, а? На дорожку, так сказать? Лили будет рада – правда, Лил? – Он уже вошел обратно в гостиную, легко переступая босыми ногами, и говорил, глядя в часть комнаты, скрытую от глаз Фрэнсис отворенной дверью. – Здесь мисс Рэй, она уже вернулась из гостей. Я пригласил ее посидеть с нами.

Ответ прозвучал невнятно, но Фрэнсис услышала скрип диванчика и поняла, что деваться некуда. Мистер Барбер сделал ей знак рукой, и она проследовала за ним в гостиную.

Лиλιана сидела в янтарном свете единственной лампы, явно не зная, встать ей или нет при появлении Фрэнсис. Она была без тапочек, как и муж, и тоже вся раскрасневшаяся. Вокруг нее валялись в беспорядке смятые диванные подушки. На одной из них лежала кукла, которую Фрэнсис мельком видела однажды. Сейчас она хорошо ее рассмотрела: тряпичная кукла с длинными разболтанными конечностями и зловещим оскалом, в темно-синем вельветовом костюмчике и белой бескозырке.

На нее опять накатило щемящее чувство одиночества. Когда Лиλιана наконец встала и сказала, немного смущенно:

– Привет, Фрэнсис! Правда здорово, что Лена повысили? – она ответила фальшиво-жизнерадостным тоном, сама себя не узнавая:

– Ну еще бы не здорово! Держу пари, вас обоих распирает от гордости!

Мистер Барбер выпятил грудь колесом, теперь изображая самодовольство.

– Ага. Когда начальник вызвал меня в кабинет сегодня утром, я думал, он устроит мне разнос! А он усадил меня, угостил сигарой и сказал: «Послушайте, Барбер. Такой способный мальчик, как вы...»

– Да ладно, не говорил он такого! – рассмеялась Лиλιана.

– Это его доподлинные слова! «Барбер, дружище, послушайте. Такому умнику, как вы, не годится застревать на должности, которая никогда не принесет больше двухсот пяти в год. Старый Эррингтон скоро от нас уходит. Как вы смотрите на то, чтобы занять его место? Там положено жалованье на десять фунтов больше. А чтобы показать, насколько высоко мы вас ценим, мы накинем еще пятерку и сделаем кругленькие двести двадцать».

Фрэнсис продолжала улыбаться, но это стоило ей огромных усилий. Двести двадцать фунтов! Она только сегодня утром получила отчет о дивидендах с одной из неудачных инвестиций отца: сорок пять фунтов. В прошлом году было шестьдесят.

– Поздравляю, – повторила она. – Действительно есть что отметить. Но... я не хочу вам мешать...

– О чем вы говорите? – Мистер Барбер выглядел расстроенным. – Мы же все тут друзья, разве нет?

– Да, конечно, но...

– А на дворе еще совсем светло! Еще и десяти нет! Знаю, каминные часы показывают четверть одиннадцатого – но они как Лили: вечно спешат. – Мистер Барбер со смехом отскочил от жены, попытавшейся шутливо ткнуть его кулаком.

Фрэнсис быстро посторонилась, чтобы он на нее не налетел, и в результате переместилась чуть дальше в комнату.

Она предприняла очередную попытку:

– Пожалуйста, не стоит беспокоиться...

Но у нее уже не осталось сил сопротивляться. После всех переживаний сегодняшнего вечера она была как выжатый лимон.

– Так, что будете пить? – осведомился мистер Барбер не допускающим возражений тоном. – Портер? Херес? Джин с лимонадом?

Фрэнсис, после секунды мучительного колебания, наконец сдалась:

– Джин с лимонадом. Самую малость.

Мистер Барбер двинулся к двери.

– А Лили у нас по-прежнему хлещет портер, да?

Снова шутливый тычок кулаком, и снова мимо. Лиλιана покраснела пуще прежнего.

– Я буду то же, что Фрэнсис, – крикнула она вслед мужу, направившемуся на кухню.

Мистер Барбер унес с собой оживленную атмосферу. Лилиана и Фрэнсис стояли как чужие. Потом обе сели: Лилиана – на прежнее место на диване, а Фрэнсис – в глубокое кресло напротив, страшно неудобное. Из кухни донесся хлопок пробки, выдернутой из горлышка, потом звон бокалов.

– Я тебя целую вечность не видела, – наконец сказала Лилиана.

– Ты каждый день меня видишь.

– Ты понимаешь, о чем я. Как твои дела?

– О, у меня все тип-топ. А у тебя? Как поживаешь, чем занимаешься? Дочитала «Анну Каренину»?

Лилиана опустила глаза:

– Лучше бы вообще не читала. Я над последними страницами прямо слезами обливалась.

Она подтянула к себе куклу, положила на колени и принялась тереть ее вельветовые штаны. Взгляд Фрэнсис привлекла одна вещь на каминной полке: коробка из-под рахат-лукума, поставленная между испанским веером и фарфоровым Буддой.

Фрэнсис не успела ничего сказать по этому поводу. Мистер Барбер вернулся с тремя стаканами в руках: в одном – темное пиво, а в двух других – джин с лимонадом, налитый доверху и перетекающий через края. Он закрыл дверь ногой и прошел через комнату. Фрэнсис взяла мокрый стакан осторожно, двумя пальцами. Отдав второй стакан жене, мистер Барбер поднес руку ко рту и принялся слизывать джин с костяшек.

– Я все вижу и все понимаю, я же не слепой! – вдруг укоризненно произнес он, и в первый момент Фрэнсис подумала, что он обращается к ней.

Но мистер Барбер разговаривал с куклой.

– Морячок Сэм положил глаз на Лил, – пояснил он. – Стоит только мне отвернуться, шельмец тотчас перебирается к ней на колени. – Он поставил стакан на пол и взял куклу. – А ну-ка, иди сюда, приятель! Хватит с тебя удовольствий на сегодня. Посиди теперь на каминной полке, держа свои шаловливые ручонки при себе... Если, конечно, я найду для тебя место среди этих чертовых безделушек. – Он немного передвинул Будду, глухо брякнувший тамбурин. – Вы когда-нибудь в жизни видели столько хлама, мисс Рэй? Знаете, когда рядом Лили, нельзя терять бдительность ни на минуту. Иначе она непременно прицепит к вам какой-нибудь бантик. Хотя с бантиком вы будете выглядеть премило, я уверен. И Морячок Сэм тоже так считает – верно, дружище? Что-что? – Он поднес к уху ухмыляющееся лицо куклы. – А вот насчет Лили ты не уверен? По-твоему, Лили выглядит как... фу, Морячок Сэм, это не очень приличное слово!

Лилиана выбросила вперед ногу, пытаясь пнуть мужа, на сей раз по-настоящему, и он снова со смехом увернулся. Наконец мистер Барбер усадил куклу на каминной полке, старательно скрестил ей ноги, потом поднял с пола свой стакан и сел на диван рядом с женой.

Фрэнсис, усталая, сконфуженная и нимало не позабавленная Морячком Сэмом, задалась вопросом, не совершила ли она ошибку. У миссис Плейфер она выпила хереса, сухого вина и мятного ликера, и ей совсем больше не хотелось пить. Сейчас, когда дверь была закрыта и единственная лампа отбрасывала маленький круг света, комната казалась маленькой и тесной – и Фрэнсис внезапно почувствовала себя словно в ловушке. Она заперта здесь вместе с Лилианой, на которую не может смотреть без кома в горле. Вместе с мистером Барбером, которому не вполне доверяет. И что самое ужасное, вместе с их браком, их загадочными отношениями, в которых кратковременное потепление, чем бы оно ни объяснялось, явно закончилось и уже назревал очередной разлад... Подробности Фрэнсис не интересовали. Поднося к губам липкий стакан, она подумала: «Пятнадцать минут, самое большее – и откланяюсь». Она отхлебнула глоток – изрядный глоток, чтобы поскорее допить до дна, – и мгновенно закашлялась. Напиток обжег язык и застрял в горле – неразбавленный джин, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.